ЩЕМЯЩАЯ ИРОНИЯ

КОЛЬЦО НА ДНЕ КОЛОДЦА

Не открою америк, если скажу, что пика своей славы настоящий поэт достигает лишь после собственной смерти. Истинный талант — всегда что-то новое, непривычное, часто идущее вразрез с устоявшимися вкусами и потому противоречащее общественному мышлению. Новое на какое-то время лишает стабильности, что не может не раздражать. Необходимо время, чтобы привыкнуть к нему.

Так — во всем. Поэзия не исключение. Даже Пушкин в сознании народа при жизни был только известным поэтом. Великим он стал после смерти. То же произошло и с Высоцким. Его семидесятилетие вызвало такой накал всенародной любви, которой удостоился далеко не каждый классик.

И стоит ли удивляться, что екатеринбургский поэт при жизни был оценен лишь в узком кругу своих друзей? Стоит! Ибо я не знаю поэта, который, имея такой высокий уровень таланта, был бы настолько неизвестен. При жизни Мишина, а прожил он без малого 47 лет, его стихи появились лишь в нескольких местных газетах.

Мне видится образ поэта кольцом, упавшим в колодец. Но я верю, что время поднимет его со дна — и, как видно, время это уже началось.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ИЗВЕСТНОСТИ

Уральские патентованные рифмачи, услышав о екатеринбуржце Мишине, недоуменно пожмут плечами: кто такой? Среди членов писательского союза он не числится. Значит, решат, один из самодеятельных авторов, а попросту сказать, графоманов, которыми кишмя кишит Россия. На том и успокоятся, сладостно ощущая в кармане удостоверение члена союза, где написано и печатью скреплено, что владелец сих «корочек» — поэт.

Но, если кто-то из этих, скажем так, избранных (не будем уточнять, кем и за что) снизойдет до чтения стихов Владимира Мишина, он вряд ли останется при первоначальном мнении. Человек понимающий, любящий поэзию, если только гордыня не обнесла его высоким, глухим забором, осознает, что перед ним поэт российского масштаба.

Владимир Мишин

Ефим Дорош когда-то сказал: литература делается печатанием, вместе с тем, не все, что напечатано — литература. Тем самым он четко расставил акценты. Пока поэт не издан — он находится в непроявленном состоянии. Но почему порой весьма крупные поэты уходят из жизни мало известными?

Настоящий литератор пишет по указке сердца, не оглядываясь на господствующую в данный момент идеологию, а потому всегда может прийтись не ко двору властям. И потом, даже если стихи — на нейтральные темы, неизвестному творцу вот так сразу ходу не дадут — все новое пробивается с трудом. А истинному таланту, как правило, не интересно заниматься пробиванием своих произведений под девизом: цель оправдывает средства. Он, конечно же, хочет публиковаться, однако у него нет непреодолимого желания обивать пороги редакций, издательств, налаживать связи, заглядывая в глаза сильным мира сего.

Да и времени нет, ибо настоящий литератор записывает то, что ему посылается свыше. Это состояние называют мучительным и сладким словом «вдохновение». Оно не знакомо версификаторам, которые нередко обладают большой пробойной силой. Ведь природа, как известно, не терпит пустоты. Обделив каким-то качеством, она дает другое, которое, так или иначе, позволяет добиться успеха в обществе. Когда-то я написал:

Вместо ума — ощущенье ума,
Вместо таланта — пробойную силу,
Поторопившись, природа вложила.
И удивилась эффекту сама.

Энергичный, неглупый версификатор всегда знает, как расположить к себе нужного человека. Обладая связями, харизмой, деньгами, стихоплет может подкупить редактора, если не прямо, то косвенно — так, что тот и сам не заметит.

Владимир Высоцкий не был издан при жизни по причинам идеологическим. Владимир Мишин, заставший время, когда жесткая цензура была отменена, не мог выпустить книгу, так как у него не было средств на издание. Идеологическая удавка сменилась на финансовую, а результат — тот же. Почему не помогли друзья, однокашники, знакомые? Вопрос останется без ответа. Видимо, не осознали в полной мере масштабность живущего рядом поэта. В своем отечестве пророка нет — это сказано давно.

Именно смерть, как ни прискорбно, в полной мере проявляет истинную значимость поэта. Кто-то, часто мелькавший на экранах телевизоров, вдруг остается за кадром. А кто-то, наоборот, будучи обделенным вниманием при жизни, после погребения проявляется настолько сильно, что люди ахают: как же не заметили, не уберегли! Это в полной мере относится к Владимиру Мишину.

Самую верную оценку поэту выносит время, которое, говоря языком Бориса Марьева, вымывает пустую породу и оставляет крупинки золота. Тут сразу ста-

новится ясно: кто есть кто. А вот когда все минералы находятся в куче, каждый камушек может прикинуться драгоценным.

И, возвращаясь к образу кольца на дне колодца, скажу, что мы, все, кто участвовал в создании данной книги, достали драгоценность, привели ее в должный вид и хотим подарить даме по имени Россия. Надев кольцо на палец, она, убежден, станет еще красивее.

ЗНАКОМСТВО

Я познакомился с Володей Мишиным в 1995 году – через свою приятельницу, работавшую с ним. Началось с того, что она прочла мне его стихи, которые не оставляли сомнения в высоком профессионализме автора. Вскоре заочное знакомство переросло во встречу.

Первое мое впечатление о Мишине – человек обеспеченный, хорошо вписанный в жизнь. Приехал на собственном автомобиле, поставил на стол недешевые вино, закуску. Присутствующие женщины смотрели на него восхищенными глазами. Счастливая судьба!

Однако позднее я понял, что впечатление это обманчиво. Мишину было тогда 36 лет. Он имел диплом архитектора, а трудился в рекламном агентстве. Написал к этому времени уже большую часть своих стихов, но не издал ни одного сборника. Понятно, что на сатириков Советская власть смотрела через прищур, как через бойницу. Однако после перестройки-то, когда тоталитарный строй остался в прошлом, что мешало выпустить сборник за свой счет? Причина оказалась банальной – та, с которой сталкивается любой пишущий, не имеющий богатых родителей и не обладающий хваткой предпринимателя.

После первой встречи мы не виделись с ним девять лет. Возможно, больше и не встретились бы. Да остались у меня его стихи (в трех самодельных тетрадках и в подборке, опубликованной в областной газете «На смену!»), которые я читал и перечитывал. Все старался, как обещал Володе, куда-нибудь пристроить – опубликовать. Но не получалось.

Наконец, дело сдвинулось с мертвой точки – стихи Мишина отобрал и опубликовал Евгений Лобанов, создатель и редактор альманаха «Воскресенье». Я начал разыскивать Володю, чтобы сообщить ему об этом. По телефону, который раздобыл, обойдя множество знакомых, пригласил его в Дом Пушкина (был таковой при библиотеке им. Герцена) – на очередное заседание Бард-кухни. Там и встретились во второй и последний раз. Владимир держался очень скромно. Даже отказался читать свои произведения. За него это сделал я.

Вот такая короткая история. Однако я убежден, что жизнь стихов Владимира Мишина будет длинной. Рукописи не горят, сказал в своем бессмертном романе Михаил Булгаков. Он имел в виду, конечно же, рукописи, которые излучают свет таланта. Этому условию отвечают стихи Мишина.

Вопиющее несоответствие между высоким уровнем таланта поэта и узостью его признания не может оставить равнодушными чувствующих Слово людей, которые

соприкоснулись с творчеством Владимира Мишина. Евгений Лобанов подготовил его книгу стихов «Как ни странно, но — хочется жить», проделав огромную работу как составитель и редактор. В оформлении этого первого поэтического сборника поэта приняли участие (также бескорыстное) Марина Лихоманова, Нелли Журавлева.

Финансовую помощь в издании книги оказали участники Бард-кухни, а также работники отдела «Тяжпромэлектромет» и издатель Родион Винокуров.

Данный сборник также появился в результате бескорыстного труда истинных любителей поэзии. Низкий поклон всем, кто принял участие в посмертной судьбе поэта.

ВЫСОКОГРАДУСНЫЙ КОКТЕЙЛЬ

Владея техникой стихосложения, нередко применяя изощренную строфику (ткань, из которой пошиты стихотворения Мишина — всегда высшего сорта), он имел, к тому же, острый глаз, позволяющий видеть изнанку общества, человека (в том числе самого себя) и говорить об этом с такой щемящей иронией, что нередко сквозь пленку смешного маячит бездна трагического. Это свойство настоящего таланта сатирика: смех сквозь слезы.

Ирония, как правило, помогала Володе уйти от пафоса, мелодраматизма. И вот эти два потока — юмор и трагизм — создают такой вихрь, который не может не увлечь за собой читателя, способного глубоко мыслить и чувствовать.

Юмор ради юмора — пустая водичка, сатира без юмора — сухая ложка, которая, как известно, рот дерет. Сила Булгакова и Жванецкого в том, что они философы, чьи концепции приправлены комическим соусом, отчего эти блюда становятся вкуснее и легче усваиваются. Та же манера самовыражения характерна и для Мишина.

Строки его стихов жестки, метки: «О том, что ты ничтожество, услышать не зазорно, но / Уж только не от большего ничтожества, чем ты». Они блистательны своей пародийностью, оборачивающейся поразительной проникновенностью в суть вещей, отношений: «Поэт в России больше, чем поэт! / Но — меньше, чем электрик или дворник». Или: «...башни кремлевские, как караульные вышки, / державу делили на собственно кремль — и острог».

Коктейль из лирики, иронии и трагизма в стихах Мишина порождает высокий градус:

Посади меня в землю, зарой по колено в нее,
утопчи и полей ключевою холодной водицей.
И пока не привьюсь, проследи, чтоб меня воронье
на корню не склевало бы в духе вороньих традиций.
.....
И я буду цвести, как другие деревья вокруг —
обрастая листвою, корою и доброй молвою...

Посади меня в грунт, посади поскорее, мой друг!
а не то посажу себя сам — только вниз головою.

Самоирония Мишина остра, безжалостна:

Полжизни назад я впервые взял в руки гитару —
И трем безобидным аккордам учусь до сих пор.
Руками, случалось, махал, подражая Икару,
за солнце по глупости красный приняв светофор.

Мишин — тонкий лирик-пейзажист. «Кисть» его иронична, но она рисует картины, которые видятся:

Прошел февраль, а вместе с ним зима
(три раза постучу по табурету) —
и исхудавший камикадзе-лед
сверзается, раскалываясь, с крыш.
Их расправляют сонные дома,
как плечи, поворачиваясь к лету
всем корпусом. И у окошка ждет
прилета с юга Карлсона — Малыш.

Нередко трагизм поэта сбрасывает платье иронии, и тогда чувство тоски захлестывает с головой: «Я устал ничего не иметь, / кроме имени, пайки и срока». Интонация его поэтической речи доверительна, порой нервна, но всегда внятна в отличие от авангардизма, заполонившего отечественную поэзию. Модные сейчас поэты, рифмующие по принципу: чем непонятнее, тем талантливее — образно говоря, тасуют карты под столом, Мишин играет в открытую и выигрывает, ибо у него в руках козыри, сданные Богом.

Принято считать, что краткость — сестра таланта. Против этого не поспоришь. Но талант — скорее поток, чем капля. Он полноводен, как ливневые воды, течение которых неудержимо, непредсказуемо. Таковы стихи Мишина. Он часто начинает издалека, спокойно, неторопливо:

Сходить с ума удобнее с утра —
так как оно чего-то мудренее.
Я жить хотел бы в городе Петра,
хоть там и климат нашего дряннее —
зато царят Фонтанка и Нева,
одетые в гранитную оправу;
и даже прошлогодняя трава
принадлежит истории по праву.

Это стихотворение — утренние размышления за выкуриванием папиросы: «Ползет, ползет из форточки змея / сквозь легкие пропущенного дыма». Они сумбурны, как и положено мыслям, да еще утренним. Поэтому переход от «города Петра» к осмыслению собственной судьбы вполне логичен: «Еще не вечер, коль твои штаны / последние покуда не украли». Казалось бы — ни о чем. Но ситуация, настроение схвачены и обращены в поэзию. Стихи останутся, как мотылек в янтаре.

ФИЛОСОФСКАЯ ГЛУБИНА

Владимир Мишин не из тех поэтов, которых принимают сразу и на ура. Я читал одно из лучших его стихотворений «Дорожная притча-быль» поэтам, пишущим профессионально, и не вызвал ожидаемого эффекта. Один сказал: неплохое начало, а в целом слабо. Второй заявил: очень длинно. А третий отметил, что не нужен конец.

Думаю, не лишним будет сделать здесь анализ данного стихотворения, ибо оно написано в типичной для Мишина манере.

В начале стихотворения остроумно и четко вырисована обстановка вокзала, атмосфера ожидания и скуки его обитателей. Типы даны несколькими мазками, но они настолько выразительны, что эти люди видятся. Далее, говоря языком кинематографа, скользящая камера, выхватывающая за кадром кадр, переходит от общего плана к крупному, сосредотачиваясь на ожидающих поездов мужчине и женщине. Они встречаются взглядами. Между ними возникает нечто большее, чем просто любопытство скучающих людей. У мужчины появляется желание подойти, познакомиться, однако его сдерживает не только робость, естественная в таких ситуациях, но и возраст, и ощущение собственной несвободы: «…осталась дома дочка, а у дочки мама есть».

Мужчину одолевают противоречивые чувства, в результате чего он остается на месте, пока, наконец, не прибывает поезд, который ожидает женщина, и она удаляется. Эти пассажиры наблюдали друг за другом чуть менее трех часов. Автор дает ситуацию в развитии, говоря о том, что происходит около пяти, в шесть, в семь и около восьми часов — когда незнакомка уходит.

Досада мужчины — на сложившиеся обстоятельства, на собственную нерешительность — вырывается несобственно-прямым возгласом: черт возьми! Чувства женщины остаются за кадром, но раз они обменивались взглядами, значит, Он был Ей не безразличен. И жест дамы перед уходом: «потуже пояс затянула» — в данной ситуации не однозначен.

Поезда увезут их в разные города. И, скорей всего, эти люди никогда больше не увидятся. Но у мужчины останется чувство утраты. Он будет вспоминать незнакомку, думать о том, что, возможно, встретился со своей судьбой и… прошел мимо.

Данное стихотворение, рассказывающее о мимолетной встрече мужчины и женщины, чей интерес друг другу не вылился во что-то большее, перерастает в философскую проблему утраченных возможностей, где отношение полов — в общем-то, и не главное, только частность. Наши нерешительность, трусость парализуют нас, лишая порой счастья. И ворона, о которой автор говорит в начале и конце стихотворения, присутствует в нем не случайно. Она очень хотела сыра, даже клевала, приняв за него, силикатное стекло, однако не сумела удержать в клюве, как пишет Иван Крылов в известной басне, посланный ей Богом кусочек. Герой стихотворения также не сумел воспользоваться посланной ему, возможно свыше, встречей.

Это концепция, скелет, но в какое роскошное тело он заключен! Однако мои уважаемые коллеги (возможно, из-за восприятия на слух, к тому же моего несовершенного чтения) ничего этого не ощутили.

«МОЛОЖАВАЯ ДАМА»

Говорить о мастерстве поэта, аргументируя отрывками его стихов, — дело неблагодарное. Вычлененная часть тела, пусть даже самая лучшая — мертва. Мишина нужно читать целиком и перечитывать. И все же приведу еще один небольшой отрывок из большого стихотворения о смерти:

Когда чещуей перламутра
уляжется вьюг круговерть,
в одно непрекрасное утро
придет и ко мне моя смерть —
еще моложавая дама,
беззубая не по годам.
И я ей остатки Агдама
в немытом стакане подам.

Далее идет весьма длинный и занятный перечень тем, на которые поэт хотел бы поговорить со смертью. Все кончается его побегом от «визави», что, напившись, уснула, «под черепом вдруг по-турецки /две кости, как шпаги, скрестя».

Лирический герой сбежал «в валенках на босу ногу». А позднее сам автор шагнул навстречу смерти с 12 этажа...

Встреча тела с «моложавой дамой» состоялась. Это случилось в ноябре 2005 года, за несколько дней до дня рождения поэта. Ему исполнилось бы сорок семь. А незадолго до этого трагического события, в феврале, я написал стихотворение, которое, сам не знаю почему, посвятил Володе Мишину:

И ЗАЗВУЧАТ...

Владимиру Мишину

Нам не чудить в последнем вираже.
И силы есть, да нету интереса.
Еще себя не исчерпала пьеса,
Но дрогнул темный занавес уже.
Еще чуть-чуть, и понесут цветы.
В глаза совой косматой вечность глянет.
И зазвучат, безлики и пусты,
Слова слащавые — прощальный глянец.

Как всегда, я прочел новое произведение жене, и она сказала: «Ты что делаешь? Он же тебе почти в сыновья годится! Раз уж вылилось такое мрачное стихотворение, так посвяти хотя бы сверстнику».

Для меня самого мое решение было загадкой. Ведь и друзьями мы с Володей не успели стать: всего-то встречались два раза. И все-таки почему-то это посвящение я оставил. Слава Богу, что не успел прочитать восьмистишие Мишину. А то бы на всю оставшуюся жизнь не избавился от ощущения, что, возможно, подтолкнул его на уход из жизни...

Владимир Мишин шагнул с двенадцатого этажа. Так сложились обстоятельства его жизни. Но душа разбиться не может. Она, по образу и подобию Господнему творившая свой мир, ушла в другое измерение — туда, где нет ни денег, ни конвойных всех мастей, ни телесных болей...

Владимир Зюськин

Слепой жонглёр

Незваный гость

ПСЕВДОПАРОДИЙНОЕ

Дурная у поэта голова
(уж что кому назначено судьбою):
в нее приходят всякие слова,
как правило, рифмуясь меж собою —
слагаясь в строчки, строфы — а потом
в отдельные стихи, венки, поэмы.
И шевелит поэт беззвучно ртом
(как рыба, что со дня рожденья нема),
сонеты повторяя на ходу
в который раз уже, опять и снова,
чтоб, не дай бог, упав на скользком льду,
не обронить нечаянного слова.
И, принеся сей груз к себе домой,
пройдя притом шестью кругами ада,
с пером в руке уходит на седьмой,

что освещает тусклая лампада —
пока не отключат средь ночи свет
(к примеру — с понедельника на вторник)...

Поэт в России — больше, чем поэт!
Но — меньше, чем электрик либо дворник.

СЕГОДНЯШНИЕ ЗАБОТЫ

Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
Ребром вопрос поставил: или-или...
(из В.Высоцкого)

Я все реже пишу —
если можно назвать писаниной
раз в два месяца сто
жалких строчек в случайную ночь.
Так украдкой лапшу
ест татарин с нежирной свининой,
проливая на стол —
чтобы днем в ступе воду толочь.

Я все реже пишу.
Впрочем, я никому не обязан
рифмовать на-гора
мегатонны словесной руды.
Слава карандашу,
что узлом (будто галстук) завязан
на гортани пера —
вот теперь далеко до беды.

Я все реже пишу.
Но и пью я значительно реже:
может статься, что тут

есть обратно-причинная связь.
Мне теперь не до шу-
ток — тем паче, что шутки все те же.
Вон и Господа чтут,
на распятье окна помолясь.

А пристало ль ежу
шевелить шевелюрой в утробе
узкой норки? И то —
мне без году уже тридцать семь...
Я все реже пишу —
у меня нынче новое хобби:
караулить авто
от таких, что не пишут совсем.

ХРИСТОС СКАЗАЛ...

Христос сказал: в начале было слово.
Начальник: меньше слов — и больше дела!
Христос сказал: в душе не помни злого.
А ты: даешь союз души и тела!

Христос сказал: подставь вторую щеку,
Когда тебя ударили по первой.
Сосед вопит: даешь за око — око!
И в вечный бой идет с женою-стервой.

Христос сказал: не укради чужого...
Народ хитрит: не вор, когда не пойман.
Христос сказал: да не убий живого.
Солдат кричит: последняя обойма!

Христос сказал: и не прелюбодействуй
Ни с ближнего, ни с дальнего женою.
С экранов еженощно льется: действуй,
Чтоб не прошло блаженство стороною.

Христос сказал: воздастся по заслугам —
И кесарю, и каину, и другу.
С трибун неслось: ура народным слугам!
А на ухо: услуга за услугу...

Христос сказал: не лги же, человече!
А мы «святую» ложь на щит подняли...
И понял я в один прекрасный вечер,
Что все же неспроста Христа распяли.

БРОДЯЧИЙ ЦИРК

На задних лапках, как собачки, лошади —
афишами заклеен весь забор.
В Заборске-городке, на Старой площади,
бродяжка-цирк раскинул свой шатер.

Он завтра начинает представленьице,
с дороги отдохнув едва-едва.
И краткий текст скупого объявленьица
округе всей поразнесла молва,

добавив отсебятинки, как водится, —
мол, будут чудеса — так чудеса:
слепой жонглер, свинья-канатоходица
и... с петушком живущая лиса.

И в чудеса не верящая публичка
придет на представленье все равно,
не пожалев ни времечка, ни рубличка,
поскольку опротивело кино.

Ну, а пока за пыльными кулисками —
там, где пожарник — козырной король, —
тапёры репетируют с актрисками
уж на зубок замученную роль,

ученый кот поет с чужого голоса,
бичует маг беспомощность руки,
воздушная гимнастка бреет волосы,
а акробат считает синяки.

Состарившись от времени, от бега ли,
лошадки бьют без устали челом —
всю жизнь свою они по кругу бегали
и больше не умеют ничего.

Приблудный и безродный пёс-заморыш
за пайку дармовую лебезит.
И спившийся еще в утробе сторож
втихую пропивает реквизит.

Все просто. Лишь неясно, кто на привязи:
иль люди, иль животные? И то,
куда еще судьба их завтра вывезет,
не знает и хозяин шапито.

Когда бы знала публика, как хочется
все бросить — и... уехать далеко.
И лишь в своем углу от смеха корчится
ковёрный шут в сиреневом трико,
коварный шут в сиреневом трико.

КОНФЕТЫ “ДУНЬКИНА РАДОСТЬ”

Будет короток день накануне субботы
с воскресением в самом конце января.
Буду я, как и все, возвращаться с работы —
и, последний свой луч заходящий даря,
подмигнёт из-за леса мне сонное солнце
и за синюю гору отправится спать.
И последние кошки в чердачном оконце
доброй ночи успеют ему пожелать.

И, отметив, что чем-то, но тоже согреты
уроженцы подвалов и прочих низин,
я в карманах пальто не найду сигареты
и по той лишь причине зайду в магазин.
Пьяный дворник у входа там рубит на части
зачерствевшего снега слоёный пирог.
И конфеты, сулящие девочкам счастье,
покупают столетние бабушки впрок.

И соседствуют мирно в походе за хлебом
представители разных конфессий и вер.
И, влекомый друзьями Бориской и Глебом,
я пойду прогуляться в заснеженный сквер.
И под каждою ёлкою зимнего сада
надышусь я снежком, как пыльцою пчела.
Ведь сегодня домой торопиться не надо —
так же, как и вчера, или позавчера.

А когда наша троица, но не святая,
уходить будет в тыл, заметая следы, —
снег пойдет, на лету не по-зимнему тая,
возвращаясь в своё состоянье воды.

А потом будет утро и будут морозы
до семнадцати градусов ниже ноля.
И сосулькой солёною дунькины слёзы
отольются нам в самом конце февраля.

37-Е ДЕКАБРЯ

Так бывает: захочется пить —
так уж пить непременно из бочки.
Я устал ничего не любить,
кроме родины, лета и дочки.
Над плитой — в три ряда ползунки,
как линялые шкурки овечек.
Я устал на чужие звонки
отвечать, будто автоответчик.

Тает в небе луны каравай;
всходит солнце, заплывшее жиром.
Из норы выползает трамвай —
я устал быть его пассажиром.
Между делом кончается век
календарный, трясясь по ухабам.
Я устал имитировать бег
по делам, магазинам и бабам.

Пестрый холст циркового шатра
издевается каждою гранью.
Я устал унижаться с утра
перед всякой законченной дрянью.
Непопутные волны «Арго»
отнесли к берегам Иудеи.
Я устал ненавидеть того,
кого должен жалеть по идее.

Постовой в мушкетерском плаще
на морозе нелеп, но опрятен.
Я устал отмываться вотще
от родимых и солнечных пятен.
Облака — тяжелее свинца,
только красно-коричневой масти.
Я устал повторять без конца
«извините», «до завтра» и «здрасьте».

В тесной ванной, похожей на склеп,
точит ржа закаленные трубы.
Я устал пережевывать хлеб,
измельчая последние зубы.
Холодильник, как спящий медведь,
час от часу вздыхает глубоко.
Я устал ничего не иметь,
кроме имени, пайки и срока.

Белый рой возвратившихся мух
вновь усыпал сосулечье вымя.
Я устал разговаривать вслух
с убежденными глухонемыми.
За подкладку запавшая медь
на ошейнике — чем не камея?
Я устал ничего не иметь —
и устать-то, как след, не умея.

Дело — серую муку молоть
из муки — легче легкого пуха.
Я устал укрощать свою плоть,
повинуясь велению духа.
Из воды ж — как ее ни толочь —
не получится снежная пудра.
Я устал укорачивать ночь,
засыпая под самое утро.

И на тысячу верст впереди
маршируют шеренгами будни.
Я усну — ты меня разбуди
в сорок восемь часов пополудни,
нанизав на фитиль позвонки
завалявшихся в тумбочке свечек.
«Вечер добрый, на ваши звонки
отвечать будет автоответчик...»

ТЕЗИСЫ К АВТОБИОГРАФИИ

* * * * * *

Полжизни назад я был ровно в два раза моложе,
в три раза бледнее (во столько ж прыщавее) унд
за двадцать секунд занимал я прокрустово ложе
в стандартной казарме — всего-то за двадцать секунд.
Полжизни назад я носил сапоги и портянки,
и делал зарубки штыком на казённом ремне;
и с чьей-то женой как-то раз целовался по пьянке —
что тоже не делает чести ни ей и ни мне.
Полжизни назад я имел ограниченный опыт
сношения с дамами, если так можно сказать —
ведь в час, когда дамы со мной снисходили на шёпот,
не то чтобы слова — не мог я и лыка связать.
Полжизни назад я не думал о жёнах и детях,
считая, что всё это так от меня далеко —
сначала учёба, потом самолёты, а в-третьих...
уже остальное. И всё получалось легко.

* * * * * *

Полжизни назад я за спичками вышел из дому,
не зная ещё, что обратно уже не вернусь,

покинув родных, раскладушку и дочь управдома —
полжизни спустя я покаялся, но не винюсь.
Полжизни назад я писал многотомные письма,
и тем они были длиннее, чем больше забот
имелось помимо; а нынче сего атавизма
едва ли две строчки на круг наскребётся за год.
Полжизни назад я был меньше подвержен привычке
курить перед сном, натощак или вместо еды;
и не откликался на свист, междометья и клички,
не стригся годами и вовсе не брил бороды.
Полжизни назад я читал многотонные книжки,
хоть толику смысла пытаясь узреть между строк.
Да башни кремлёвские, как караульные вышки,
державу делили на собственно кремль и острог.

* * * * * *

Полжизни назад я хоккейной орудовал клюшкой,
футбольным мячом и неплохо стоял на коньках;
мне облако утром являлось обычной подушкой
на память о том, как я ночью парил в облаках.
Полжизни назад я впервые взял в руки гитару
и трём безобидным аккордам учусь до сих пор;
руками, случалось, махал, подражая Икару,
за солнце по глупости красный приняв светофор.
Полжизни назад я совсем не владел иностранным,
а впрочем, я в нём не секу и в текущем году,
за тем исключением редким, что образом странным
запомнил я «битлз форэва» энд «хау ду ю ду».
Полжизни назад я ходил в подающих Надежды —
их было так много, что сам я запутался в них;
они уместились, наверное, где-нибудь между
моих сочинений про Золушек и Кабаних.

* * * * * *

Полжизни назад я имел безусловные шансы
прожить ещё столько же (в чём не уверен уже);
из окон своих наблюдал я идущих на танцы —
и жил-то я, кстати сказать, на втором этаже.
Полжизни назад в шевелюре — не то чтобы пяди
и пряди седой, а хотя б одного волоска!
Любимых зачем-то бросал, а женился на бляди;
развод оказался смешон, да и шутка плоска.
Полжизни назад я имел неразборчивый почерк,
где всё, кроме точек, сходило вполне за обман;
и все-то полжизни вмещались в полдюжину строчек,
а нынче уже набежало на целый роман.
Полжизни назад я полжизни бы отдал за право
взглянуть на полжизни вперёд хоть единым глазком —
туда, где я вечером пью вместо кофе отраву
и с тумбочки пыль вытираю вчерашним носком…

НЕВЫДУМАННЫЙ ДИАЛОГ С ВЫМЫШЛЕННЫМ ПЕРСОНАЖЕМ

Критикесса с глазами синими,
ты спроси меня: «Почему
вы не пишете про красивое
и приятное, не пойму?

Разве в жизни мало хорошего —
очень много, сдается мне.
Вы ж опять меня огорошили
сочинением о г…

Ведь искусство на то и создано,
чтобы петь через «не могу»
про тайгу и про небо звездное,
и про яблоки на снегу,

и про смерч листопадов осенью,
и про вешние трели птиц,
и про то, как небесной просинью
светят очи любимых лиц,

как в саду,
набухая тучею,
к солнцу кисти стремит лоза…
Отчего бы вам, в крайнем случае,
не писать про мои глаза?»

Критикесса голубоокая,
ты поверь: не легко совсем,
погрузившись в дерьмо глубокое,
романтичных касаться тем.

Критикесса розовогубая,
знаешь, очень мне нелегко,
покатившись под гору кубарем,
петь про звездное молоко.

Критикесса голубоглазая,
при желании я могу,
в липкой грязи по пояс лазая,
петь про яблоки на снегу.

Критикесса розовоустая,
мне пришлось от любви страдать.
Я порою такое чувствовал,
что словами не передать.

Критикесса голубовзглядая,
критикуй меня, критикуй.
Но стихов, что тебя обрадуют,
от меня ты дождешься...

ЭКСПРОМТ О ВЕЧНОМ

Порой не удивительно уже:
кого ни встретишь — непременно третий.
Как муторно, как пусто на душе —
не то что рифм, нет даже междометий!

Усталости известная печать
наутро искажает наши лица.
С листом бумаги — тяжело начать.
С бутылкой — нелегко остановиться...

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ

Китманову Леше

Если паспорт не врет, мне еще тридцать шесть —
это лет, ну а зим — тридцать семь...
На локтях и коленях повытерлась шерсть,
а скорей — не бывало совсем;
прибывает заметно в полку седины,
в батальонах и ротах — морщин;
а вот шрамов не густо — и те не видны,
и других украшают мужчин.

Потерялась в пути половина зубов —
сколько зим позади, сколько лет —
и грядет рацион манных каш и супов,
простокваш и морковных котлет;
утеряли суставы упругость свою
и скрипят, что дверная петля;
и в горячую воду я ноги сую
не одной только свежести для.

Засолились все до одного позвонка —
сколько лет позади, сколько зим —
а кишка, что была изначально тонка,
истончала донельзя; за сим
знать дает по утрам о себе геморрой
плюс довольно сомнительный стул;
и последний румянец сошел со второй
из уже заострившихся скул.

Зарастают бурьянами уши и нос —
сколько лет, сколько зим позади —
и укусы шмелей, скорпионов и ос
все чувствительней в левой груди;
и уже не доходит почти алкоголь
до желтушного мозга ногтей;
и тревожит ночами фантомная боль
нерожденных идей и детей.

Если печень не врет, мне уже тридцать семь —
это зим, ну а лет — тридцать шесть...
Я немного хлебну и чего-нибудь съем —
было б только желание есть;
а сначала скажу обязательный тост,
облачив его в якобы стих:
дай мне, боже, — хотя бы — уйти на погост,
когда счет уравняется их.

В унисон природе и погоде

ВНЕЗАПНАЯ ЗИМА

Зима пришла внезапно в этот год —
без всяких там прологов и прелюдий:
еще вчера раздетые — и вот
в мехах уже дома, земля и люди,

кусты-деревья, транспорт всех мастей
(включая провода и светофоры) —
и жертвами вчерашних скоростей
уж пали безымянные шоферы,

застигнутые наледью врасплох,
помноженной на собственную спешку,
что допустима лишь при ловле блох
и... кое в чем оправдывает пешку,

стремящуюся собственно в ферзи
по катету, а не гипотенузе;
и холодно — и в этой вот связи
народу, будто семечек в арбузе,

в трамвае, забывающем уже
свои геометрические формы;
а кто-то на четвертом этаже
забыл про все приличия и нормы,

повывесив авоськи за окно
с продуктами в отсутствие балкона —
и льдом уже подернуто оно,
как будто было таковым исконно.

И то сказать — нешуточный мороз —
всё ощущается острей и проще.
Зима пришла надолго и всерьез —
как... участковый по наколке тещи.

* * *

Ночью выпал негаданный снег —
только этого нам не хватало
на пороге второго квартала
подотчётного года.
А век
приближается к финишной ленте —
что ж хорошего в этом моменте
ты находишь, чудак-человек?

Принакрыла вчерашняя грязь
наготу, только фиговый полог
по структуре и рыхл и не колок —
и растает под вечер.
Как раз,
люд когда, возвращаясь с работы —
не надев ни галоши, ни боты,
будет жижу месить, матерясь.

Хорошо, если ваше авто
на ходу и не требует ласки
большей, чем ежетактные смазки
его глотки бензином.
А то
в марте ветры такие бывают,
что сырое пальто продувают
как фигвам на открытом плато.

Так что тоже прикрыть наготу
вам, похоже, ничто не мешает —
и как дым никотиновый, шает
в стылом воздухе выхлоп.
Во рту,
в свою очередь, привкус фиговый —
оттого что король вышел голый
погулять в подотчётном году.

СВИФТОВСКИЙ МОТИВ (ПРОЕЗЖАЯ ОКРАИНОЙ ВИЗа-3)

Февральский наст, былой теряя вес,
волнуется, как выполненный в глине,
и из него, как карликовый лес,
торчат сухие веточки полыни,
что круглый год упруги и свежи —
как будто суть давно забытой сдобы;
и жмущиеся в кучу гаражи
в сравнении с полынью — небоскребы,

а гор массив, массивен и пятнист,
в разводах охры, сурика и крона —
и южный склон, как храбрый альпинист,

штурмует одинокая ворона;
и, пьяная без водки и вина,
змеится по неровностям ландшафта
Великая Китайская Стена
бетонного забора; и по авто-

мобильной перманентной колее,
покрытой льдом, вышагивают галки
загадочно — как ходят по земле
подледной почитатели рыбалки;
и перья их умыты и чисты,
и снега прокопченного белее;
и стриженые ежиком кусты
похожи на дубовые аллеи...

Завода трубы тлеют там и тут,
как лес сигар гигантских путеводный...
И ты — ни великан, ни лилипут
в стране своей, для жизни непригодной.

ФЕВРАЛЬСКИЙ СОН

Памяти Саши Башлачева (1960-1988)

Вьюга стихла, коль небо не врет,
потеплее укутаем ноги
и помчимся — ногами вперед
по давно не тореной дороге.

К черту мысли — авось да небось,
к богу домыслы — абы да кабы,
и кикиморой санная ость
будет жутко скрипеть на ухабах.

То ругаться, то носом клевать
будет вечнонетрезвый возница
(успевая на кнут поплевать),
и парок над лошадкой клубиться,

и, как маятник, спутанный хвост
об оглобли ледышками тренькать.
И на каждую тысячу верст
попадется одна деревька,

где всего-то четыре избы,
чьи сугробами крыши обвисли,
и столбом будет — дым из трубы,
а под крышею — дым коромыслом.

Может, в пятой, а может, в шестой —
но в одной из заснеженных «пагод»
остановимся мы на постой,
может, на день, а может, и на год.

К черту мысли — небось да авось!
К богу домыслы — кабы да абы!
Тут незваный в диковину гость,
но всегда хлебосольные бабы,

тут до одури пьют мужики
вековое дурманное зелье,
как везде — на помине легки,
но зато тяжелы на похмелье.

И когда протяну я стопы,
прикорнув рассеченною бровью,
наконец вековые клопы
угостятся нездешнею кровью,

за стеной будет вьюга опять,
и опять мне дорога приснится:
то ругаться, то носом клевать
будет вечнонетрезвый возница...

МЕЛАНХОЛИЧЕСКОЕ

Ещё одной зимы не пережить...
И дело не в деньгах и не в евреях —
да пусть хоть вся бесчисленная жидь
отвалит мне по сотне шекелей.
Проблема не в отсутствии угла —
я мог бы спать, как бомж, на батареях
районного котельного узла
(под Божьим небом места нет теплей).

Ещё одной зимы не пережить.
Беда не в пошатнувшемся здоровье —
я не привык по десять дней тужить
над бледностью больничного листа.
И горе не в двуличности людей —
все век жуём с покорностью коровьей,
а корчим вольнодумных лебедей
от кончиков рогов и до хвоста.

Ещё одной зимы не пережить.
И корень зла не в ёмкости калорий —
я в памяти сумел бы освежить
сто тридцать блюд из хлеба и воды.
Преграда не в пределе возрастном —
меня, похоже, в ЗАГСе накололи,

и я ищу подолгу перед сном
следы потенциальной бороды.

Ещё одной зимы не пережить.
Причина не во вспышке эпидемий —
я б мог, наверно, толстый том подшить
различных справок в том, что я привит.
И следствие не в страхе за любовь —
в природе не бывает привидений
(и тон дурной — зарифмоваться в «кровь»,
но что поделать, коль душа кровит).

Ещё одной зимы не пережить.
И суть не в том, что мизерно желанье —
я б мог ещё примером послужить
для тех, кому неведомо оно…
По прихоти Всевышнего Творца
вся наша жизнь есть тест на выживанье —
и выдержать экзамен до конца,
как правило, не каждому дано.

МЕЖДУ 22 И 31 ДЕКАБРЯ

Неужели — средина зимы?
А казалось, лишь в прошлую среду
снег обрушился разом — и мы
опоздали со службы к обеду,

проплутав до утра натощак
в лабиринтах неузнанных улиц,
вспоминая с волненьем о щах
и о мясе зажаренных куриц.

Семь недель отделяют уже
тот, голодный наш день, от «сегодня».
И, тулупом прикрыв неглиже,
изготовилась старая сводня

познакомить декабрь с январем,
придавая законченность кругу.
И напрасно друг другу мы врем,
что не врем понапрасну друг другу —

будто нет посерьезней забот,
словно нет нам занятья иного...
Неужели кончается год? —
год, принесший так много дурного.

ПОГРАНИЧНЫЕ СТИХИ, ОБОРВАННЫЕ СМЕРТЬЮ ВЛАДА ЛИСТЬЕВА

Прошел февраль, а вместе с ним зима
(три раза постучу по табурету) —
и исхудавший камикадзе-лед
сверзается, раскалываясь, с крыш.
Их расправляют сонные дома,
как плечи, поворачиваясь к лету
всем корпусом — и у окошка ждет
прилета с юга Карлсона малыш.

Последний снег в периметре двора
темнеет намокающею тряпкой —
как лакмус, светофор, хамелеон,
меняя цвет буквально на глазах.

И лысина киоска, как вора,
блестит под догорающею шапкой —
но радуется солнышку и он,
и брат грузин, и сват степей казах.

Из рыхлых пор раздувшейся земли
сочится кровь, сворачиваясь грязью —
и белый бинт вчерашних автострад
давно похож на жирный чернозем.
Заблудший лыжник, сидя на мели,
ботинки чистит бывшей лыжной мазью
со злостью — он один весне не рад...
Ну вот и все. Расстанемся на сем.

НОЧНЫЕ МАНЕВРЫ

Немытых сугробов отроги
похожи впотьмах на грибы,
когда вдоль проезжей дороги
коптят верстовые столбы —
как с неба упавшие звёзды
на чей-то высокий погон,
пока забиваются гвозди
в гробы рядовые вдогон
и гнутся в последнем поклоне,
сжав мокрые веки в кулак;
и чьё-то бельё на балконе,
как будто приспущенный флаг,
блюдёт обязательный траур;
и мокрый от слёз тротуар
походит местами на мрамор;

и, свет отражая от фар
пока ещё ближнего света,
трамвайных путей галуны
железно-дорожного цвета —
ничуть не бледнее луны,
висящей со скорбною миной
извечно голодных коров;
и вымощен мёрзлою глиной
заброшенный с осени ров
прелюдией к братской могиле
для братства небелого труб,
прокатанных в Нижнем Тагиле;
и кошки действительно труп
лежит у бордюрных лампасов,
сие не считая за труд;
и стрелки дорожных компасов
по всем направлениям врут;
и помнят вчерашнюю вьюгу
медали облезлой сосны...

Но за ночь продвинулась к югу
граница зимы и весны.

РАННЯЯ ВЕСНА

Такая ранняя весна —
что все слова неадекватны,
их сочетания невнятны
на фоне буйствующих крон
дерев, воспрянувших от сна
на две недели раньше срока

обычного, — но много ль проку
зиме от пышных похорон?

Такая ранняя весна —
что удивляться нет причины
нерасторопности мужчины
при ситуации иной
(весьма пикантной), и грустна
его напарница по праву —
ей эта мягкость не по нраву,
да не вино тому виной!

Такая ранняя весна —
что перепутаны все карты,
и впору снова сесть за парты
героям зимних рандеву
вялотекущих — и сосна,
что круглый год вечнозелёна,
в объятьях хлипенького клёна
весьма похожа на вдову...

Такая ранняя весна —
что рифм обычных не хватает,
и снег уже, должно быть, тает
в черте обоих полюсов
Земли — и вроде бы ясна
вполне задача, и подушка
тепла, и слышится частушка
вновь про резинку от трусов.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕМБЕЛЬСКОЙ ВЕСНЕ

Люблю я май, признаться, но — сперва
люблю деньки в самом начале марта:
когда вдоль тротуаров дерева
(отнюдь не голливудского стандарта

в обхвате комля, сучьев и ствола)
покронно все из кожи лезут в князи —
и им, как манекенщицам, мала
чуть-чуть одежда придорожной грязи,

что облегает их упругий стан,
который все же изначально светел.
. . . Я чудом не попал в Афганистан,
а то бы это чудо не заметил.

ЭКОЛОГИЯ ПО ПЯТНИЦАМ

Снег темнел, как вспотевшая майка,
что к субботе, как сажа, бела —
в сажу ту белокрылая чайка
невзначай окунула крыла.

Злое солнце — ни лучше, ни хуже —
подпалить не могло нипочем
с нефтяными разводами лужи
заходящим скользящим лучом.

И уже становился невидим,
маскируясь под сумерки, смог —
притворялись и мы, что не видим
грязной льдины слоеный пирог.

Отходили приплодные воды —
то роднились у грязной межи
экология мертвой природы
с экологией мертвой души.

А наутро из ржавчины льдинок
солнце доброе плавило медь...
И стекала с промокших ботинок
на асфальт не вода и не нефть.

ЭКОЛОГИЯ ПО ВОСКРЕСЕНИЯМ, или Трансформация вида за окном в течение двух с половиной суток, безвылазно проведенных дома по возвращении из командировки

Для рубрик «Удивительно — но факт»:
весну с зимой смешал, как ночь и день, я —
трамвай на стыках попадает в такт
февральского еще сердцебиенья,

когда кругом вовсю бушует март,
что вряд ли алчет лавров печенега —
но, как картина в технике «поп-арт»,
чернеет плоскость пролежнями снега,

что на глазах сливаются в одно
(так облака вбирает туша тучи)

извечное родимое пятно
родной знакомой мусоргсковой кучи...

ЭКОЛОГИЯ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

Такая грязь, что не о чем писать —
тем более, что не на чем и нечем, —
помимо водки, секса и футбола,
восставшего жмуром со дна Туры.
А как ещё прикажете спасать
изрядно увеличенную печень,
что как заряд тринитротолуола
в телесных недрах дремлет до поры?

Как ни крути, а всё ж-таки апрель
поставил крест законный на могиле
ещё вчера казавшейся бессмертной
и всемогущей мачехи-зимы.
И снова скоро лиственную прель —
едино: в Нижнем, в Верхнем ли Тагиле, —
на день забыв о стоимости сметной,
как муравьи начнём сгребать и мы.

Такая грязь, что кажется — она
неистребимей, чем зима. Окурки,
коль их сложить, оранжевой полоской
экватор опояшут много раз.
И если даже печень спасена,
то лёгкие... А в Екатеринбурге
опять весна и — в области Свердловской.
Да о весне писать я не горазд.

ОЧЕРЕДНАЯ ФАНТАЗИЯ

Март играет на собственных нервах
льда шершавого злым языком
голубым — во-вторых, а во-первых —
с нотной грамотой он не знаком
(по причинам отсутствия слуха)
и не годен на роль скрипача;
и последняя белая муха
растворилась на нитке луча,
для уставшего за зиму глаза
болевой приближая порог;
и златые тельцы «АвтоВАЗа»
месят липкую жижу дорог
в ограниченном грязью пространстве.
А ведь где-то — не так далеко —
лес стоит в еще зимнем убранстве,
но — сбегает и там молоко;
и подснежник, предшественник лета,
шею вытянул — мал да удал;
набухают кусты бересклета...

...коих я и во сне не видал.

* * *

Обнажился асфальт под обширными язвами снега,
нарывают свищи на проталинах грязной водой.
И полозья саней не желают ползти, а телега,
как всегда, не готова — но то анекдот с бородой.

На скелете дорог под пригревшим светилом активней
разлагаются ткани усопшей старушки-зимы.
Жарковато в дохе, но ничто не мешает пойти в ней,
например, в магазин — что не скажешь уже про пимы.

Расползаются спрутом по стылой земле метастазы
прошлогоднего мусора, прелой листвы и травы.
Рассуждают торговки на рынке про лунные фазы
в свете жизненных сил — и по-своему, в общем, правы.

По периметру крыш отпадает местами короста
непросохших болячек, не выдержав собственный вес.
И средь кукол, идущих навстречу, пока что непросто
угадать через кокон дозревшие формы невест.

НАШЕСТВИЕ

Комары... Нет вернее приметы,
что весна разродилась теплом
окончательно — и алименты,
видно, маю платить — поделом
ему, баловню, фату, повесе,
пусть вкусит от данайских даров.
Остаюсь при своём интересе
к воскрешению тьмы комаров.

Комары — сколько музыки в слове
том для русского уха слилось!
Тут и реки — и капельки крови.
И домашний телёнок — и лось
беспризорный, что равновелико

от укусов страдают. И прыть,
с каковой комариная клика
норовит всё собою покрыть.

Комары — проклятущее племя,
что теснее смыкает ряды
почему-то в вечернее время,
отчего-то вблизи от воды —
и кто толк понимает в укусах
больше, чем рядовой рыболов?!
Даже лозунг «Не спорят о вкусах!» —
это именно про комаров.

Комары — не большие гурманы.
Им без разницы — только бы кровь
поднималась из тепленькой раны
рыболовов, лосей ли, коров.
Им до фени и группа, и резус,
СОЭ и генетический код.
Всё одно: что Мария, что Йезус,
что Иуда — сойдёт за компот.

Комары — летуны, непоседы,
так как жить и работать спешат.
Только что обкусали соседа —
и уже надо мною кружат
звенья их, эскадрильи, эскадры,
превышая мой собственный вес.
Как ускоренно пестуют кадры
комариные их ВВС!

Комары — как татаро-монголы,
самураи, орда, немчура!
И врасплох застают их уколы,

про которые даже вчера
ты не ведал ни телом, ни духом,
погруженный в сумятицу дел...
А всего-то сегодня над ухом
самый первый комар пролетел.

КАНУН КАЛЕНДАРНОГО ЛЕТА

Гоняет ветер листву
по закоулочкам парка —
        и вдохновляет собак
        его великий почин.
И не видна за версту
нетриумфальная арка.
        И дамы курят табак
        без объясненья причин.

Неловкий дождь по реке
просыпал каплями бусы —
        и пень под старой ветлой
        с утра закрыт на учет.
Старушка в красном платке
метет оранжевый мусор
        своею серой метлой —
        и в серой ступе толчет.

Исчезла солнца блесна
за водяным горизонтом,
        и сел почти что на мель
        невечный день под луной.
И протекает сосна
дырявым стареньким зонтом —

и уж тем более ель
с ее худою спиной.

Не безграничны воды
запасы даже у Бога,
и небо стелет у ног
одну звезду за другой.
И в пятнах мокрой слюды
нестолбовая дорога —
и мост, как мокрый щенок,
под ней прогнулся дугой.

ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 2000-ГО

Когда путь домой преграждают лужи,
Когда пиво теплее, чем дождь снаружи...
(из последнего опубликованного стихотворения)

Бывший горе-водитель,
а ныне ура-пешеход,
архитектор семей —
вместе с этим поклонник карнизов,
воспеватель ночей
в карауле и вешних охот,
наблюдающий вновь
из трамваев окраины ВИЗов,

средь высотных домов
ты торчишь как бы в голой степи,
а кругом — ни души
(души, видимо, выше летают).

Только своры машин —
как собаки, сорвавшись с цепи —
кислород и бензин,
истекая слюной, уплетают.

Пересохший язык
не рифмует давно ни черта.
Обезвоженный мозг
просит пива ударную дозу.
Между бочкой и домом
промята в асфальте черта —
но не тянет и та
на хотя бы приличную прозу.

Хорошо где нас нет
и не будет уже никогда.
Плохо там, где мы есть —
но и место под солнцем не вечно...
Выделяясь из пор,
между пальцев сочится вода,
утекая в песок —
намекая, что жизнь быстротечна.

ВЯЛОТЕКУЧЕСТЬ

Полдень рабочий. Сочится под мышкою пот.
(В голову глупости лезут: под кошкою кот.)
Женщинам проще — у них хоть приподнят капот.
Глаз замутнел, будто видит далёкие дали:
Северный полюс, торосы, сплошной гололёд...
Пользуя три из семи (это максимум) нот,

по «маньяку» кто-то песню о лете поёт —
лучше бы, суки, стихи о зиме почитали!

Ну и жара — так, наверное, только в аду.
Время обедать — да тошно смотреть на еду.
Дождь на ближайшие дни не имея в виду,
выцвело, ссохлось, сгорело небесное вымя.
И, оборвав на второй из трёх нот ерунду,
радиодиктора голос твердит как в бреду:
было так жарко однажды в таком-то году...
Ну, а в каком — в этом пекле забудешь и имя!

Знойное лето — подарок, подобный коню*.
Пиво холодное всё заменило меню.
Вянет трава-мурава, предаваясь огню,
так как пожарные ангелы в бозе почили.
Столбик термометра моду диктует на «ню».
(Мне разомлевшая муза диктует херню.)
Вянут, сгорают цветочки в горшках на корню —
надо б водичкой полить, но и ту отключили!

Полночь рабочая. Разница — только в часах.
Что они там — посходили с ума в небесах?!
Будет вода или нет? — припекает в трусах,
будто в тулупе двойном под тройным одеялом!
Маются птицы и маются звери в лесах.
Маются блохи в моих и твоих волосах.
Мается вялый укор в твоих вялых глазах...
Как тут не будешь — скажи, моя вялая, — вялым?

* Имеется в виду Троянский конь.

БАБЬЕ ЛЕТО - 95

Черная кошка — плохая примета.
Верные признаки бабьего лета:
преобладание желтого цвета
в пыльных прическах берез и осин,
что осыпаются прядями оземь;
в том, что темнеет в без четверти восемь.
Но подступила холодная осень
шагом тяжелым сырых мокасин.

Глупая баба — невкусная баба,
напоминает хваленого краба,
что в супермаркете стоит неслабо,
а раскусить — камбалой камбала.
Вот потому-то не спорят о вкусах —
что до брюнеток, блондинок и русых.
Ну, а попробуй: запутайся в узах
с той вот русалкой — была не была?

Мы выбираем — и нас выбирают,
что исключительно не совпадает.
Осень на локонах падших гадает,
гущей кофейной приправив зело.
Ветреный ветер сметает пасьянсы.
Гроши «на бис» исполняют романсы.
А в телеящике вновь итальянцы
старые песни поют, как назло.

Рюмка пустая — плохая примета.
Вечные признаки бабьего лета —
нагромождение желтого цвета
в тощих прическах берез и осин,
предрасположенных к смене окраса.

И на тарелке — ни рыбы, ни мяса.
Верные признаки позднего часа —
в том, что темно и закрыт магазин.

ДОЖДЬ

Холстина неба надвое
над головой разорвана —
стирает дождь из памяти
случайные черты.
О том, что ты ничтожество,
услышать не зазорно — но
уж только не от большего
ничтожества, чем ты.

Поправ законы физики,
вода сплошной стоит стеной.
Играет осень розгами
на нерва тетиве.
И солнца луч, проклюнувшись,
покажется вдруг истиной,
но — это лишь покажется
по глупости тебе.

Зияющими язвами
земля рябит и корчится —
шприцом дождя исколота
она за пядью пядь.
И даже если все-таки
когда-то ливень кончится,
то — для того и кончится,
чтобы пойти опять...

ОСЕННЯЯ УТОПИЯ

(письмо к Л. П.)

За окошком осенняя хмарь
по деревьям развесила слюни;
и погода в ветвях еще та
притаилась, как хитрая рысь.
Отыграется скоро январь
за тепло дармовое в июне —
и такие предъявит счета
нам к оплате, что только держись.
Так к чему же полжизни копить
то, что вряд ли сгодится уже нам —
а в заштопанном синем чулке
где-то поровну зла и добра.
Приезжай же скорей, будем пить
крепкий чай с абрикосовым джемом
и в горячем топить молоке
все, что с нами случилось вчера.

Может быть, в этой жизни еще
нам откроется нечто такое,
что словами нельзя объяснить —
как природу молекул и снов.
А как только в стекло, как в плечо,
ночь уткнется холодной щекою,
мы не станем друг друга казнить
лишь за то, что понятно без слов.
Ничего не воротится вспять —
вслед за альфою будет омега,
а все та же полярная ночь
длится с вечера и до утра.

Приезжай же скорей, будем спать
на перине из теплого снега —
и возьмем да придумаем дочь
из шестого по счету ребра.

ОСЕННИЙ ЭТЮД В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ

Что там, у окон, толпится народ —
сгорблены спины и скорбны их лица?
Осень с косою стоит у ворот? —
Значит, то просто пришла косовица!
Выну вам — сорри! — соринку из глаз:
что там Багамы и прочие Сочи?!
Тепло-снотворны так только у нас
долгие-долгие зимние ночи.

Сбросим же траурный фрак «от лука-
вого» (портного) без лишнего звука.
Все перемелется, будет мука —
серая-серая бывшая мука.
Стерпится-слюбится даже зима,
было бы хлеба — достанет и зрелищ:
чем не шедевр — однова кутерьма
белых метелиц, метелей, метелищ?

Будто по клавишам, дождь-пианист
лупит по листьям — а я ему внемлю.
Падает-падает с дерева лист,
вновь возвращаясь на грешную землю —
делаясь, в общем-то, той же землей.
Мне ли жалеть его — все мы там будем
осенью, летом, весною, зимой —
бедные-бедные грешные люди...

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Вновь короткие дни
переходят на бег.
Снова в городе дождь
заливает дома —
а когда он пройдёт,
то появится снег,
и настанет зима,
и настанет зима.

И за лета тепло
её лютая месть
нас, раздетых, застигнет
врасплох, как всегда.
А как утро придёт,
то окажется: есть
верный способ согреться —
вино да еда.

И мы будем тепло
под полою копить,
как настанут худые
совсем времена.
А как вечер придёт,
то останется пить
и забытых друзей
вспоминать имена.

И под самым тяжёлым
из всех коромысл
будет снова и снова
молчать телефон.

А когда ты придёшь,
то появится смысл —
а когда ты уйдёшь,
то исчезнет и он.

Только зимние шапки
с заснеженных крыш
за окном будут стягивать
злые ветра.
А когда всё затихнет,
останется лишь
полчаса до утра,
полчаса до утра…

Снова на небе ночь,
снова в городе дождь
расчертил темноту
по линейкам косым.
А когда я уйду,
то останется дочь —
и, даст бог, у неё
будет в будущем сын…

а когда я уйду,
то останется дочь —
и, даст бог, у неё
будет маленький сын…

и, даст бог, у неё
будут дочка и сын…
будут дочки и сын…

* * *

Ничего не попишешь — а и о чём в октябре писать:
о кончине лета? о торжестве зимы?
Факт прискорбный, и глупо было бы отрицать,
что к теплу расположены больше и вы, и мы.

Налицо не прибыль, а скорее всего износ
годовых, обручальных, поршневых и т.п. колец.
И ещё на осень пополнился твёрдый взнос
на отдельно взятый — и общий для всех конец.

Я покуда жив и хотя бы внешне здоров (курсив
здесь и далее — мой), хоть уже и не так ретив.
Знать бы только, что из того записать в пассив
самому себе — ну, а что остальным в актив.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ (ПРОЕЗЖАЯ ОКРАИНОЙ ВИЗа-1)

Тюки набухшей серой ваты
надежно скрыли мерзлый грунт.
Заборы — пьяные солдаты, —
шатаясь, тянутся во фрунт,
и строй их — сумрачный и грубый,
весьма далекий от струны.
Трущобы, что больные зубы,
чернеют с каждой стороны.
Храбрец-трамвай, с огнем играя,
в гнилой вонзается оскал —
а тот, снимая скальп с трамвая,
по крыше искры расплескал.

«Из искры возгорится пламя!» —
былая чушь пришла на ум.
Белье — как выцветшее знамя.
Громада-цех похож на ГУМ,
а весь завод — как бы гигантский,
зарытый в землю теплоход...
Но тщетно лайнер океанский
гудит-пыхтит на полный ход —
пейзаж, как рваную холстину,
грунтует гарь, ночи белей,
не оседая на щетину
под ноль обритых тополей.
Трудяга-мост взгорбатил спину,
под брюхо пропустив состав,
что просвистел, на половины,
как шашкой, местность распластав.
И вот сорока-белошвейка
строчит следами колкий наст.
А в огороде — телогрейка
стоит и ждет, что бог подаст.
Мы все учились понемногу
петь гимн свободному труду...

Забыл я книгу взять в дорогу
и вот — рифмую ерунду.

ЗАРИСОВКА

Не в меру капризен стал нынешний климат:
то стужа, то лужа — сплошной кавардак.
Лишь голое дерево сраму не имет,
поскольку природой устроено так.

Чернеет в снегу ледяная заплата,
сухая снаружи — мокра изнутри.
И «стрелки» усов на носу «циферблата»
щетинятся в стойке «без четверти три»,
а ноги столбов — в «половине восьмого»
(а впрочем, с какой стороны посмотреть).
И щедро велико-могучая мова
разбавлена матом на добрую треть.

По левую ногу — бушующий рынок,
по правую ногу — стоянка авто.
Торгует собой заблудившийся инок,
скрываясь от ветра в незимнем пальто.
Упитанный дворник орудует ломом.
Клюет коноплю воробей-наркоман.
И время от времени лезет за словом
служитель ГАИ в свой бездонный карман.
Собака, к тому не имея мотивов,
застенчиво гадит в поленницу дров.
И брошенных замертво презервативов —
что первого мая воздушных шаров.

До боли знакомая сердцу помойка...
А время — реальных двенадцать часов.
И где-то застряла трамвайная «двойка»,
как видно, сверх меры объевшись овсов.
А легкие холод забил до икоты,
уж бледен оттенок замерзшей щеки —
и, как ни крути, не помрут без работы
на желтых (непарных) конях ямщики.
Сверх меры капризен зарвавшийся климат:
то лужа, то стужа — сплошной кавардак.
Лишь то утешает, что сраму не имут
раздетые дамы — устроены так.

* * *

Сугроба придорожного муар
не балует онколога надеждой.
Лоснится под ногою тротуар
замызганной донельзя спецодеждой.
Несвежий снег подернулся корой
заплесневелой, что горбушка хлеба.
Над ним — сплошной озоновой дырой —
бесцветное, бесформенное небо.
И видится из грязного окна
трамвайного уж ни на что не годный
остаток полусгнившего сукна,
скрывающего мусор прошлогодный.

* * *

Вот и всё. Начинается проза
после осени жёлтых стихов.
Двадцать градусов деда-мороза
пробирают аж до потрохов.
Сорок градусов тёти-водяры
я бросаю на чашу весов.
Сами пейте, братишки-мадьяры,
жидкий яблочно-грушевый сок!

Растекается жидкость по венам
из желудка, минуя шприцы.
Этим способом обыкновенным
наши-деды и наши-отцы
ежегодно лечились от стужи
(равно как от хандры и жары),
заменяя укол — и к тому же
углеводы, белки и жиры.

Вот и всё. Отступает простуда,
дед не дед — но мороз посрамлён.
Сэкономлен укол и посуду
можно сдать. Но попался в полон
ты зиме, что снежком, словно мелом
кроет, грязь превращая в букле...
Стих твой будет, похоже что, белым —
как мазки на оконном стекле.

Владимир Мишин

По направлению к Бродскому

НА СМЕРТЬ ИОСИФА БРОДСКОГО

Он умер в январе, в начале года...
(И.А.Бродский, «Стихи на смерть Т.С.Элиота», 12.01.1965)

Умер Бродский... Добавить нечего.
В шесть часов утра или вечера —
не имеет зимой значения
для закрытого помещения
капитала в швейцарской банке
жестяной из-под валерьянки,
валидола и корвалола —
чтоб пореже в груди кололо,
в ярко-красном стручковом перце,
именуемом ниже «сердце».

Расстреляло запас орудие
гениального словоблудия,
не подверженного конверсии,
но — согласно известной версии —
не погибла душа — отлетела,
дистанцировавшись от тела.

Остаются в прошедшем времени
падежи, части речи, премии,
телогрейки, абзацы, мантии,
визы, консульства, дипломатии,
пересуды, суды, ОВИРы,
фунты стерлингов, йены, лиры
(в смысле денег и музы в смысле),
отвердевшие полумысли,
не дошедшие до бумаги,
и — трехтомник в универмаге.

В настоящем — слова-сироты.
И — поэтов взвода и роты,
батальоны, полки и армии —
тех, что, встав за станки токарные,
подгоняют их так и этак,
как в прокрустовы рамки клеток
тематического кроссворда,
именуя все это гордо
почему-то стихов твореньем,
а не просто — бумаги треньем.

Впереди — если верить слухам —
бесконечные сборы с духом,
варианты реинкарнаций,
перемены полов и наций,
местожительства и профессий,
христианских и проч. конфессий,
конституций, гражданств, привычек,
коньяка, сигарет и спичек,
языка, цвета глаз и кожи.
И имен, к сожаленью, тоже.

Имена остаются с телом —
на надгробиях первым делом

(а бывает, что и последним,
с позволенья сказать, наследием).
Иногда — на листках бумаги
(см. «трехтомник в универмаге»).
И в сердцах (не сочтется пошлым!)
современников — если в прошлом
был к тому подходящий повод
и для связи двужильный провод.

Ну, а проводы — те недолги.
Далеко до Невы и Волги.
Где он нынче — Василь'вский остров?
(Пригодился чужой апостроф
для родной, изначальной речи.)
Да и речь далеко-далече.
Время сжалось до мертвой точки.
Все слова — кроме нижней строчки —
ожидает приют сиротский:
Бродский умер — да здравствует Бродский!

ПЕЧАЛЬНАЯ СКАЗКА ПРО ЖИЛИ-БЫЛИ, или «недоброй» памяти Довлатова и Бродского

I

В годы застойные, в век идиотский,
в день уместив и кабак и балет,
в Питере жили Довлатов и Бродский —
первый писатель, второй же поэт.
Я нумерую их чисто условно —
в том лишь порядке, в каком их назвал.
(Впрочем, в отчизне моей — поголовно

пишущей братии полный завал.)
Средь убелённых «эспэшных» кастратов,
в творческой бзде заселяющих Крым,
не был писателем первым Довлатов —
не был и Бродский поэтом вторым.

II

Жили и жили — какое бы дело
нам-то, казалось, до этих господ.
Мало нам пищи для духа и тела:
синематограф, музыка и спорт.
Мало ли пишут поэзы и прозы
в общем и целом — читай не ленись:
слева направо, морозы-берёзы,
чёрным по белому, сверху и вниз.
В годы дурацкие, в век просвещённый,
в граде каналов, дворцов, фонарей,
жили-дружили еврей некрещёный —
и окрещённый, но полуеврей.

III

Жили-тужили, винцо попивали —
жажду толили на много вперёд.
Битыми были — и сами бивали
(если, конечно, Довлатов не врёт).
И в местечковой богеме (она же —
кладезь похлеще Ромев и Жульет)
были, конечно, ещё персонажи,
были и будут — а этих уж нет.
Эти иные — и эти далече,
спят себе нынче в чужих берегах.
Кончилось время изустной их речи —
кончилось в прозе, тем паче в стихах.

IV

Что же такого особого в этом?
Мало ли ныне народишка мрёт:
кто-то зимою, а кто-то и летом
(если, конечно, и Бродский не врёт).
Нечего было линять на чужбины
в поисках тем — и глубокой воды.
Будь ты еврей или — наловину,
коли не лезть на рожон «у-вэ-ды»,
все эти оды, рассказы, поэмы
дома и стенки писать помогли б.
А закордонные «аи-би-эмы»
лишь провоцируют ядерный грипп.

V

В эру иуд и в эпоху пилатов
в душах ни света, ни святости нет.
Родину предал писатель Довлатов,
продал её же и Бродский-поэт.
Что им священного Питера камни,
Биржа, Фонтанка, Нева и Сенат?
Ослы и Римы, Ню-ёрки и Канны
им заместили родимый пенат.
Тихою сапой иные манкурты
только удобного случая ждут:
Томы и Джоны — и прочие Курты
им подменили оставшихся тут.

VI

Так вот и стали отступники эти
жить-поживать в их гнилом капраю,
живописуя всё в розовом свете.
чёрный оставив в родимом краю.

Эти безродные космополиты,
паспорт сменивши, как платья фасон,
сами не били — и не были биты
(если, конечно, не лгут в унисон).
Эти притворные «граждане мира»,
нашим не веря ушам и глазам,
нас разлагали (посредством эфира)
по зарубежным своим «голосам».

VII

Вынув из пазух и камни, и фиги —
вывезя их из вскормившей страны,
первый клепал безыдейные книги,
не отставал со своей стороны
тот же второй, подвизаясь на ниве
рифм декадентских, внеклассовых. И
слава дурная тянулась за ними —
неприхотливая, как лопухи,
взросшие в тени кривого забора
вкруг Королевства таких же зеркал.
Видно, взамен головного убора
нимба один — и другой — возалкал.

VIII

Сказано-сделано, вот вам и нимбы:
первый терновый — лавровый второй.
Только по совести: больше бы к ним бы
так подошли, как иною порой
небезызвестные шапки-ушанки —
оба когда-то прошли лагеря.
Первый два года в тюремной охранке
службу тащил — а второй, говоря
этим же слогом, такое же время

в сложности общей потягивал срок.
(Всё перепуталось, чёртово семя,
в доме Дубровских — и всё им не впрок!)

IX

Что же жалеть их, с какой-такой стати?
Ладно, скончались — что нам за беда?
Нету пророков в отечестве — кстати,
просто не может и быть никогда
лишь потому, что буквально «не может»!
(Сей аксиомы ведь не опроверг
толком при жизни никто — да поможет
бог им посмертно.) А в прошлый четверг
я, заглянув в обезьяний питомник
с вывеской «Книги» — как дарвинский зять,
видел от каждого четырёхтомник —
больше с них, видимо, нечего взять…

ГОД БЕЗ БРОДСКОГО

I

Минувших суток тяжкие труды
закончить что ли непривычно рано?
В облезлый чайник до краёв воды
налить из протекающего крана

и до поры поставить на плиту.
Умыть лицо, подмышки, шею, руки
над ванной банным мылом. И во рту
прочистить щёткой каждый зуб. И брюки

прогладить через марлю. И в пистон
пиджачный втиснуть дюжину-другую
платочков накрахмаленных. И, стол
на кухне протерев, недорогую

клеёнку постелить. И накрутить
нежирный фарш для утренней котлеты
по-киевски. И чуб укоротить,
достигший подбородка. И билеты

по правилам движения, лет сто
уже как устаревшие, на части
нарезать невеликие. И стол
ещё раз протереть. И, чёрной масти

сапожный крем втирая в сапоги
разбухшие, вечернюю зарядку
проделать параллельно. И долги
переписать в отдельную тетрадку —

чужие и свои. И выпить пол-
бутылки мутной жидкости, похожей
скорей на ацетон. И вымыть пол
на лестничной площадке и в прихожей

раствором хлорамина. И цветы
полить на подоконниках из кружки-
дозатора. И явные следы
губной помады чьей-то на подушке

скрыть наволочкой свежей. И сетей
растяжки по углам из паутины
смахнуть рукой. И грязь из-под ногтей
повычистить булавкой. И картины
на стенах влажной тряпкой протереть,

смочив её в крутой заварке чая.
И только после — лечь, чтоб умереть,
задув огонь, но газ не выключая…

II

…И, оказавшись туловища вне,
последний долг отдать остывшей туше.
И полететь сквозь щелочку в окне,
куда обычно отлетают души,

покинув тело. И, взглянув мельком
на скотный двор и шиферные крыши,
взмыть к небесам крылатым мотыльком,
почти что невесомым. Выше, выше

и выше забираясь в облака,
окинуть город с пригородом вместе
прощальным оком. Мягкие бока
овец небесных в шелковистой шерсти

пощекотать крылами. И листок
большой страны как контурную карту
увидеть под собой. И на восток
свой путь держать, чтоб снова сесть за парту

там, в измерении ином. И позабыть
фамилию свою, а также имя
любимой. И буквально выше быть
земных страстей, планируя над ними

без всяких планов, кроме одного —
лететь вперёд, к востоку и восходу
светила и неведомо чего
ещё помимо… Чтоб однажды с ходу,

вновь обретя земное естество,
с небес на землю коршуном свалиться —
и в самое Христово рождество
в младенца безымянного вселиться.

О ГРУСТНОМ С НАДЕЖДОЙ

Глаза боятся — руки делают
(поговорка)

Ничего не воротишь вспять,
даже если на то причины
уважительны — и опять
торс не мальчика, но мужчины
растворяется вмиг в ночи
в мрачной улицы першпективе;
и кричи или не кричи —
бесполезно, и на штативе

близорукого фонаря —
желтый глаз, как не мой свидетель
(юридически говоря);
и — как дверь, что слетела с петель,
можно низко упасть на пол,
не давая свободы звуку —
как спасительный промедол
закусив у запястья руку,

виноватую только в том,
что всеядна она, как кошка:
может мух давить, а потом
может вилку держать и ложку,

лист бумаги, перо, стакан
с лимонадом и самогоном —
равнодушно, как истукан,
относясь без разбору к оным;

и какого мне в том рожна —
или к кружке ее ревную?
Но ведь помнить была должна
свою функцию основную:
мертвой хваткой вцепляться в то,
что сама же и сотворила —
как детеныша в шапито
холит бдительно мать-горилла

(или, может быть, шимпанзе —
и не в цирке, а в зоосаде)...
Рано все ж отправлять в музей
тех, кто должен сидеть в засаде.
Ведь подметить издалека
хоть и явную — но подробность
может лишь твоего зрачка
разрешающая способность.

О ЧЁМ-ТО ВАЖНОМ

Важнейшим из чувств является чувство меры.
Прорубать окно, чтоб повесить потом портьеры,
жертвуя так и этак целостностью стены —
всё равно, что крылья вытягивать из спины.

А какая польза в нагроможденьи хижин
одна на другую — кроме того, что унижен

и оскорблён до крайности не только первый этаж,
но и последний — что всуе похоже на эпатаж,

памятуя о той поговорке про «хату с краю»?
Да грех не признаться в том, что и я выбираю
место в строю не на фланге, но далеко внутри —
то есть второй этаж, если всего их три.

Хуже, когда их два, и пред вами выбор
похлеще дилеммы: Санкт-Петербург иль Выборг?
Тут серёдки нет вообще — вот и я о том,
что неплохо бы просто иметь двухэтажный дом.

Чтобы был он прост и одновременно рационален.
Чтоб по формуле «Х+1» в нём имелось спален,
где «Х» есть условное количество членов семьи,
а «единица» — тем, кто приходит в гости после семи.

Чтоб сидеть зимою в уютной гостиной и не
предаваться грусти. И чтобы дрова в камине
чуть потрескивали. И смотреть заурядное, но
важнейшее из искусств — искусственное кино.

ОСЕНЬ

(перечитывая Бродского)

Сентябрь на носу, так чего же мы ждем —
мы, времени года забывшие имя.
Четвертые сутки исходит дождем
беременной тучи разбухшее вымя.
В такую погоду сидеть по домам,
имеющим вечные признаки хлева,

полезно не только для будущих мам.
Над нами, под нами, и справа, и слева,

жилищам придав подобающий лоск,
в свои персональные ложа прокрусты
отходят ко сну. И как будто на мозг
походит кочан сухопутной капусты,
что загодя куплен для завтрашних щей
тщедушным профессором кроткого нрава —
он на факультете ненужных вещей
читает курс лекций про римское право.

Он утром проснется без четверти шесть
по старой давно заведенной привычке
в местах, отдаленных значительно, шерсть
накинув на плечи, от сломанной спички
прикурит отточенным жестом бычок,
оставленный с вечера в банке консервной,
из коей стремглав таракан, дурачок,
метнется за чайник испуганной серной.

Зане он нацедит воды в котелок,
поставит на плитку, зажженную тою
же спичкой, потом обреченный вилок
отправит под нож чуть дрожащей рукою,
все в тех же местах задубевшей, но все ж
испытывать руки на прочность негоже —
да здравствует тупо заточенный нож,
что не оставляет порезов на коже!

А после заварит он чаю из трав,
нелепо созвучных со словом «отрава».
Наверное, в чем-то он все-таки прав —
нелепый профессор нерусского права,
над щами в кастрюле склонивший чело

в беззлобно народом осмеянном чине,
но — завтра не будет уже ничего
по старой давно заведенной причине.
И, правду сказать, он был болен и стар —
навеки над веками вскинувший брови.
И пьяный по комнате кружит комар,
успевший напиться профессорской крови.

Сентябрь наступил — так чего еще ждем
мы, времени года забывшие имя?
Уж пятую ночь истекает дождем
беременной тучи набухшее вымя...

О ВЕЩАХ ПРОСТЫХ — ВПОЛНЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ

Я не то что схожу с ума, но устал за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день потерян.
(из Бродского)

Я не то что схожу — и не то чтобы даже с ума.
И совсем не устал. И тем более, нынче не лето.
Наступает февраль — стало быть, за окошком зима.
Да и дома — зима, и в груди. Только я не про это.
Но когда дефицит свежих фруктов тире овощей
бледным цветом лица намекнёт, что дела твои плохи,
среди разного рода полезных и нужных вещей
вдруг наткнёшься в кладовой на вещи ушедшей эпохи.

Записное тряпьё, отслуживший сверхсрочную хлам,
несъедобный балласт — коль не спрашивать мнения моли.
Всё пропахло насквозь (я их путал всегда) пополам
смесью приторной из нафталина тире канифоли.
И среди барахла разношёрстного где-то висят

на железном гвозде, ни о чём и ничуть не печалясь,
мои старые джинсы — в которых тому пятьдесят
лет назад без труда я и, главное, ты помещались.

Ну пусть не пятьдесят (ради рифмы грешить не впервой),
пусть семнадцать всего — согласись, это тоже не мало.
Мы курили тогда что-то с фильтром и даже с травой —
хорошо, что ещё от травы никого не ломало.
А ломала нас жизнь, каждый день предлагая взамен
самых главных ролей эпизоды статистов в массовке.
И как память о том, будто шрамы от лопнувших вен, —
безобразные швы на изношенной старой кроссовке.

Что-то мрачно опять — и опять налицо перехлёст
и попытка раздуть из фальшивой комедии драму.
А предмет разговора настолько банален и прост
(проще только стишок в букваре, где «про маму и раму»),
что порою, не делая скидок прошедшим летам
и явившись из пыльной кладовой во времени оном,
вдруг заставит смеяться и плакать какая-то там
идиотская лыжная шапочка с круглым помпоном.

ПОПЫТКА СКОРОТАТЬ ВРЕМЯ

Ни пьян — ни трезв, и полукровок-мыслей орда
поражает уже количеством; а если честно,
то на ум почему-то приходит такая белиберда —
если слово «ум» в таком сочетаньи вообще уместно.
Например, что земная твердь потому и тверда,
что небесная твердь — небесна.

Литература с геометрией — простой пример двух систем,
не имеющих общих точек, кроме собственно «точки».
Круглая форма стола совершенна уж тем,
что не имеет прямых углов — что остры для дочки.
Температура целого тела, должно быть, отлична от температуры тела когда-то проколотой насквозь мочки.

Тараканы, ждущие к ужину званых гостей,
нетерпеливо дают понять, что пора б гасить свет.
Вечно работающий телевизор захлебывается от новостей —
мне же нечем похвастать хотя бы ему в ответ.
Части света, кстати, состоят из более мелких частей,
как и части речи, а что-то целое — нет.

Грубая только на первый взгляд просьба «заткнись»
обозначает буквально команду «закройте рот».
Автомобиль, переходящий резко с шага на рысь,
гораздо опасней для пешехода — а не наоборот.
Взлет наверх есть всего лишь начало паденья вниз —
а движенье вперед есть всего лишь движенье вперед.

Дорога российская, как все ж-таки ты дорога! —
сужу о том по манной каши просящему боту.
Троллейбус — как муж, получивший в награду рога —
вынужден ежедневно ходить на работу.
И это еще не враг, если один только вид врага
не вызывает рвоту.

И все-таки мир устроен нами по-идиотски,
если судьбы детей отданы всецело на откуп старшим.
И в бульонах заливов где-то варятся минные клецки,
и не отличимы даже по дну проходящие маршем
подводные лодки от макарон по-флотски —
и те, и другие туго напичканы тем же фаршем.

Странно: с открытием на ночь форточки духота
сохраняет константу — как непросыхающее банное полотенце.
Ночные рулады за окнами мартовского кота
походят на плач подкинутого под окна младенца.
И ты всерьез начинаешь жалеть, что глухота
есть прерогатива старости и (просто для рифмы) ненца.

МЫСЛИ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

Слова — неправда, фраза — небылица,
поскольку буква — изначально ложь...
Сидю на куфне и читаю лица —
да только трезвым что в них разберёшь,
когда они, как цифры окоротив,
ужо прилично залили глаза?
Сижу напротив — во всех смыслах «против»
ещё двоих, что во всех смыслах «за».

Под потолком клубится дым и тема
дежурно-характерная для лиц,
примкнувших к инородности «богема».
Но знаю я: в известной из больниц
вчерашний зек — практически Тургенев,
коли поить умеренно его.
Харкнёшь по ветру, каждый третий — гений,
в противу ветра — более того.

В зубах навязла греческая каша
с оскоминою гречневой травы.
Вы не правы, Серёга и Аркаша,
да будь вы хоть четырежды правы!

Мы с вами все учились понемногу…
Конец цитаты, да не вспомню, чьей.
Аркаша и Серёга, ну, ей-богу,
коль я не прав — спросите у врачей.

Толстенный кондуит в тончайший рубчик
под водку с пивом — то есть под вино.
Иосиф Александрович*, голубчик,
охотниц и охотников полно
до Вашего пустого ныне места —
что свято, чёрт-те что, но не для всех!
На век вперёд куёт кружки из теста
объевшийся дрожжей пельменный цех.

В сукне небес, как считанные лузы,
один просвет… ещё один просвет —
кишмя кишат назойливые музы,
кишат и застят ультрафиолет,
в проекции собой являя тучи
над теми, что орудуют пером.
И, как шары бильярдные, трескучий
их лбы в пространстве возбуждают гром.
И засоряют своды год от года,
змеясь через разверзшиеся рты,
слова, что много легче кислорода
и уж тем паче — углекислоты.
И вот уже космические спазмы
сочатся инфракрасным кумачом,
а в них смердят озоновые язвы —
и тут фреон, ей-богу, ни при чём…

*Бродский

* * *

Кругозор из окна все заметней сужается:
некто сыплет и сыплет небесную манку.
В кривовыпуклом чайнике все отражается
кухня — будто бы вывернута наизнанку.
С каждой рюмкою миф и реальность сближаются.

Алкоголь есть простейшее средство от трезвости,
коль вовнутрь принимать его, а не наружно.
Словно бы соревнуясь друг с дружкою в резвости,
жизнь кончают снежинки нелепо, но дружно —
чтоб навечно осесть в списки канувших без вести.

Уж чего-чего, снега в России немерено.
Это было всегда и, наверно, так будет.
Наша родина-мать в своих детях уверена,
забывая, что взгляд этот необоюден.
Здесь, скорей, отношенья кобылы и мерина.

Взрослые игры

ВЕНЕРА

Светлые волосы, выбился локон
из-под косынки, тугая коса.
Домиком брови, глаза с поволокой —
синие-синие, как небеса.

Тоненький носик и влажные губы,
маленький рот, приоткрытый слегка
в полуулыбке. Молочные зубы —
белые-белые, как облака.

Тонкая шея; за ухом, похоже,
точечка родинки, лёгкий пушок.
Нежный загар, золотистая кожа —
гладкая-гладкая, будто бы шёлк.

Бёдра округлые, узкие плечи,
длинные ноги, высокая грудь.
Сахарный лепет, медовые речи —
быстрые-быстрые, словно бы ртуть.

Щётки ресничек опущены кротко,
светлая грусть, ненавязчивый смех.
Плавные жесты, кошачья походка —
мягкая-мягкая, точно бы мех.

Всё в ней прекрасно: и внешность, и голос;
стать и осанка — почти что балет...
Это был мной собирательный образ
за тридцать восемь мальчишеских лет.

ЯВЛЕНИЕ В АЭРОПОРТУ

А вчера в конце дня, и недели, и месяца —
календарной и просто зимы, наконец, —
то ль нелёгкая, то ли служебная лестница
занесла меня в стеклобетонный дворец.
Мне там было делов-то всего на полчасика.
Но, с утра не имея росинки во рту,
я простаивал с видом махрового частника
и просиживал джинсы в аэропорту.

А виною тому ритуал регистрации
«челноков», обложивших таможенный зал.
И невидимый чин пограничный по рации
мне конца дожидаться его приказал.
И, когда мои мысли одна лишь яичница
с колбасой занимала и без колбасы,
в зал досмотра вошла — нет, вплыла пограничница
вовсе не уставной, доложу вам, красы.

Я не знаю, конечно, что там она делала —
может, чей загранпаспорт сверять принесла? —
молодая, красивая, стройная, белая...
словом, вся из достоинств — и несть им числа.
И в миру её звали как будто Алёною,
а на службе сержантом — и были правы?

Но к лицу были ей её формы зелёные
под петличками колера вешней травы.

Всё ж-ки есть ещё дамы в селениях Родины,
что красиво умеют носить и шинель!
И в сравнении с ней были просто уродины
пассажирки в прикидах от Дома Шанель;
и тем паче, хоть что-то у них и немерено,
пассажиры, сказать с позволенья, мужи.
Слава богу ещё, что не этим доверено
нашей славной Отчизны стеречь рубежи...

Так я думал, забыв про дела и яичницу
с колбасою и без, проклиная мужчин;
и не слышал того, как мою пограничницу
отозвал в зал посадки невидимый чин.
Может быть, её звали сержантом Алёною —
иль она мне явилась с обрывками сна?..
Только кажется мне, что под формой зелёною
наступившая в полночь скрывалась Весна.

ДОРОЖНАЯ ПРИТЧА-БЫЛЬ

Как-то раз когда-то где-то
относительно весьма
на земле стояло лето —
а, возможно, и зима;
было холодно и сыро —
или сухо и тепло;
и, приняв за ломтик сыра
силикатное стекло,

одиночная ворона
нервно каркала у шпал;
а довесочком к перрону
был естественный вокзал.

За окном смеркалось — то есть
было около пяти;
люди ждали скорый поезд,
заблудившийся в пути;
в ожидании фантома
тихо нервничал народ:
кто-то ехал прочь из дома,
кто — совсем наоборот.

А пока никто не ехал
никуда и ни на ком —
лишь гуляло вяло эхо
под высоким потолком —
кто-то пил останки чая;
кто-то делал макияж;
два бича, в углу скучая,
вычисляли саквояж;
кто-то тискал томик Сартра,
коим был ужасно горд;
кто месил с соседом карты;
кто насиловал кроссворд.

Только двое в целом зале
оставались не у дел —
и, встречаясь лишь глазами,
сохраняли свойства тел
в состоянии покоя —
Он в пальто, Она в плаще —
если может быть такое
состояние вообще;

взгляды многое сказали —
как начало всех начал;
но никто во всем вокзале
ничего не замечал.

«Познакомиться — и точка!» —
думал Он примерно в шесть;
но — осталась дома дочка,
а у дочки мама есть;
да вот с мамой всё не гладко,
всё не так и всё не то. . .
Но для дочки шоколадка
млела в складочках пальто;
«мне уже немало лет, но —
не бывает сладко всем...»
Время мчалось — незаметно
на часах пробило семь.

А Она глядела прямо,
будто острая игла —
до тех пор, покуда яма
промеж них не пролегла;
наконец-то прибыл поезд —
где-то около восьми —
и Она потуже пояс
затянула, черт возьми,
и, одернув плащ, с приветом
удалилась на перрон —
а что думала при этом,
до сих пор не знает Он...

«И при чем же тут ворона?» —
спросят автора, сердясь.
Повторюсь: во время оно

были холод, сырость, грязь;
а коль есть в начале слово —
то всему придет и срок;
вы у дедушки Крылова
всё найдете между строк!

НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС

В скором поезде, в пятом вагоне,
едешь ты и считаешь в окне
редких белых ворон — и того не
знаешь даже, что едешь ко мне;
что всего-то каких-нибудь сорок
нас часов разделяют с тобой.
И гора апельсиновых корок
в полумраке купе голубой

непривычный имеет оттенок —
как твои же, должно быть, глаза.
И глядят друг на друга со стенок
неумытых зеркал образа,
раздвигая пространство настолько,
что становится не по себе.
И пакетного чая настойка
в нефамильном стоит серебре

(да к тому же фальшивом) и стынет
на салфетке — намек на уют.
А в соседнем купе керосинят
и гогочут, и спать не дают...
В скором поезде, в пятом вагоне

едешь ты и считаешь во сне
многоточия звезд — и того не
знаешь даже, что едешь ко мне.

ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ

За окном на дворе
затихают последние звуки,
в тёмной кроне небес
притаилась луна, как сова.
Знаю точно: и ты
в этот час помираешь от скуки —
позвони мне скорей,
мы с тобой поиграем в слова.
Ты из дюжины слов
мне составишь такие вопросы,
что застигнешь врасплох
мои слабые тело и дух.
И проклюнется вдруг
беспорядочно звёздное просо,
солнце бродит пока
за морями, как блудный петух.

И когда в вышине
разгуляются буйные ветры
и на чёрном табло
замаячит огней чехарда,
ты подскажешь сама
на свои же вопросы ответы.
И мы станем играть
в имена, а затем в города.

А потом всё потухнет,
как свет на рождественской ёлке,
и луна на глаза
нахлобучит мохнатую бровь.
Только ветры кругом
будут выть как голодные волки...
Приезжай же скорей —
мы ещё не играли в любовь.

ВНЕСЛУЖЕБНЫЙ РОМАН-С

В уютной комнате, зовущейся гостиною,
сидят хозяйка и её же званый гость.
Она скрывает грудь под кофточкою стильною —
а он с трудом, но на себя скрывает злость.
И хоть она ему в субботу не начальница,
и по всему пора заглатывать крючок —
но почему-то битый час не получается
ни разговора, ни чего-нибудь ещё.

Уже вина сухого выпито достаточно,
и по углам царит от лампы полумрак.
Они знакомы восемь лет — считай, не шапочно —
но он не друг её, хоть и себе не враг.
И в белом танце стены тё-омные качаются,
и голова уже ложится на плечо —
но отчего-то третий час не получается
ни хоровода, ни чего-нибудь ещё.

Вот уж и дым от сигарет по полу стелется
как откровенно кучевые облака.

А он молчит, он не мычит (читай: не телится),
хоть наша кофточка расстёгнута слегка.
И телевизор неспроста не выключается,
амурным сценам в нём давно потерян счёт —
так почему же пятый час не получается
ни подражанья, ни хотя б чего ещё.

И он уйдёт домой в без четверти одиннадцать,
спокойной ночи (!) на прощанье пожелав.
Она запрётся на замок, переоденется —
и будет жить себе и дальше, как жила в-
се эти годы. Лишь немного опечалится,
стерев румянец мокрой ватою со щёк
и обнаружив, что в лице не получается
ни светлой грусти, ни чего-нибудь ещё.

ПОЛНОЛУНИЕ

Е. Р.

Где-то в море бушевал цунами
под луною, сбросившею шаль.
Ничего такого между нами
не было похожего — а жаль.
Не было ни жеста, ни намека
на огонь, бушующий внутри.
И, глаза потупив, одиноко
тлели вдоль дороги фонари.
Листьев прошлогодних вдоль обочин
вяло перекатывалась голь.
Кровь играла в венах — но не очень
резво, несмотря на алкоголь.

С неба осыпалась штукатурка
редких звезд, куда-то там маня.
В целом свете не было придурка
больше и несчастнее меня.
Видимо, ты чувствовала это
кожей, что натянута струной.
А луны чеканная монета
пялилась обычной стороной —
лицевой, отнюдь и не скрывая
неохоты к перемене мест.
Стежка — не сказать, чтобы кривая,
привела нас в дремлющий подъезд.

Там, купаясь в гжели и финифти
кисти безымянных мастеров,
взад-вперед мы ездили на лифте,
обретя пристанище и кров
этаже как будто на девятом —
что совсем не то, что трижды три.
Как мой далеко не мирный атом
не взорвал себя же изнутри!
Диск луны похож был временами
на звезду морскую, на ежа ль...
Ничего такого между нами
не случилось, не было. А жаль.

Утраченные иллюзии

ЗАГАДКИ С ОТГАДКАМИ

Символично, что даже не в августе,
а в промокшем от слёз сентябре
мне достало принять тебя наглости
у себя в холостяцкой норе,
где давно, на карачках не лазая,
пыли я не шерстил закрома.
Как удобно, что ты сероглазая —
почему, догадайся сама.

К сожалению, есть почти нечего —
точно так же, как нет и стола,
разве только, что с прошлого вечера
по ошибке осталась цела
синей курицы ножка холодная
и к тому же худая весьма.
Слава богу, что ты не голодная —
почему, догадайся сама.

Предложенье: прикинемся гномами
ненадолго, хотя б до темна,
и напёрстками, пусть и не новыми,
пригубим по глоточку вина,
его крепостью малой не брезгуя,
как полезным советом Фома.

Хорошо, что уже ты нетрезвая —
почему, догадайся сама.

Характерно, что всё-таки кружится
и заметно болит голова.
Высыхает на донышке лужица
и кончаются в горле слова...
Не взыщи, что подушка не белая
с простынёй — ведь ещё не зима.
Очень кстати, что ты загорелая —
почему, догадайся сама.

Полуночное небо качается,
коль увидишь его из окон.
Всё когда-то куда-то кончается,
подтверждая всемирный закон
тяготения к железам, залежам
и тэ пэ... не сойти бы с ума!
Как нелепо, что ты уже замужем —
почему, догадайся сама...

К НИКЕ

Мы не виделись месяц — сиречь
мы не виделись с прошлого года.
(Обороты подобного рода
придают говорящему вес.)
Только наша бессвязная речь
от прямой отличается речи.
А казалось: дожить бы до встречи —
нагородим семь вёрст до небес.

Мы не виделись месяц — и вот
мы увиделись так же и там же:
ты всё в той же дублёнке, я в замше
на протёртых локтях из сукна.
И всё тем же манером в живот
попадает холодная пицца.
И до колик знакомые лица
за соседним столом у окна.

Мы не виделись месяц — и что ж?..
Ничего не случилось, как видишь:
я не выучил «хинди» и «идиш»,
волки режут все так же ягнят,
миром правит по-прежнему ложь,
ты не вышла «в тираж» или «замуж» —
и, признаться, не знаю и сам уж,
чему больше я, собственно, рад.

Мы не виделись месяц — с тех пор,
как в преддверьи рождественской сказки,
нацепив карнавальные маски,
разошлись по своим адресам.
Сказка кончилась... Снова топор
можно вешать в прокуренной зале.
А суфлёры опять приказали,
чтобы каждый доигрывал сам.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СКОРОЙ ЗИМЫ

Когда на город опустится тьма
и окна зажгут дома,
а в городе будет такая зима,
что можно сойти с ума,
мы купим вина и пойдем домой,
где даже стена тепла —
ведь если нет места, куда пойти,
то можно сойти с ума.
А дома мы будем с тобой говорить,
совсем не жалея слова —
ведь если все время молчать и молчать,
то можно сойти с ума.
Мы станем с тобой хохотать, шутить,
как будто бы два шута —
ведь если все время серьезным быть,
то можно сойти с ума.
Потом мы просто с тобой помолчим,
и будет зима нема —
ведь если без умолку говорить,
то можно сойти с ума.
А после мы будем с тобою пить,
покуда нам хватит вина —
ведь если все время тверёзым быть,
то можно сойти с ума.
И после мы сразу же бросим пить,
две чаши испив до дна —
ведь если все время лишь пить да пить,
то можно сойти с ума.
А после мы станем друг друга любить —
ведь ты же знаешь сама,
что если совсем никого не любить,
то можно сойти с ума.

Потом мы устанем и мертвым сном
уснем к голове голова —
ведь если все время любить и не спать,
то можно сойти с ума.
А ночью и вправду мы вдруг умрем,
и нас заметет зима —
ведь если на свете так долго жить,
то можно сойти с ума...
...А утром, когда рассеется тьма
и окна погасят дома,
умрет и луна — и сама зима,
должно быть, сойдет с ума.

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА К Е. В.

+
Аукается снежная зима
весенней клейкой жижей по колено.
Лишь поутру разбухшую лашшу
скрывает хрупкий полиэтилен.
А нынче не хватило мне ума
Вам позвонить на Женский день, Елена
Владимировна. (Отчество пишу,
чтоб не смущать других каких елен.)
Хотя в прошедшем и т.д. году
(осмеливаюсь Вам о том напомнить)
я набирал неверною рукой
далёкий Ваш домашний телефон
и нёс в него, должно быть, ерунду.
А нынче — не решился потрезвонить
и потревожить сонный Ваш покой
(хранимы будьте мной и Вы и он).

++
Я собирался той весной в СА* —
мне, видно, только там и было место.
(По крайней мере, был заказан путь
мне в ближнезарубежный ныне вуз.)
И выплакала серые глаза
моя ещё вчерашняя невеста —
я в одиночку срок решил тянуть
и день за днём наматывать на ус.
А впрочем, вру — какие там усы.
Я бриться начал только лишь в учебке
(опять же зарубежной) — да и то
по прихоти её режима дня.
Короче, оставались мне часы
до отправленья поезда. И в щепки
летела жизнь. И старое пальто
в дорогу мне готовила родня.

+++
В Тот Самый День мы встретились в гостях
у Вашей бывшей школьной, но подруги,
которая тогда уже ждала
из армии теперь уж моего
приятеля. И в скучных новостях
почти что не участвовали руки.
И близкие амурные дела
ещё не предвещало ничего.
Часам к восьми стемнело за окном.
(Весной у нас темнеет так же рано.)
Солдатка наша как бы невзначай
просила проводить Вас. «Йес, о'кей», —
а по пути я думал об одном:

*СА — Советская Армия

как час спустя усядусь у экрана
и буду зрить, потягивая чай,
в ту пору обожаемый хоккей.

++++
Ваш дом в пяти минутах был ходьбы —
с учётом даже рытвин и ухабов
(по случаю, как я сказал, весны)
в уже раскисшем, но ещё снегу.
И всю дорогу грезил я: «Хоть бы
сегодня раскатали наши швабов», —
не замечая то, как Вы грустны,
в буквальном смысле, через не могу.
И от дверей шагов примерно за
пятнадцать-двадцать, будто у траншеи
глубокой, через правое плечо
Вы резко повернулись. И пошла
была б минута — кабы не глаза
и руки, мой поправив шарф на шее,
«Простудишься», — сказали. И ещё
добавили: «Спасибо, я пришла».

+++++
И хоть с тех пор уж двадцать лет прошло,
но помню каждой клеточкою кожи
холодные мурашки и такой
же выброс электричества — когда
мне в голову ударило тепло
такого напряжения, похоже,
как если бы я голою рукой
за мокрые схватился провода.
И я не помню, как дошёл домой.
И кто кого там кинул на лопатки —
да и вообще, смотрел ли я игру?

Или же сразу лёг — и спал ли я
той длинной ночью? Или призрак мой
больной всю ночь записывал в тетрадке
известную словесную муру,
пот пополам с чернилами лия.

++++++

И не было до проводов моих
пристанища роднее нам и ближе,
чем Ваш неосвещаемый подъезд,
в котором целовались до утра.
И вряд ли бы постигли нас двоих
хвалёные влюблённые в Париже,
совсем не склонных к перемене мест
слагаемых любви, et cetera...
Но место всё же я переменил,
о чём предупредил ещё вначале.
И, видно, было Родине видней,
где я в ту пору был нужней всего.
И я извёл ещё вагон чернил —
взаимностью и Вы мне отвечали.
И крестики взамен ночей и дней
покрыли стены сердца моего.

+++++++

Но не смогли любви мы уберечь —
и в этом я виню себя, и только.
И прошлого не стоит ворошить,
так как душа пока ещё болит —
моя, по крайней мере. Только речь
моя ещё прямая не настолько,
чтоб Верою и Правдою служить —
как говорил наш ротный замполит.
И перед Вами всё-таки чиста
хотя бы в том моя больная совесть,

что не был я настойчив до конца
в Ту Нашу (и единственную) Ночь —
когда я уезжал опять в места,
от Ваших отдалённые. И повесть
закончилась без третьего лица...
У Вас ведь сын — а у меня есть дочь.

++++++++
Всё изменилось. Даже наш хоккей
отныне прирастает к нам Оттавой.
Я, как ни странно, позабыл о нём —
с немилым, право, ад и в шалаше.
Я ныне — графомании лакей.
Дозвольте же любимой мной октавой
поздравить Вас с прошедшим Женским днём
и пожелать, что выгодно душе.
Впишите сами на полях листа
всё то, что выше суеты и тлена
(простите, что обилием грешу
родительных неточных падежей).
Жена моя, должно быть, неспроста
Еленою звалась — как Вы, Елена
прекрасная. (Фамилий не пишу.
Чтоб не смущать других каких мужей.)

ГЛУХОЙ ТЕЛЕФОН

Сердце скачет, как белка, в хворосте
рёбер. И горло поёт о возрасте.
Это — уже старение...
(И.Бродский, «1972 год»)

Я еще не тяжёл на подъем,
но не бегаю моде в угоду…
Позвони мне хоть ночью, хоть днём —
поболтаем хотя б про погоду.
Посудачим о сём и о том,
побазарим о всяком и разном:
о прекрасном сперва — а потом
о насущном, обыденном, праздном.

Ты расскажешь мне всё о себе,
кроме места рожденья и даты:
о себе, о судьбе, о семье,
и — отдельной строкою — когда ты
научилась читать и писать
пусть не письма, хотя бы записки —
это ж проще, чем локти кусать,
хоть они и сравнительно близко.

Я себе расскажу о тебе
всё, что ты рассказать не желаешь:
о диете, о беге, ходьбе,
и — что ты не кусаешь, не лаешь,
но и в дом не впускаешь — как тот
сверхсекретный замок из загадки.
Маскируешься ты под катод,
но анода в тебе все задатки.

А потом мы закончим игру
в откровенную как бы беседу.
И о встрече на ближнем углу
мы условимся будто бы в среду.
Но на встречу опять не придем,
не звоним потому что друг другу…
Я еще не тяжёл на подъем —
но не лёгок на ногу и руку,
но не лёгок на сердце и руку.

* * *

А сегодня опять снегопад
вперемежку с дождем надоедливым,
что по лужам то пляшут гопак,
а то в вальсе заходятся медленном.
И метут бесконечно стекло
лобовое усталые дворники.
Это редко, чтоб с неба текло
в четверги — как-то чаще во вторники.

А назавтра опять будет грязь,
даже если погода изменится.
И следов перепутанных вязь
косолапая, будто медведица,
затвердеет на каждом шагу
хаотично, как россыпи звездные...
Я к тебе и приехать могу,
и прийти — да вот только не поздно ли?

ПРИМЕТА

Мы повстречались в високосный год.
Хоть, говорят, недобрая примета —
смеялась ты: «У нас — наоборот!»
И был июль, а значит, было лето,
за ним — другое, много лет... И вот
опять июль — бездождевой и росный.
Мы повстречались в високосный год...

...и разминулись тоже в високосный.

ЗВАЛАСЬ ОНА ЕЛЕНОЙ

Ощутимо отсутствие «лестниц»
на кривой перемены погод.
Мы всего-то не виделись месяц —
ну, а кажется, будто бы год
не один отделяет. К тому же,
ты забыла дорогу в мой дом.
И уже мезозойские лужи
кайнозойским подёрнулись льдом.

Утепляются окна и двери,
укрепляя устои и быт.
Но в какой-нибудь будущей эре
археолог (читай: следопыт),
слой за слоем срезая упрямо
и глядясь в затвердевшие льды,
среди всякого прочего хлама
обнаружит и наши следы.

И бог знает, как всё истолкует;
и чёрт знает, что вообразит:
так и вижу, как муж сей смакует
твой единственный, в общем, визит —
твой нечаянный, в целом, поступок
второпях возводя в абсолют.
Как же стержень познания хрупок,
как доверчив читающий люд!

Аксиома: грядущее «завтра»
на «сегодня» глядит свысока.
И по смутным следам динозавра
рассуждают всерьёз про века,

обобщая в масштабах вселенной
воспалённой фантазии бред.
Правда в том, что звалась ты Еленой.
Будет правдой и то, что нас нет.

Величалась ты так неспроста: ведь
имя — вечность, телесное — тлен.
И я мог бы, наверно, составить
целый полк из любимых Елен...
Отпусти же грехи мои, Боже,
и спаси от вселенской вражды!
(С ней же мы не увидимся больше —
в том ни смысла уже, ни нужды.)

ОСЕННИЙ МОТИВ

Снова осень. С деревьев листва
золотистым дождём опадает.
Потянуло дымком от костра —
где-то золото дворник сжигает...
Всё смешно, всё ужасно смешно,
потому ни о чём не печалюсь.

...Видно, всё было предрешено,
если осенью мы повстречались.

* * *

М. Ч.

Ты меня вспоминаешь ещё?
Я тебя — иногда — вспоминаю
и во сне часто вижу, причём,
ты мне снишься, как нынче, чужая.

Ты меня не простила пока?
Я тебе всё простил и — забыто.
Мир велик, только жизнь коротка,
чтобы помнить все наши обиды.

Ты меня разлюбила уже?
Я — тебя... Не случиться беседе:
ты живёшь на шестом этаже,
я — на третьем. Мы просто соседи.

В ЧАС ПИК

— Кого я вижу?! Или это сон?
А ну-ка, мать, щипни меня за ухо!
— И я гадаю: он или не он?
Привет, старик!
— Приветствую, старуха!
Рассказывай: ну, как твои дела?
Квартира? дача? круглый счёт в сберкассе?
Есть дети? муж? Ты замужем?
— Была.
Мы разошлись. Дочурка в третьем классе.
— Ну, ты даёшь, старушка!
— Ты-то как?

Женат?
— Да-а, был... мы тоже разбежались.
Несовместимость взглядов.
— Вот чудак!
А, помнишь...?
— ...как в парадном целовались?
Ещё бы!.. Кстати, взять тебе билет?
Тогда садись — освободилось место...

А «старикам» всего по тридцать лет.
И в детстве звали их «жених с невестой».

РАЗВОД

— Открой окно. Что, дождь ещё идёт?
Проветрим комнату, у нас ужасно душно.
Умойся. Всё — со временем — пройдёт.
Не нужно слёз и... ничего не нужно!
Всё!
— Нам, наверно, лучше разойтись?..
— Согласен!
— Пропасть пролегла меж нами...
— Действительно!
— Какая это жизнь?..
— Да, ты права!
— Останемся друзьями?..
— Естественно!
— Всё к этому и шло...
— Да что там шло — на всех парах летело!..

Что странно: у Неё давно прошло,
а у Него — до сих не отболело...

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕТЕ

Всё плохое забудется, время обиды залечит,
да и что обижаться — у каждого новая жизнь.
И, быть может, однажды тебя я на улице встречу —
где, обнявшись, мы шли, излучая шальной оптимизм, —
тем далёким и тёплым, счастливым и памятным летом
и представить боялись: что было б — иначе сложись?!..

Я тебя не спрошу — ты, наверно, забыла об этом,
да и что вспоминать, ведь у каждого — новая жизнь.

Ночные мысли

РАЗГОВОРЫ ЗА ПОЛНОЧЬ

«Человек рождается на муки...» —
доказать несложно, но еще
в целом свете нет такой науки —
Библия, естественно, не в счет.

Жизнь мы не по библиям учили,
примеряя истины на глаз,
ведь за нас решили: или-или,
даже выбор сделавши за нас:

«Человек рождается для счастья,
аки птица — виться в небеси!»
Только счастье балует нечасто
в нашей Богом проклятой Руси.

Ну, а может — это так и надо,
и давно пора понять уже:
вечные мучения — награда
для страданий созданной душе?

Вымочили яблоко раздора
нудные извечные дожди —
в схватках зародившегося спора
истины рождения не жди.

Ведь собака все же в то зарыта,
что печаль у каждого своя:
у одних — в несовершенстве быта,
у других — в уродстве бытия.

Вот и ищем, не жалея порох,
правду (на войне как на войне):
первые — в дискуссиях и спорах,
а вторые — в водке и вине,

третьи — совмещая то и это
под дымок дешевых папирос.
И давно никто не ждет ответа
на ребром поставленный вопрос.

Сломаны и копия, и луки
в битвах ратных — на мильёны счет...
«Человек рождается на муки»? —
а на что ж, действительно, еще?!

ЗАБЕГ НА ДЛИННУЮ ДИСТАНЦИЮ С ЯЗЫКОВЫМИ БАРЬЕРАМИ

Скажут какое-то слово, например, “доска”,
и ждут, когда дойдешь до смысла второго, третьего.
Но какая, к примеру, польза от языка,
если всякий норовит, как жену, поиметь его?
Хотя есть примеры — они совсем не новы —
начальной двусмысленности (вроде: пей до дна).
Но ведь даже такой оборот: «иду на Вы» —
подразумевает простое «иди ты на...»

Жизнь и так коротка, за вычетом двух восьмых
как физиоминимума, нужного для снов.
Интересно было бы знать: у глухонемых
существует проблема разной трактовки слов
или жестов, или (чего там у них еще?)
выражения глаз, движения мышц лица?..
И те ж «две восьмых» — кому-то дробь или счет,
кому-то дата начала, а может, конца.

Я хотел бы вернуться на тыщу лет, когда
была менее изысканной, но прямой речь:
когда «мясо» значило мясо, «вода» — вода,
а «огонь» — огонь, ну а «печь» — так и вправду печь;
человек разумный уже приручил собак
(так как не был знаком с трудами Экзюпери),
сеял хлеб, разводил овец и курил табак...
Я б собакой стал. Скажешь, глупо? Не говори.

НОЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Не по возрасту рано нелепые белые метки,
точно нитки, запутались
в длинных моих волосах.
И опять я не сплю,
и рифмую я нервные клетки,
и неслышно пульсирует кровь
в электронных часах.
И я редкие строчки
из слов собираю по крохам —
так из тощего тюбика
давят зубной порошок...

Я, как все, почему-то пишу,
когда мне очень плохо,
и почти ничего не пишу — когда мне хорошо.

НОЧНОЙ ПЕРЕКУР

Сходить с ума удобнее с утра —
так как оно чего-то мудренее.
Я жить хотел бы в Городе Петра,
хоть там и климат нашего дряннее.
Зато там бьют Фонтанка и Нева,
одетые в гранитную оправу;
и даже прошлогодняя трава
принадлежит истории по праву.

Не в деньгах счастье и не в колбасе;
довольно нам цепей, сетей и бредней!
Я жить сумел бы в Средней Полосе
(не черной и не белой — просто средней) —
и в этом свой убийственный резон:
там дефицит театров и музеев
сполна затмит насыщенный озон —
для горлохватов и для ротозеев.

Как угольки, в вечерней полутьме
горят глаза обыкновенной киски.
Я мог бы даже жить на Колыме,
нехай бы и без права переписки.
Тем более — я писем не катал
уже лет пять, а местная природа —
вот истинно бесценный капитал
не одного колымского народа.

Еще не вечер — коль твои штаны
последние покуда не украли.
Я стал бы жить в любом конце страны,
а умирать согласен на Урале!
Вот пусть прожить сумеют без меня
Ташкент, Тифлис — и прочий Берег Крыма...
...Ползет-ползет из форточки змея
сквозь легкие пропущенного дыма.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Тихий час на шестой части суши —
и усталые грешные души
у Морфея находят приют...
А моей всё уснуть не дают
то печаль по прошедшей весне,
то дочуркины всхлипы во сне,
то размолвка, то буйная ссора,
то количество энное сора,
что я вынес на Суд из избы,
то синюшная цветность экрана,
то вода, что сочится из крана
из-за сорванной кем-то резьбы,
то до времени скиснувший суп,
то под пломбою ноющий зуб,
то печать раздраженья в блокноте,
то будильником сбитый на взлете
год назад недосмотренный сон,
то печаль, что ты слаб и зависим,
то тома ненаписанных писем,
то стихов недописанных сонм,
небоскреб нераскрытых газет,

и — храпящий за стенкой сосед,
то свобода, что пуще неволи
(с ней — в боку характерные боли),
то домашних портьер неуют,
то платок, не подаренный маме,
то вдруг землетрясенье в Майами,
то в Баку голодающий люд;
то пугающих цен круговерть,
то беспечного голубя смерть,
то плохие вино и погода,
то кино, что идет по полгода,
то рассохшихся скрип половиц,
то кривой потолок, то обои,
то со светом в домах перебои —
с чернотою оконных глазниц,
то больного ребенка слеза,
то твои неживые глаза.
Это нервы играют, обиды,
что за давностью дней не забыты.

Я под память попал, как под поезд, —
своей жизни бездарную повесть
я читаю, и мучает совесть,
что не спит (как и я) по ночам...
Моя совесть — больная сова,
остальное — слова и слова.

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

(Реприза)

Мне кажется — все это было
со мною когда-то уже:
бликуя на солнце, слепило
окно на втором этаже,

чай теплым был самую малость,
и ложка упала на пол,
и кошка к гостям умывалась —
и так же никто не пришел,

я так же спешил, как на крыльях,
и снова — в который уж раз! —
вернулся проверить: закрыл ли
я форточку, воду и газ.

Не помню ни время, ни дату,
но вижу как будто вдали —
вот так же с соседом когда-то
в дверях разойтись не смогли,

и слышу, как транспорт негромким,
но сочным хулят матерком —
в троллейбусе взгляд незнакомки
банально — до боли знаком,

и то же подобие жажды —
как месяц назад или год —
и так же проехал однажды
я три остановки вперед...

Проклятье, кошмар, наважденье!
(А день так же ясен и тих.)
А может, все это — виденья
из жизней прошедших моих

когда-то? И в этом все дело?
А может, незримо кружа,
в мое горемычное тело
чужая вселилась душа?..

И снится мне снова: как ватой
укутало на зиму сад.
…Все проще: прошел я экватор —
и жизнь покатилась назад.

МЕТАМОРФОЗА

И вновь кромсают наш несчастный век,
и штопают в истории изъяны:
стал самый человечный человек
ужасней обезьяньей обезьяны.

Аксиомы

МИНИ-ОДА КОЛЛЕКТИВИЗМУ

Человек не может жить один —
если он, конечно, не отшельник.
Даже нимб — фактически ошейник,
будь ты хоть и трижды триедин.
Человек не может жить один —
ни правдоискатель, ни мошенник.

Человеку трудно одному —
если он, конечно, не затворник.
И труда надомного поборник
трудится для прочих на дому.
Человеку трудно одному —
будь он академик или дворник.

Человеку больно в пустоте —
если он, конечно, не учёный,
в ваку-ум-скафандрик облачённый
в небе — и обласканный в статье.
Человеку больно в пустоте —
будь он финансист иль заключённый.

Человеку нужен кто-нибудь —
если он, конечно, не покойник.
Помни, даже встав на подоконник:

чтобы проводить в последний путь,
человеку нужен кто-нибудь —
всё едино: враг или поклонник.

Человеку хочется любви —
если он, конечно, не святоша.
Вспомним: у Кокоши был Тотоша,
а затем добавим: се ля ви.
Человеку хочется любви —
будь он Антуан или Антоша.

Человек на то и человек,
чтоб с себе подобными общаться:
спорить, угощать и угощаться,
приходя и уходя навек —
человек на то и человек,
чтобы уходить. И возвращаться.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

В наш просвещенный технотронный век,
который сам уже со счета сбился,
как сто веков тому назад, родился Человек —
представьте только: Человек родился!

И не благодаря, а вопреки
научно-изуверскому прогрессу —
головка, шея, тельце, две ноги и две руки,
и росту подходящего — и весу.

Ничто ему ни Припять, ни Бельбек,
Майданеки, Треблинки и Дахау.

Как сто веков тому назад, родился Человек —
без менеджмента и без ноу-хау.

Не вопреки, а лишь благодаря
всего двоим на свете — папе с мамой,
в урочный месяц, день и час — и год календаря,
вразрез с технократической программой.

Хвала им, кто, влюбившись, опроверг
мысль — жить лишь для себя. Ведь это ж бредни!
Как десять тысяч лет назад, родился Человек —
дай Бог, как говорится, не последний!

РЕБЕНОК ПЛАЧЕТ

На черном фоне белого окна
лимоном желтым вновь луна маячит —
а значит, ночь. Такая тишина,
что где-то слышно, как ребенок плачет:

ребенок плачет в этой тишине,
ребенок плачет — защитили чтобы;
ребенок плачет, может быть, во сне
увидев вновь, как покидал утробу;
а может быть, он потерял сосок
и тычется беспомощно в подушку;
а может плачет, отлежавши бок
и не найдя любимую игрушку;
возможно, плачет от холодных рук —
и если как чужие руки эти;
ребенок плачет, испугавшись вдруг,
что он один на Целом Белом Свете!

Ребенок плачет, подмочив кровать
и чуя сырость каждою из ножек;
ребенок плачет — и какая мать
спокойно это молча слышать может?!
Ребенок плачет — и с припухших век
роняет слезки бусинками на пол...

Кто самый близкий подле человек?
Все сделайте, чтоб только он не плакал!

ФОРМУЛА КОШКИ

Там, где закатный чахоточный свет,
тюлем просеянный, брезжит в окошко —
всеми ногами взобравшись на плед,
дремлет, свернувшись калачиком, кошка.
Даже не дремлет, а будто бы спит —
нету обманчивей вещи, пожалуй:
хитрая кошка не дремлет, как СПИД,
и уж — тем паче — не спит как пожарный.

Чуткая кошка всегда начеку
безотносительно времени суток,
нужен будильник ей — как дураку
разом без нужды часы и рассудок,
как ни к чему дождевому червю
знать о строении стройной системы
классов и видов — и их эволю...
Но мы чуть-чуть отклонились от темы.

Все-таки — кошка... Нехитрый предмет,
вроде. Итак, повторимся немножко:

всеми ногами взобравшись на плед,
дремлет, свернувшись калачиком, кошка.
Что мы, убогие, знаем о ней —
кроме того, что действительно знаем?
Ради чего в перекрестьи огней
будто какую-то крысу терзаем
в лабораторном стерильном аду?
Что мы внутри ее корпуса ищем?
Формулу жизни? Но можно поду-
мать, что не мы обожаем кладбища!
Мать-перемать, оглянитесь вокруг,
вы — зазубрившие формулу смерти!
Други мои, хоть Платон мне и друг —
кошка дороже платонов. Не смейте
мстить ей за то, что, упав с высока,
кошка всегда приземлится на ноги;
мстить ей за то, что плюет свысока
в ваши потуги помазаться в боги;
мстить ей за то, что за тысячу верст
к вам возвращается, предана вами;
что даже вами обрубленный хвост
не поджимает угодливо! Вам ли
и без того не известно о пи-
кантной подробности: слюнки глотая,
кошка не будет сидеть на цепи —
пусть даже будет та цепь золотая!
И даже в цирке на тысячу мест
кошка на лапках не служит за плошку:
просто она притворилась, что ест —
либо она притворяется кошкой!

Формула жизни? — какая туфта...
Формула смерти? — опять?! — да идите...
Формула кошки предельно проста —
только за это вы кошке и мстите!..

Всеми ногами взобравшись на плед,
дремлет, свернувшись калачиком, и не
подозревает сей тонкий предмет —
что посвящен ей каприс Паганини,
сыгранный на водосточной трубе...

Формула кошки предельно простая:
Кошка гуляет сама по себе —
и никогда не сбивается в стаю.

К ВНУЧКИНЫМ ДЕДУШКАМ – ХОРОШИМ И РАЗНЫМ

Изредка балуя внучку —
в месяце раза два-три,
позолоти её ручку
или же посеребри.
Дело довольно простое —
так же, как есть или пить.
Деда, ну что тебе стоит
внучке конфету купить?
Стоит, конечно, чего-то
сущий такой пустячок:
пусть будет вечная квота
в месяце ей в пятачок.

Ведь возвратятся сторицей
скоро твои пятаки —
скажем, когда уже бриться
станет тебе не с руки,
стричь пожелтевшие ногти,
книжку придвинуть к глазам.

Разве об этом не мог ты,
деда, додуматься сам?
Думать, вообще-то, не поздно —
что ещё делать уму?
Ведь и на сердце морозно,
коли прохладно в дому.

Лето — оно ведь не вечно,
следом приходит зима.
Может быть, внучка, конечно,
ласковой будет сама,
как говорится, собою.
Но, хоть она и мала,
видишь — под нижней губою
грустная складка легла?
Дед, ты ей всё же получку
всю наперёд заплати:
посеребри её ручку,
лучше же — позолоти!

Не серебри её ручку —
сразу уж позолоти...

В ПРЕДДВЕРИИ АПОКАЛИПСИСА

В лесу от голода и холода погибли мать — и четверо ее детей: мальчики двух, четырех и пяти лет и шестилетняя девочка...
(из газет)

Стара примета: в январе
постерегись мороза...
Зима стояла на дворе,
а во поле — береза.

А на березе с холодца
снег индевел, не тая.
А под березой три мальца —
как Троица Святая.

Три божьих твари, три души —
там ждали эти трое,
когда из сумрачной глуши
вернутся мать с сестрою:

и будет пища и тепло,
а вслед — дорога к свету...
Да только след уж замело —
а матери все нету.

И старший брат пяти годов
желал горячей каши —
он был расплакаться готов,
но он терпел как старший.

А средний брат огня просил
(сердечко стыло в брате) —
но не было в трех братьях сил
березу заломати.

А брат меньшой уж не ревел
и все глядел на небо —
туда, где месяц плесневел
сухой горбушкой хлеба.

Да, сверху вниз на них еда
посвечивала скупо.
А ниже месяца звезда —
как звездочка из супа.

А выше много-много звезд —
бери и ешь горстями...
На Рождество прирос погост
еще пятью гостями.

Да будь ты проклята, страна,
обрекшая однажды
на муки у златого дна
от голода и жажды!

И ты будь проклята, зима,
за то — что есть и будешь!
И ты, постылая земля,
что только сердце студишь!

Всему анафема — авось
меня услышит Небо —
коль в целом мире не нашлось
для них тепла и хлеба...

МАНИФЕСТ ЗАКОРЕНЕЛОГО ХОЛОСТЯКА

Не надо жениться на старой,
пускай и богатой, вдове.
Хоть будет царицей Тамарой,
хоть будет шаманкой в Туве.
Не верьте ни богу, ни чёрту —
их много, а вы-то один.
Ведь может ваш брак по расчёту
до самых тянуться седин.
Ведь в голову только кретину
такое могло бы прийти.

Представьте, однако, картину:
однажды на вашем пути
возникнет вдруг юная леди,
но рявкнет вам «ваша» вдова:
«Развода не дам тебе, Федя!» —
и будет отчасти права.

Не надо жениться на юной,
хоть трижды красивой, жене.
Пусть даже при том будет умной,
тем паче — когда не вполне.
Не верьте ни сердцу, ни крови —
их много, а вы-то один.
Ведь может ваш брак по любови
продлиться до тех же седин.
Ведь в голову только тупице
взбредёт то на старости дней.
Прикиньте такую вещицу:
однажды полезете к ней —
жена же, усмешки не пряча,
метнёт в вас такие слова:
«Чего тебе надобно, старче?» —
и, видимо, будет права.

Не надо жениться на толстой —
не следует и на худой,
на смуглой, рябой, белокостой,
цветной, чернокожей, седой.
Не верьте ни белым, ни рыжим —
их много, да вы-то один.
Спасибо нам скажете вы же,
дожив до глубоких седин.
Ведь голову только пустую
идея женитьбы гнетёт.

Представьте картинку простую:
старик седовласый идёт,
куда себе хочет, по свету
в галошах, с зонтом и в плаще —
и истину шамкает эту:
«Не стоит жениться вообще...»

УХОДЯ – УХОДИ

Уходя — уходи,
предварительно выключив свет,
телевизор и газ,
телефон, калорифер и воду,
прожевав наперёд
с колбасою дежурный омлет
и узнав на дворе
и во всём белом свете погоду.
Ведь бывают и те,
кто плевали и ночью и днём
на соседей своих
по планете и лестничной клетке:
«после нас хоть потоп»
и «гори оно синим огнём» —
забывая о том,
что в воде возгорания редки.

Уходя — уходи,
плотно двери замкнув за спиной
и оставив ключи
от замка за дверями в прихожей,
прежде окна закрыв,

чтоб комар (или кто-то иной)
нос не смог подточить —
и летал бы с небритою рожей.
Ведь бывают и те,
кто в карманах уносят ключи,
но, вернувшись назад,
поддаются привычке порочной
своего праотца —
и соседей пугают в ночи,
забираясь в окно,
например, по трубе водосточной.

Уходя — уходи,
рассовав по карманам порток
исключительно то,
без чего не обходишься: кукиш,
проездной на такси,
сигареты и чистый платок
носовой (лучше два) —
остальное со временем купишь.
Ведь бывают и те,
кто уходят в чём мать родила,
если только не врут —
в сапогах и турецкой пропитке,
а потом по судам,
закусив до крови удила,
предъявляют счета
и права на иголки и нитки.

Уходя — уходи,
за собой заметая следы,
чтобы после по ним
невзначай не вернуться обратно.
И не жди до утра,

а тем паче не жди до среды:
будет сухо в четверг —
ты уже проверял многократно.
Ведь бывают и те,
кто, смозолив и пятки и лбы —
наступая опять
всё на те же садовые грабли,
берегут позади
про запас верстовые столбы
и иные мосты
через русла, сухие до капли.

Уходя — уходи
и не делай трагедии из
примитивной, как шар,
рядовой и т.д. бытовухи.
И язык прикуси —
и теперь и потом обойдись
без дерьмовых речей,
на которые падки лишь мухи.
Ведь бывают и те,
кто, впадая в шекспировский раж,
нагородят семь вёрст
до небес — и кидаются птицей!
Но окажется вдруг:
хоть высокий, да первый этаж
непригоден к тому,
чтоб хотя бы частично разбиться.

Уходя — уходи
насовсем, и не будешь смешон:
промедление — вот
что действительно смеху подобно
пресловутых курей,

понятых и непонятых жён
(я отдельно о них
как-нибудь напишу — и подробно).
Ведь бывают и те,
кто, замыслив давно: «не пора ль?»,
тянут кошку за хвост —
а она и не думает вякать...
Уходя — уходи,
затянувшийся месяц февраль
на ещё один день!
А под носом — весенняя слякоть.

Аксиомы от поэзии

ПОЭТОВ НЕ ГОТОВЯТ В ИНСТИТУТАХ.
И неисповедимые ведут их
пути по самым дальним закоулкам
сознания — и, стало быть, души.
Точнее, душ, по большей части мёртвых,
в экраны телеящиков упёртых,
предпочитая сей досуг прогулкам
в чуть выше упомянутой глуши.
Кому нужна изящная словесность,
бесценная буквально — точно местность
красивая снаружи, но углями
и нефтью не богатая внутри.
Изящная словесность непрактична;
хотя бы уже тем, что нетактична
с цифирью — и особенно с нулями,
из букв предпочитающими три.

ПОЭТОМ ВСЁ ЖЕ СЛЕДУЕТ РОДИТЬСЯ.
Хоть в жизни это вряд ли пригодится
в практическом и всяких прочих смыслах,
помимо заполнения пустот
в кроссвордной сетке вашего досуга.
А коль у вас отсутствует прислуга,
повесьте до поры на коромыслах
и этот смысл единственный, и тот.
И тот, который вряд ли существует.
Не здравствует поэт, не торжествует,
беспомощный, безденежный, безуглый —
последнее касается жилья.
Хотя, тут дело вовсе не в прописке.

И для иных друзей по переписке
весь шар земной (а он, известно, круглый)
так тесен, словно рынок для жулья.

ПОЭЗИЯ – ПОЧТИ ШИЗОФРЕНИЯ.

Служители её, не примени я
наречия «почти», не преминули
меня б привлечь к суду за клевету.
Что, впрочем, сути дела не меняет.
Всегда найдутся те, кто попеняет –
без разницы: в заслугу ли, в вину ли –
и эту вариацию, и ту.
Поэзия – лафа для словоблуда.
И коли есть изысканное блюдо
на свете для него, то это слоги
на первое, второе и десерт.
И дух воскрес воистину в поэте
фанатика от веры – и как дети,
в сравненьи с ним, адепты агни-йоги
и явных, и неявных прочих сект.

ПОДУМАЙТЕ, НА ЧТО ВАМ ЭТО НУЖНО.

Уж лучше бы вы кашляли натужно
и в тряпочку чихали и сморкали
в неё же любопытствующий нос.
Проходит всё, тем более простуда.
Но нет пути обратного оттуда,
куда нога вступила ли, рука ли –
в словесной неизящности понос.
Действительно, зачем вам это надо?
Не лучше ли поехать вам в Канаду,

Америку, Египет, на Майами?
Прекрасны неизвестные края!
Гоните на Гаити иль к японцам,
а ежели без рифм вам не живётся,
довольствуйтесь готовыми стихами,
здоровье и покой души храня.

Свободное течение мыслей

КОКТЕЙЛЬ

Никто не пишет? — Ругайте почту.
С деньгами туго? — Продайте почку.
Спиваться можно и в одиночку —
коль есть причины.
Причина сверху. Причина снизу.
«От Уралмаша — сто строчек ВИЗу!»
И круглосуточно — телевизор
взамен лучины.

Все так смешалось. Какая дама
не знает нынче Жанклодвандамма?
А в гастрономе — «ребро адама»
за три с полтиной.
(Само собою, конечно, тысяч.)
Кого, однако, за это высечь? —
Подскажет мудрый Борис Борисыч —
с такой же миной.

Как все же проще жилось циклопу.
Реформы кризис? — Идет он в попу!
Одно окошко глядит в Европу,
другое — в Азию.

Налево — мухи. Направо — муки.
«Безумству умных поем мы глюки!»
И — мажем на ночь в суставах руки
пчелиной мазью.

В стекляшке — водка. В жестянке — кофе.
Мы меньше знаем о Петергофе,
чем о сегодняшней катастрофе
авиарейса.
В углу — посуда, в другом — икона.
Шнур телефона есть хвост дракона —
что стиснет тело Лаокоона
стальней, чем рельса.

Каблук повыше. Каблук пониже.
Что мне за дело до мод в Париже!
Давно известно, что пассатижи —
не плоскогубцы.
(Сказать точнее — не только это.)
В «Бурде» — фасоны бронежилета.
Без них статисты кордебалета —
бледны и куцы.

Все воротилось на те же круги.
Всего три слова: «Ушла к подруге».
А там — базары под буги-вуги,
табак и пиво.
Все те же грезы — про синекуры.
(Синеют, к слову, не только куры.)
Возможно, где — и цветут сакуры,
а здесь — крапива.

На почве — иней. На небе — тучи.
С получки надо б купить онучи.

Рубаха в ванной висит как дуче —
вниз головою.
Хотя... откуда башка в рубахе? —
Ее бы дело — лежать на плахе
с последней песней (пусть об Аллахе)
хард-роковою.

Весна намедни. Амуров стрелы
над каждым третьим чинят расстрелы.
Чуть реже — пули выводят трели
из пистолета.
Да нам привычно. Мы все служили —
на страже мира, тюрьмы, межи ли.
И, худо-бедно, надысь дожили,
считай, до лета...

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Когда глухая канонада пушек
в моей земле умолкнет наконец —
из теплой гальки и морских ракушек
построю я двухкомнатный дворец,
седое море мне заменит ванну,
песок — паркет, а вместо жалких роз
составлю я на память икебану
из всех своих трехсот седых волос.

Потом играть я выучусь на альте,
красиво пить приятное вино,
забуду о бетоне и асфальте,
о радио, газетах и кино.

По шесть часов на дню с волною споря,
еще по шесть — любуясь на волну,
так доживу остаток дней у моря —
и в час урочный в море утону.

Ах, что за жизнь была бы — в самом деле!
И что за смерть была б — с ума сойти!..
Когда ж забрезжит свет в конце тоннеля —
уже не будет сил к нему идти.
Из битых рюмок и колбасных шкурок
состряпаю двухкомнатный барак:
и буду жить беспечно — как придурок,
и радоваться жизни — как дурак!

СВОБОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ МЫСЛЕЙ

Делать нечего — приходится смириться.
С тем хотя бы, что уже не повторится
ничего, включая молодость. И пицца
не еда — а для того, чтобы глотать.
И журавль всё в том же небе, и синица
неизвестно где. А курица — не птица,
как утратившая навыки летать.

Всё разумно и размеренно в природе.
То же пугало распято в огороде
не как памятник абстракции, а вроде
как для дела — чтоб отпугивать ворон.
И засим бытует мнение в народе,
что превыше зла колбасного добро-де
в виде злаков и яичных макарон.

Верно тождество: натура есть привычка.
Эта пара неразлучна, как кавычка
без другой не существует или лычка
на погоне — да и собственно погон.
Ищет пару на перроне старый хрыч, ко
всякой юбке так и льнёт. Но электричка
отъезжает, унося восьмой вагон.

Дело прошлое — я тоже был когда-то
приставучим, хоть и тема бородата.
И сегодня пусть не круглая, но дата
моему знакомству с девушкой в метро.
Вряд ли вспомнит неизвестного солдата
незнакомка, что была слегка поддата
и обкурена, и щурилась хитро.

Память всё же — удивительная дама!
Не ответит, коли спросишь у Адама,
где ребро его, — но стоимость агдама
до копейки отчеканит и во сне.
В краткий курс вместилась школьная программа:
мама выла «харе кришна, харе рама» —
а Толстой носил галоши и пенсне.

Вспоминай меня хоть редко, незнакомка,
то ли Надька, то ли Светка, то ли Томка,
вспоминай, когда похмелье или ломка
заплетает в косу мысли в голове.
Как и волос, память рвётся там, где тонко.
Но на тоненькой верёвочке иконка
помогает и солдатке, и вдове.
Вот и всё. Круг замыкается на Боге,
как Москва в пределах кольцевой дороги.
Ну, а кольца не бывают однобоки —
потому-то и похожи на ноли.

Да вот волка, как известно, кормят ноги —
коли он не травоядное, как йоги —
и следы его теряются вдали...

ХАНДРА

Лето кончилось в мае, как водится,
холода и дожди — на носу.
И печально глядит богородица,
как я жарю себе колбасу
на предмет запоздалого ужина
с безусловным желанием съесть.
И окурков недобрая дюжина
четко делится на три и шесть,

на четыре, на два — и так далее
(можно все-таки меньше курить!).
Змейки дыма осиная талия
на глазах превращается в нить
тоньше самого тонкого волоса.
И, забыв этикет речевой,
дождь кричит за окном на три голоса,
возбуждая пузырь мочевой.

Поминутно пытаюсь бессмысленно
блики лунные в доме узреть.
Лишь окурки всё множатся численно,
навевая уныние — ведь
есть желание (пусть и не твердое)
поплевать и повыть на луну,
но — бутылочка пива четвертая
клонит в сон да и вяжет слюну.

ВЫКИДЫШ

И в молчаии есть безусловная польза.
Коль принять добровольно в общении ноль за
обычную норму, покажется полза-
пятой произнесенной или же точки
с точки зрения физики адской работой,
что сравнима с поносом, запором и рвотой
натощак — и кирпич, выходящий из почки,
это просто цветочки.

Оценить до конца состоянье покоя
можно лишь надышавшись парами левкоя —
хорошо б еще знать, что же это такое
за дежурный (и столь же таинственный) запах
по сравнению с духом банальной сирени,
что является явной причиной мигрени
у неправильно спящих ногами на запад,
да к тому ж косолапых.

Заучить наизусть так непросто, однако,
алфавит из единственно твердого знака,
что с любым удареньем звучит одинако-
во твердо, как тысячетонная глыба
магматической горной известной породы
(с известковой не путать) — и тяжкие роды
неизбежны не нынче, так вскорости. Ибо —
безголоса лишь рыба.

РЕЧЬ ОБ УШЕДШЕМ ПОЕЗДЕ

Серёге Бабушкину

Позови меня в светлую даль
или тёмную — лишь бы подальше,
или просто пошли далеко
от себя, от меня, от струны.
Подари мне хотя бы медаль,
что в своей позолоченной фальши
отличается тем уж легко,
что имеет лишь две стороны.

Научи меня существовать
между серым и более серым —
ведь с изнанки любой потолок
представляет заплёванный пол.
Отучи меня просто плевать
в потолок — и к возвышенным сферам
подтяни мой нетёсаный слог
и беспомощный, в целом, глагол.

Покажи мне хотя б одного
дурака, что чужие ошибки
отказался примерить на свой —
но такой же двоякий аршин.
Впрочем, я не прошу ничего —
ну, а по три сержантских нашивки
ты другим хунвэйбинам присвой...
Твой китайский камрад Во Ми Шин.

ЭПИЛЕПСИЯ

Можно, конечно, привязывать к сексу
переход с любимой октавы на сексту.
А просто в словарном запасе скопилось точек
на каждые шесть, а не восемь строчек.
И вообще: предъявлять претензии к тексту —
всё равно, что к рефлексу почек.

Ведь любая функция организма —
в том числе словоблудия, то есть онанизма —
сама по себе исключает споры.
И тело дышит сквозь мельчайшие поры,
но — для того и придумана клизма,
что существуют запоры.

На иной же случай расстройства желудка
сгодится — и не только газетная — утка.
Но, как бы мы ни смотрели косо
на ворона-альбиноса,
навряд ли отыщется злее шутка
словесного же поноса.

Вообще же проблема жидкого стула
(стола, точнее, — чтоб его не сдуло!)
гораздо шире листа потребительского формата —
тем паче шага, оставшегося до мата.
И этот шаг легко проделала Тула
от самовара до автомата.

Такой же шаг от любви до ненависти.
Но всегда ли, расписываясь в ведомости
на известную по библейским расценкам зарплату,
отдаём мы отчёт: а какую плату

по нашей извечной бедности
возвращаем мы П.Пилату?

Глупо, Господи, как всё глупо!
Остаётся вступить в ряды фан-клуба
имени Отца и Сына и Святого духа.
Или отрезать себе пол-уха —
и пожелать свободному острову Куба
ни пера и ни пуха!

ЧЕРНОВИКИ

Исписана еще одна страница
черновика —
расставлены почти уже все точки
над «и» и «ё».
Нет журавля — но вот она, синица,
а вот рука.
Из прочего остался голос дочки
да взгляд ее.

Нелепая бессмысленная повесть
о том, о сем —
без линии сюжетной и к тому же
почти без слов.
Вульгарно-синтаксическая помесь,
что мы несем
на разных языках, походит вчуже
на речь послов.

Такая дипломатия, представьте:
сплошные «но» —

ничем-то нас, стреноженных, не сдвинешь
из шор и пут.
Мы фавориты вечные на старте,
нам не дано
все время помнить: неизбежен финиш —
сиречь, капут...

Дописана еще одна страница
черновика —
расставлены все палочки и точки
над «ё» и «и».
Нет журавля, но в кулаке синица
сидит пока.
Дал Бог, чтобы продлились годы дочки
и дни мои.

ЕКАТЕРИНБУРГ — СВЕРДЛОВСК — ЕКАТЕРИНБУРГ

1.

На драгоценные камушки падки,
Здесь погружались в породы и руды,
Чтоб на грудях коронованной Катьки
Переливались, светясь, изумруды.

Из снегового слепящего лоска,
Из векового безмолвья и хвои
Медленно рос, тяжело и неброско,
Город уральский — трудяга и воин.

2.

В семнадцатом люд на площади ринул
И переворота злейшая ломка
Послала к чертям орлов Катерины
И к Богу — монарха, ее потомка.

Насилуя, грабя, испепеляя,
Прошлись по городу, злобно крича.
Но вешал Гайда, порол Пепеляев,
Орлом клевался верховный Колчак.

Однако алых полотнищ материя
Взошла, погрузив Россию во мрак
Надолго.
Но вот мандатом доверия —
Взметнулся высоко трехцветный стяг.

И князи из грязи оделись модненько —
Малиновый лепень*, цепь — на ура.
Калека ж с лотка торгует исподники.
И бомж собирает банки с утра.

Пришел беспредел, а ему и рады:
Воруют всё — от завода до кафеля.
Крадут демократы и губернатор,
Из крови делает доллары мафия.

И спят в подъездах бездомные дети,
И нищие тянут к прохожим руки.
И воды Исети забыли сети,
Но прибывают могилы в округе.

*Лепень — пиджак (блатной жаргон)

И впору открыть новый пост милиции
Под истуканом в дурацкой фуражке*.
Явило новое время традицию:
Раскрашивать ночью задницу Яшке.

МЫСЛИ О ПАРИЖЕ

1.

Куда мне до нее — она была в Париже...
(Ранний Высоцкий)
И вот плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан!
(Высоцкий зрелый)

Раз плюнуть — прошвырнуться
Мне в Питер и в Москву,
И в Нижний (и куда еще пониже),
Но только не во сне, а наяву
Мне никогда не побывать в Париже.
Как миражей Дали —
Парижских крыш в дали
Мне с борта не разглядывать «Конкорда».
И сквозь таможню я в порту Орли
Как интурист не прошагаю гордо.
И, словно бы домой,
Когда сжимает грудь,
Не возвращусь туда, как в день вчерашний.
Но я б хотел (как все) когда-нибудь
Хоть раз да плюнуть с Эйфелевой башни!
А там, под ней — внизу,

*Истукан в дурацкой фуражке — памятник революционеру Якову Свердлову

Фонтаны и бистро,
Кафе-шантан, канканы и плюмажи,
А там давно бессмертный Писарро
Писал свои нетленные пейзажи.
Я не сравню на глаз
Монмартр и наш Арбат,
Не задохнусь фиалками Монмартра.
А знающие люди говорят:
Там круглый год вокруг — Восьмое марта.
И ночью не пройдусь
Один по Пляс Пигаль
В охотку, изменив свою походку,
И не увижу — впрочем, как Версаль —
Холеную парижскую кокотку.
И без меня с Полей
Старинное ландо
Отчалит на экскурсию в Бульвары...
И будет лишь красавца Бельмондо
Каблук точить святые тротуары.
И будут лишь красавцу Бельмондо
Каблук точить святые тротуары.

2.

Ален Делон не пьет одеколон
(Неизвестный автор)

Себе позволить не могу
Смотаться и в Москву,
Могу в Тагил, могу куда поближе.
Но точно (ни во сне, ни наяву) —
Мне ни за что не побывать в Париже,
Где в Елисейских сочных

И солнечных полях
Пасутся мирно музы и пегасы
Под небом, что в голубках-голубях
Шаров воздушных мудрого Пикассо.
А рядышком Бастилия
Вонзила в небо штиль,
Ее мы, помню, в школе проходили —
В одно смешал смешной парижский стиль
И Пляс Пигаль — и площадь Пикадилли*,
Куда выходят тех людей
Потомки погулять,
Что вдохновляли старика Родена —
Пропахшие шанелью номер пять
В престижных туалетах от Кардена.
Все чаще, чем «рено»,
Под Триумфальной, говорят,
Венчаются «тойоты» и «ниссаны»,
Но за рулем (пока еще) сидят
Наследники героев Мопассана.
Но если вдруг на пьедестал
Какой-то из колонн
Ильич взметнется лысым Аполлоном —
Тогда вельможный сир Ален Делон
Умоется тройным одеколоном.
И вот тогда уже абсент
Заменит русский квас,
И снимут новый фильм про Фантомаса:
Актер Соломин (Ватсон наш) —
Ну чем не Фантомас,
А Комиссар — Ливанов дядя Вася.

* Пикадилли — площадь в Лондоне

3.

Витает дух святой — и сына, и отца —
Над Лувром и Вандомскою колонной,
Но не найти хоть одного известного лица
Среди сплошной родни Наполеона.
Атос, Портос и Арамис, и даже Д'Артаньян —
Их днем с Мегре не сыщете — и с МУРом:
Еврей армянский может тут, Шанурх Азнавурян,
Предстать французом Шарлем Азнавуром.
У Центра Помпиду соображают в холодке
Адепты разливного «помпадура»,
Занюхивая песней на французском языке
Армянского еврея Азнавура.
На паперти собора Нотр-Дам де пари,
Как воробьев на ветке — всякой пьяни,
Хоть по одежке все они (готов держать пари)
Вполне достойны кисти Модильяни.
В Парижской галерее порасселись по полам
Поклонники Гогена и Винсента.
Тех и других примерно пополам —
Любителей лягушек и абсента.
С Потемкинскою лестницей повременив пока,
Слеталось пол-Одессы к брегу Сены —
Почтить минутой память дорогого земляка
И поделить наследство Джо Дассена.
Поэты в пойме Сены косят сено дотемна
И производят на зиму запасы:
Парижского пиита жизнь скоромна и скромна —
Но дюже здесь прожорливы пегасы.
Концерт «Авив-шоу» на салоне в Ле-Бурже —
Проходит при пожарниках и с помпой.
...Почтил его присутствием лишь правнук Бомарше,
Но — с юной обалденною секс-бомбой.

Парижская «Олимпия» почти что терпит крах,
У нас бардак — им тоже не до смеха:
«Парижского воробышка» в спектакле о Пиаф
Должна была играть Эдита Пьеха.
И где-то (очень далеко от посторонних глаз)
Живут бок о бок — и прекрасно ладят —
Буржуйка недобитая Патрисия Каас
И стойкий коммунист Марина Влади!

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

И вкусы, и запросы мои странны,
Я экзотичен, мягко говоря:
Могу одновременно грызть стаканы —
И Шиллера читать без словаря...
Владимир Высоцкий

1.

Бывает так, что все в ажуре —
В природе, мире и семье:
И светит лампа в абажуре,
И греет коврик на скамье,
И крепкий чай дымится в кружках,
И не ругается жена,
И дочь копается в игрушках —
Так, что макушка лишь видна.
Посуда только к счастью бьется,
В углу, мурлыча, дремлет кот...
И все легко — как песня льется.
И, как по маслу, жизнь идет.
С утра уходишь на работу,
Поцеловав жену и дочь,

И дома — в красную субботу.
И день как день, и ночь как ночь.
А спозаранок в воскресенье
Идем гулять в ЦПКО.
И кружат в вальсе карусели
Лишь нас — и больше никого.
Лишь нас троих влекут качели,
Взмывая к самым небесам,
И в небе — на моем плече ли
Жены привольно волосам.
Как колокольчик, дочь смеется,
И я ее не меньше рад.
И покупается, и пьется
Искристый чудо-лимонад.
Да и жена, как видно, рада —
И тоже самому тому,
Ведь как для счастья мало надо,
Коль разобраться по уму!
А поздно вечером на кухне
(Когда жена с дочуркой спят),
Горит и долго свет не тухнет —
И щеки, и глаза горят.
Стихи рождаются мгновенно:
И мысль ясна, и слог неплох.
Пишу легко и вдохновенно —
Как будто мне диктует Бог.

2.

Ну, а бывает, по неделе
Леплю бездарные стихи,
И в самый черный понедельник
Пускаюсь в тяжкие грехи:
То вдруг ругаюсь, как сапожник,
То напиваюсь, как свинья.

Зачем-то вру, что я художник
И что писатель — тоже я...
И пью с вокзальными бичами,
Потом с богемой — тоже пью,
И шляюсь черт-те где ночами —
И забываю про семью,
В долги влезая по макушку
(А пред семьей — всегда в долгу) —
Изображая побирушку,
Их искупаю, как могу...
А искупив наполовину,
Влезаю в новые грехи:
Перегрызаю пуповину
И забываю — про стихи,
Про мир, природу и погоду,
Опять и снова — про семью...
И лью на мельницу я воду —
Уже не помню и на чью...
Так пью, пока не съедет крыша,
И, на обычный свой манер,
Сидевшим вру, что я — из «бывших»,
Стоящим — что «мильционер».
И, облевав бачок в сортире,
Порой так низко я паду:
Сплю на полу в чужой квартире.
Как будто в дантовом аду
Мне снятся жуткие кошмары:
То круг, стремящийся к нулю,
То — сплю в объятьях страшной шмары.
Но вдруг — с Мадонной, и не сплю.
То в рай лечу на парашюте,
А то лечу свинячий СПИД...
Чем только черт со мной не шутит,
Покуда Бог так сладко спит!

* * *

Бывают дни, когда опустишь руки (…)
Андрей Макаревич

Бывают дни, когда опустишь руки
И все буквально валится из рук,
И все подруги на поверку — суки,
А друг не другом оказался вдруг.

Бывают дни, когда распустишь нюни
В согласии с погодой на дворе:
Такое реже в мае и июне
И чаще в декабре и январе.

Бывают дни, когда мотаешь нервы
Из-за того, что все не по уму,
Утешившись лишь тем, что ты не первый —
И не последний, судя по всему.

Бывают дни, когда остынешь к жизни
И потеряешь всякий интерес,
Особо если дождь со снегом дрызнет,
Но может статься даже, что и — без.

А будет день, когда протянешь ноги,
И в головах свечу поставит мать…
И с нежностью в заоблачном чертоге
О днях ушедших будешь вспоминать.

Числа и даты

А ВРЕМЯ ЖИЗНЬ ОТСЧИТЫВАЕТ ВСПЯТЬ

В речевках красногалстучных крысят
Пример был почитаемым, как святцы:
Нам никогда не будет шестьдесят —
А лишь четыре раза по пятнадцать.

И в подворотне средь нешкольных карт
(Где среди прочих был и запах винный)
Король гитары, наш дворовый бард,
Пел песню про семадцать с половиной.

...Растаяли в далеком далеке
Речевки, подворотни и линейка.
В непраздной и мозолистой руке
Не делятся — не множатся копейки.

А время жизнь отсчитывает вспять.
Я в подоротню прихожу с повинной...
Ведь нам давно уже не тридцать пять —
Не дважды по семнадцать с половиной.

НА ДВЕ РАЗЛИЧНЫХ ДАТЫ

Дитя бутербродов, очередей и пригородной платформы,
с младенчества экономящий гласную обращением «мать»

(и в литературе предпочитающий малые формы,
которые легче читать — и уж тем более рифмовать),
присядешь накоротке на самый краешек балюстрады,
черкнешь парой фраз — и мчишь на другой конец
сумасшедшего града не то на концерт эстрады
эстонской, не то на поминки — а может, и под венец.

А казалось бы, какой венец при образе жизни и мысли
(последнее не случайно в единственном же числе),
повиснувших полупустыми ведрами на коромысле,
как хрестоматийная девица не на христовом весле?
Но угораздило же каким-то образом (сиречь: образами)
два претолстенных романа от корки до корки прочесть,
похожих, как будто два глаза, — и ослабеть глазами:
одним на восемь диоптрий, другим диоптрий на шесть.

Ну пусть на шесть и четыре — и то, почитай, десяток
(опустим форзацы, суперобложки и титульные листы);
спаси, сохрани и помилуй нас всех от подобных взяток —
а ведь какие-такие-сякие иметь на руках висты!
Впрочем, и в картах ты смыслишь, сколько зека-Васильев
может смыслить в ямбах на пару с Петровым-зека,
в очень раннем детстве (с грехом на пару) осилив
подкидного, переводного — и иже с ними же, но дурака.

Парадоксов друг — но, увы, далеко-далёко не Гений,
сын ошибок трудных, ремесленник вёсл-коромысл!
Восемнадцать лет и полгода, как умер твой дед Евгений,
что учил в подкидного — а также видеть какой-то смысл
положительный даже в том, если вдруг погода
вознамерилась за ночь выбелить шар земной до кости...
А дочурке твоей послезавтра — ровно четыре года, —
значит, можешь их смело вычеркивать из тех десяти.

ИЗ ПРЕДНОВОГОДНЕГО ШОП-ТУРА

В «бакалее» румяные муттер и фатер
покупают для киндера сладкий сюрприз,
а совсем пожилой человеческий фактор
выбирает упрямо гречиху и рис —
налицо перманентный конфликт поколений
по вопросам меню. И вторая с хвоста
моя очередь в кассу — средь прочих явлений
ожидаю кассира, как будто Христа.

А кассир не торопится — в тесной подсобке,
среди дыма табачного сизых нулей,
из кассировых рук принимает по сотке
(нет, не граммов, а синих российских рублей)
инкассатор, в зеленом своем камуфляже
походящий на елки филейную часть.
И мы все загораем, как будто на пляже,
где и мерзлому яблоку негде упасть.

В спертом воздухе дух мандаринов и хвои —
как из детства далекого терпкий привет.
И следы соответственной времени хвори
под носами подростков. И товаровед
сочиняет заметку в стенную газету,
в накладной машинально рисуя круги.
Я ж на память пишу околесицу эту...
С Новым годом, друзья!
С новым счастьем, враги!

ВТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ

Свет неяркий. «Ещё не вечер», —
ресторанный поёт оркестр.
Одноклассников бывших встреча,
стол заказан на двадцать мест.
Беспокойное ожиданье,
десять пар напряжённых глаз —
не торопится на свиданье
наш беспечный десятый класс...

. . . . . .

Свет неярок. Все сроки вышли,
стол пустует ещё на треть.
Что-то грустные лезут мысли,
а оркестр уж закончил петь.
«Кончен бал, догорают свечи»,
все уходят — пора и нам,
и — прощаясь до новой встречи —
растекается по домам
непривычная к укоризне,
поредевшая наша рать...

Разбросало же нас по жизни,
что раз в десять лет не собрать!

НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ

Где там сушёная воблочка,
что для желудка легка?
Выгляни: в небе ни облачка —

как тут не выпить пивка!
Впрочем, не худо б и водочки
в рюмочке с потным бочком —
каб ещё хвостик селёдочки,
позолочённый лучком
с маслицем — вот объедение,
что с опьяненьем в ладу!

Жаль всё же, что день рождения
только однажды в году...

НА 40-ЛЕТИЕ ЖЕНЫ СОСЕДА ПО ПАЛАТЕ

(от его имени)

Сорок лет — не сорок бед.
Пусть не завтрак, а обед —
но ещё не скоро жизни ужин.
Годы — это ерунда.
В жизни главное — когда
ты кому-то очень-очень нужен.

Платье лучшее надень.
Поздравленья в этот день
от меня, от сына и от дочек.
Если только в сорок пять
бабы ягодки опять —
значит, ты у нас ещё цветочек!

О БЕДНОЙ ДЕВЯТКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО!

Твоя вишневая «девя-а-апка»
тра-ля-ля, ля-ля, тру-ля-ля!..
(из песни «Слов не выкинешь»)

По самым верным народным приметам:
если (по номеру месяц восьмой)
кончился август, то кончилось лето —
я ему шлю на прощанье письмо.

И (по привычке) сначала я дату
в правом-и-верхнем углу вывожу:
день — самый первый, а месяц — девятый,
год — тот как тот, потому не скажу.

Все ж-таки осень, и сердцу не сладко —
восемь заноз поселилось под ним...
Что же так радует руку? — «девятка»?
Чем же? — да пред-начертаньем одним!

Вот вам «шестерка» — сестричка-близняшка
(кверху ногами: что «9» — что «6»)!
Ну, а попробуйте взять карандаш-ка —
то-то: «шестерка» — шестерка и есть!

Только рука (без ножа и нажима)
примет разбег по бумаге-судьбе,
вектор с дороги свернет — как пружина,
и как улитка — замкнется в себе,

долго и нудно кружа по спирали,
что приведет непременно в тупик!

В детстве вас в комнате не запирали
с круглым столом посредине? — Пикни-к!

Ну, а почто неугодна «восьмерка»:
отроду тоже (как все) полоса,
в юности — «тройка», в душе же — шестерка,
ставшая лентою Мёбиуса?!

Самая страшная, в сущности, цифра —
хуже, чем тот же зацикленный «ноль»:
с гнутого цикла — слетишь с мотоцикла!
Хочешь попробовать? — Что же, изволь...

Да и на плоскости, как ни крутите —
кажется лишь, что «восьмерка» проста:
а попытайтесь, «восьмерку» замкните —
сколько там раз вы попали из ста?

«0» — он, конечно, в том смысле полегче:
он не калечен как «8» — ни вдоль,
ни поперек; да умом недалече:
всё же колечко — и в Арктике «ноль»!

Вот «единица»! — опора порядка,
в теле, при деле — при власти любой!
Чем же мне все-таки люба «девятка»?
Тем, что сама же свободна собой!

Будто пружина (что скручена туго)
центро-стремительно ход наберет,
как звездолет, что срывается с круга
и улетает в свободный полет!

Грянем же трижды-да-девятикратно
многия лета — из многих же дней!

«Доброе слово — и кошке приятно» —
думаю, будет понятно и Ей...

ЭТИМОЛОГИЯ С АРИФМЕТИКОЙ

Жалею вас, приверженцы
Фатальных дат и цифр...
Владимир Высоцкий

Может быть, год «високосный» от слова «высоко»?
Может быть, год «високосный» от слова «висок»?
Кто-то уходит опять — и уходит до срока, —
Мы говорим, будто знаем, когда этот срок.
Жаль молодых, ну а старых неужто не жалко?
Жалко здоровых — и хворых не менее жаль.
Не ошибается в год високосный гадалка,
Вместо цветастой закутавшись в черную шаль.

Может быть, год «високосный» от слова «высоко»?
Может быть, он «високосный» от слова «косить»...
Сколько осталось мне, старая, все-таки сколько? —
Очень хочу и не смею гадалку спросить:
Смертью своею умру или же — по болезни,
Скоропостижно, а может, в преклонных летах
С венами, так и не знавшими бритвенных лезвий,
И с покаяньем последним на впалых устах?

Может быть, год «високосный» от слова «высокий»?
А может быть, «високосный» от слова «висеть»?
Не признавал бухгалтерию некий Высоцкий,
Именно в год високосный закончивший петь —
И, между прочим, день в день — в сорок два с половиной,

На половине прервав недопетый куплет…
Хватит гадать, а на сдачу из лавки из винной
Лучше в киоске купить лотерейный билет.

От тиража к тиражу стал заметно добрее
И бескорыстней друг к другу живучий народ.
Что наша жизнь? Не игра, а скорей лотерея —
Вечная складчина с точностью до наоборот:
Ветер инфляции над головами гуляет,
Лишь постоянно одна из изменчивых цен —
Год високосный — все жизни на сутки продляет,
Но забирает отдельные жизни взамен.
Жребий решает слепой: кому — кнут, кому — пряник
На именуемом «жизнью» жестоком пути.

…Третьего дня у жены моей умер племянник,
Не дотянув семь недель до своих двадцати.

Служу Советскому Союзу

Я БЫЛ ВОЙСКОВЫМ ПОЧТАЛЬОНОМ

В суровом быту батальонном
немало сомнительных льгот:
я был войсковым почтальоном
полгода (а, может быть, год).
Не очень завидная доля
и доброго мало сулит —
и чёрт ты, и бог поневоле,
хотя б и на час... Замполит
ждёт свежих газет и журналов,
в ленкомнате уединясь
средь маршалов и генералов
бумажных (обычная часть!),
смотря на часы поминутно,
как, впрочем, весь личный состав,
меня матерящий попутно,
меня дожидаться устав.
Ведь ждут они писем из дому, —
такой долгожданный конверт,
где почерк — до боли знакомый.
Меня ж, письмоносца, всё нет.
Ребята, я вас понимаю!

Всё знаю, товарищ майор!
Я почту — как раз — принимаю
из тёплых ладоней её.
Мы разговорились случайно
(каких-нибудь... сорок минут),
её Маргаритой зовут...
— А дальше?..
— Служебная тайна!

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕБКЕ

Далёкая учебка. Шепетовка.
(Та самая — знакомая из книг.)
Полит- и строевая подготовка.
Наряды. Увольнения. Турник.
Среда — традиционный кросс до бани
(промчался — и парилка не нужна!).
Твоё письмо во внутреннем кармане,
что так не одобряет старшина.
По выходным — кино в солдатском клубе
(едва заснёшь — уже пора вставать).
Звезда пятиконечная на клумбе.
Казарма, двухэтажная кровать.
Повзводно — бенефис программы «Время»,
вечерняя поверка и — отбой...

Ещё так далеко мой «малый дембель»,
ещё не скоро встретимся с тобой.

ДРУЗЬЯМ ПО ШЕПЕТОВСКОЙ УЧЕБКЕ

«На три шага из строя, ну-ка, выдь-ка!
Дывысь, який орррёл, всё — нипочём!..»
Упрямый мой дружок Каширин Витька
к «хэбэ» не хочет пришивать крючок
(он из десантников, он прикомандирован).
«Одын наряд на службу!» «Есть наряд...»
«Тут нэ дэсант! Щчоб був екипирован
так, як положено ув нас! До ноября!
Всэ поняв?» «Никак нет...» «Опьять нэ ясно?!
Ешче одын наряд на службу!» «Есть...»
Со старшиной шутить небезопасно,
тем более, вот так — в бутылку лезть.
(Как говорят: «не время и не место».
«Коса на камень» — тоже говорят.)
И торг закончен сутками ареста.
И далеко ещё... до ноября!

«Одын» — не воин в поле, как известно
(десантник тоже — если он «одын»),
но с Витькою делил наряды честно
другой «орррёл» — Серёга Бородин,
и мы своим друзьям помочь бы рады,
но нам — увы! — положены крючки...
И получали мы с в о и наряды:
за ремешки и подворотнички,
за сапоги, карманы и окурки
(что в спешке бросил — и не затушил),
а третий мой дружок Шелягин Юрка —
за то, что на занятиях смешил
до слёз весь взвод (способности от бога —
с серьёзной миной массу рассмешить!),
и забывали Витька и Серёга,

что им крючки приказано пришить,
а с ними вместе Шурик Пейль смеялся —
мальчиш-крепыш, четвёртый мой дружок
(он на «гражданке» штангой занимался,
хоть ростом выше штанги на вершок),
в сравненьи с Сашкой — две «пожарных вышки»
(и вторит баритону бас густой) —
Смирнов и Моргунов, и оба — Мишки,
дружок мой пятый и дружок шестой...
Мы все полгода были вечно вместе
и поклялись: дойдёт черёд до нас —
то встретимся в Москве, на Лобном месте
в урочный месяц, день и даже час...
: : : : : : : : : : : : : : : :

Чем занят был тогда — уже не знаю,
но каждый год с той даты, в феврале,
я шесть открыток в ящик опускаю.
...Они не возвращаются ко мне.

«ПОЛЁТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ» 1978 ГОДА

Е. К.

Второй год службы.
Краткосрочный отпуск.
(За вычетом дороги — десять дней!)
И дома уже вышел в рейс автобус —
тот, на котором я приеду к н е й
сегодня вечером...
И — прежде, чем подняться

наверх, зайду в ближайший «автомат»
и позвоню, и буду притворяться:
«Так плохо слышно... Я не виноват...
Ещё не скоро... Может, соберутся,
а может, нет... Должно быть, к Ноябрю...»

«Солдатик, Вы забыли пристегнуться!
...Да-да, я Вам, товарищ, говорю...»

19 МАЯ 1979 ГОДА

Год семьдесят девятый, месяц май.
Два года позади, два долгих года...
Снимай, братишка, не ленись, снимай
на память нас с ребятами из взвода —
кто знает, доведётся ли когда
ещё нам свидеться...
— Да, кстати, как считаешь:
введут иль не введут войска т у д а?
— Ты что, земляк, газеты не читаешь?
Уже вот-вот: у них такой "завал",
а нам, считай, на полчаса работы!
— А слышал, — будто рапорт подавал
и наш "старлей" из комендантской роты?
— Не он один — вся рота целиком,
все поголовно — сорок душ без мала!
Да кто всерьёз их примет, и потом —
"комендачей" там только не хватало,
пижоны — не войска... а ну, давай,
сниму тебя на башне "самохода"?..

Год семьдесят девятый, месяц май.
Два года позади, два долгих года!
Мы увольнялись. Позже — из газет —
Узнали дома: всё-таки с л у ч и л о с ь.

Немного просчитался мой сосед,
И «полчаса», увы, не получилось...

15 февраля 1989 года

Эротомания

СЕРАЯ ЗАВИСТЬ

Вопрос продленья рода и семьи
ребром встает над мягкими местами:
бродячий пес, в количестве семи,
виляет озабоченно хвостами;
и, как Остап Мария Бендер-бей
вдову-голубку соблазняя, втиху-
ю стреляный амуром воробей
к сожительству склоняет воробьиху;
и сводным хором мартовских котов,
на время игнорирующих птицу,
сезон вокальный, раздражая вдов —
а с ними разведенку-молодицу,
открыт и в нашем стареньком дворе,
растрескавшемся первыми ручьями
на радость возбужденной детворе;
и присными Саврасова грачами
по лавкам загнездились тут и там
синюшники, опившиеся пива,
давая фору кошкам и котам —
по части текста песен и мотива
на сто рублей вперед (читай: сто грамм);
и с громким хрустом лопается кожа
вскрываемых вовнутрь оконных рам —
на что-то подзабытое похоже...

...а где-то за границею двора
аккордами двусмысленной капели
гремят оркестры; и уже ора-
ва воробьев чирикает о деле,
торгуясь, завлекая и бузя —
как на панелях птичьего же рынка;
а вот, презрев запретное «нельзя»,
на толстый лед карабкается льдинка,
про бабий свой короткий вспомня век;
и на развилке транспортного круга
косые взгляды из-под томных век
бросают легковушки друг на друга;
чуть откровенней грузовых машин
подмигиванье, а маньяк-автобус
в три пары разомлевших толстых шин
при всех нетерпеливо топчет глобус;
трамвай смущенный, фибрами звеня,
вихляет отлинявшими боками,
где... браком эпатируя меня,
флиртуют буквы в брачной же рекламе...
Короче так: куда ни кинешь нос,
попахивает мартом и фрейдизмом!
Лишь я один к листку с пером прирос,
словесным занимаясь онанизмом.

* * *

Весна со мной прощается слезами —
как если бы ушел к соседке муж.
Глядят наверх бесстыжими глазами
Окружности неправильные луж.

Глазных сосудов-трещин паутинки
Налились кровью, грубо говоря, —
Что возбуждает в памяти картинки,
Признаться, не совсем из букваря.

Занудный дождь, похоже, пахнет летом,
Питающим симпатию к воде.
Цветет земля махровым буйным цветом —
Как похоть в оружающей среде!

ВЕСЕННЯЯ ОХОТНИЧЬЯ

1.

Безродная трава
пробилась и окрепла,
вдруг стала ночь скромней —
и все наглее день,
калеки-дерева,
восставшие из пепла,
все гуще и черней
отбрасывают тень.

Ну, вот и дождались
летального исхода —
зима почила все ж
на сотый день весны,
ужо теперь держись,
распутница-погода, —
уж лето точит нож
на наждаке луны.

И, каждый, выбирай —
с какою тварью в паре
станцуешь первый вальс,
немного погодя —
когда повеса-май
сыграет на гитаре
и задрожит асфальт
под струнами дождя.

Признания весны
обманчивы и хрупки,
что многопудье льдов,
растаявших как сон.
На свет извлечены
коротенькие юбки —
открыт до холодов
Охотничий Сезон!

2.

До срока (и энного места) колен блесна
в дебюте апреля запущена шаром пробным —
должно быть, решил-таки гомеопат Весна
лечить застарелый триппер ему ж подобным.

Уже как мужик, а не мальчик дошкольных лет,
скользнув по коленным чашам с налетом воска
бухгалтерским взглядом, расчетливо цедит вслед
сквозь зубки молочные честное слово «соска».

Бетонных столбов пещеристые тела
весенней водой наливаются, будто кровью,
а прямо по ним — по-своему даже мила —
кириллица мелом: «Толян, выходи, ай лов ю!»

ВЕСЕННЯЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

Я отнюдь не герой — я простой тыловик,
интендантская крыса.
И пусть вас не смущает, что мой половик
подозрительно лысый.
Я всего лишь снимаю чужое жильё
плюс кастрюли и ложки.
Может быть, до меня тут гуляло жульё
по ковровой дорожке.

Может, был тут когда-то бандитский притон
или комната смеха.
Или цех у надомника был — и при том
цех по выделке меха.
А где мех — там, известно, заводится моль
и грызёт, что попало.
(Потравил ли кто после то войско — само ль
с голодухи пропало?)

А быть может, тут был аккуратный бордель
на одно койко-место.
Или чья-то все девять с полтиной недель
отиралась невеста.

Или хуже: тут жил сексуальный маньяк —
на манер Чикатило.
И сто первая жертва, как добрый коньяк,
кровь ему щекотила —
когда, даже насильно настроясь на грех,
поначалу молчала.
Ну, а он уж разделывал их под орех,
раздевая сначала...

Я ж живу большей частью почти что один —
с попугайчиком Прошей.
Сам прислуга себе — сам себе господин,
господин нехороший.
А о глупостях тех, что подумали вы,
думать даже не смею.
Дам убалтывать я не умею, увы,
и дружу лишь с зелененьким змеем.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Кровь стучала в висках так, что путались мысли;
в воспаленном мозгу разливался дурман.
Я смотрел на тебя в положительном смысле —
в смысле был бы не прочь положить на диван.
Только что-то меня мертвой хваткой держало
от последнего шага в пучину греха.
И, как главный свидетель, подушка лежала
на диване пустом — и нема, и глуха.

Было двадцать часов и минут тоже двадцать —
по программе второй шел опять сериал.
А греховный инстинкт и не думал сдаваться,
и в какой-то момент я контроль потерял
над собой, над тобой, над кино, над подушкой —
да и что я, в конце-то концов, ОТК?
Я был другом твоим, ты моею подружкой,
и у нас был диван — вот и вся недолга!

Я неловко тебя опрокинул на спину —
как ни странно, мне это легко удалось —

так, должно быть, рогами ломает осину,
продираясь сквозь чащу дремучую, лось.
И когда уже, вроде, над нами зависло
покрывало запретных желаний и чувств —
вдруг заметил я, что безо всякого смысла
ты глядишь на меня... Вот с тех пор и лечусь.

СЛЮНИ

О. Т.

В шампанским не стреляющей глуши,
вдали от асфальтированных улиц,
деревья толстокожие не гнулись —
хотя вовсю шумели камыши.

Зеленый стебелек сырой травы
вдевал Вам в мочку уха, как в иглу, я.
Меня не удостоив поцелуя,
по-моему, Вы были не правы.

Скафандры из березовой коры
космические рвали перегрузки —
и проникать за вырез Вашей блузки
могли себе позволить комары.

А наглая, как трактор, стрекоза,
присев на бугорок белее мела —
туда, где что-то острое алело,
свои бесстыже пялила глаза.

Коварная белела белена
и похотливо вниз тянулись ивы
в тот миг, когда с небес нетерпеливо
потоками ударила слюна…

ПОЛУТОРАТЫСЯЧЕМИНУТНАЯ СЛАБОСТЬ

Чтой-то мы всё о высокой материи,
всё о духовности брызжем слюною —
к звёздам холодным сквозь тёплые тернии
лезем. Но, каюсь, бывает со мною:
скушав на ужин отчасти, но курочку,
и растянувшись в брезентовом ложе,
хочется трахнуть какую-то дурочку —
дурочкам трахаться хочется тоже.

Хочется ближе к природе-праматери
стать хоть на миг не душою, так телом.
На раскладушке, столе, на кровати ли
самым своим непосредственным делом
просто заняться, как древние пращуры,
«статус» и «кво» возвратя себе разом.
Не оттого ли и вымерли ящеры,
что победил в них со временем разум?

К чёрту разумное, доброе, вечное! —
впрочем, туда же подмену понятий.
Ясно ж, кому она выгодна (вечно я
происки азбучных «азов» и «ятей»
вижу во всём). А в мозгу снова ахнуло:
вот бы меня на брезентовом ложе
хоть бы какая-то дурочка трахнула —
умникам трахаться хочется тоже!

ПРЕФЕРАНС ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

Когда путь домой преграждают лужи,
когда пиво теплее, чем дождь снаружи,
когда вымок до нитки и выжат до капли, —
вспоминаешь горячую ванну, баб ли.

Впрочем, не исключает одно другого:
совершеннее формы любого глагола
формы тела, когда оно голо, если
это тело бабы. Уж бог ли, бес ли
мне в ребро. Седина — разговор отдельный.
Коль на то пошло, то и крест нательный
мне надела та, кто мои седины
серебрила щедро. А середины
золотой тут нет — да и быть не может.
Отчего же меня вечерами гложут
не сомнений червы, а веры кресты?..

Вот и дом уже — дураки на месте.

ШЕСТЬ МИНУТ

«Ты плохо кончишь!» — часто говорила
ему одна знакомая горилла
(у всякого про всё своё мерило)...
Он кончил плохо — через шесть минут.
И, в темноте не различая цвета
стены, лежал, не зажигая света.
Часа четыре было до рассвета —
он молча ждал, когда они минут.

Она безмолвно в форточку курила —
она его нисколько не корила.
У уха муха наглая парила
(они в потёмках к туловищу льнут).
Ещё услышал: одиноко где-то
брела магнитофонная кассета.
И три часа осталось до рассвета —
он молча ждал, когда они минут.

И вдруг чихнул — и эхо повторило.
Она неловко пепел обронила
и форточку зачем-то затворила
рукой, повисшей сразу, будто кнут
(а может, пряник?). Не было ответа.
Шестая догорала сигарета.
Уж два часа осталось до рассвета —
а он всё ждал, когда они минут.

Она ушла на кухню, и прикрыла
дверь за собой, и чаю заварила.
В подъезде громко вскрикнули перила
(они свою всех раньше спину гнут),
и содрогнулся дом от взрыва — это
лифт заработал. Верная примета,
что полчаса осталось до рассвета —
а он всё ждал, когда они минут.

Она уже посуду перемыла
вчерашнюю. «Всё было очень мило».
И, к старту изготовившись, ярило
уже ждало, когда ему мигнут.
Стоял июль — сиречь макушка лета
(сирень стояла в вазе у буфета).
Лишь шесть минут и было до рассвета...
О, как тянулся товарняк минут!

Разговоры с близкими

НА ПАРУ С КОШКОЙ

Я позабыл, какую дребедень
ветеринар назначил нашей кошке...
Мы с нею водку пьём три раза в день
перед едой по три гранёных ложки.
И столько же ещё после еды —
выходит, что по девять после каждой.
(Не вспомню я, какой же ерунды
ветер-и-нар нам выписал однажды.)
Намедни был почти что юбилей,
мы пропили последние полцарства.
Я зашибаю тысяч сто рублей —
Сто пять из них уходит на лекарства.
Пусть даже их раскинуть пополам —
на каждый нос мы лечимся ретиво:
я потерял пятнадцать килограмм,
рюкзак и уваженье коллектива —
соседей, управдома и т.д.
Пусть им икнётся смачно, как Икару,
но не к беде — а всё-таки к биде,
что обрыгали мы вчерась на пару
с бездонной кошкой, вылакав до дна
целебную спасительную дозу...

Что до неё — не знаю, как она,
а я здоров — перехожу на прозу!

ПОД СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД, или ОДА РАБОЧЕМУ КЛАССУ

Чихнувшую мышь озабоченный кот
учует за добрую милю —
рабочие люди с утра Новый год
встречают по старому штилю —

и в воздухе тесно от винных паров,
табачного смрада и здравиц:
чихнешь — и услышишь тотчас «Будь здоров,
но больше не кашляй, мерзавец!»

Когда я в учебке служил рядовым,
имел я дурную манеру
почином встречать новый год трудовым —
в наряде на кухне, к примеру, —

подальше от ротного и старшины,
поближе к продуктам казенным —
и ровно в двенадцать, хлебнув тишины,
запить огуречным лосьоном.

С тех пор еще столько же минуло лет
и зим, соответственно, тоже —
признаться, я редко ходил на балет
с велюром в прокрустовой ложе —

и грех не отметить то, как велика
волшебная сила привычек:
я даже с начальством не пью коньяка;
огонь добываю из спичек;

и красные рыбы мне не по нутру;
а в час ожиданья трамвая
я сутками мерзну на стылом ветру,
машину в сугробе скрывая

на платной стоянке — за деньги к тому ж
не лишние в скудном бюджете
несчастной супруги — хоть я ей и муж,
но цены дороже — уж эти

мне цены, растущие день ото дня
и в праздники, и в выходные! —
когда сослуживцы и даже родня
становятся как неродные

в минуты авансов и редких зарплат,
в лихую годину похмелья —
зато я в истерике бьюсь об заклад:
когда б ни уселся на мель я —

и ныне, и присно, навеки и впредь —
без всяких к тому полномочий
от жажды духовной не даст помереть
мне класс — и отдельный рабочий!

К ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

Хочется, братцы, чего-то еще —
кроме проблемы жилья и утробы.
Хочется чувствовать чье-то плечо
рядом с собою. И хочется, чтобы

все отдавать — только толику брать.
Выспаться хочется хоть в воскресенье.
Хочется сутки хотя бы не врать —
ни для веселия, ни во спасенье.

Хочется, братцы,
как пьющему — пить,
мне обрести хоть минуту покоя.
Хочется просто кого-то любить —
чтобы узнать, что же это такое.
Хочется летом ходить босиком
не из нужды — а желания ради.
И чтоб как мамонты —
враз, косяком —
вымерли кровососущие бляди.

Хочется нежной и снежной зимы,
старый каток — и чтоб волосы в льдинках.
Хочется, братцы, чтоб виделись мы
чаще на праздниках, а не поминках.
Хочется все же, чтоб в этой войне
вас миновали случайные пули
(а вот за это — накаркайте мне
хоть на часок побывать в Ливерпуле).

Хочется многое переписать:
в школе, в семье — да и в этой вот мути.
Хочется, братцы,
как сущему — ссать,
в жизни когда-то добраться до сути!
Хочется плакать, смеяться и петь,
с книжкой любимой забывшись невольно...
Хочется, братцы, давно умереть —
только бы так, чтобы было не больно.

* * *

Как ни странно, но — хочется жить.
И забыть, что однажды отрубит
(непременно тяжёлой рукой)
кто-то будущее — и вообще.
Только поздно уже ворожить
над ромашкою: «любит — не любит»
нас седая старуха с клюкой
в беззащитного цвета плаще.

Не поэтому ль — хочется петь
и читать, и писать понемногу,
и догнать (а сначала найти)
в тёмной комнате собственный хвост.
Только, видно, уже не успеть
пробежать напоследок «не в ногу»
предпоследний отрезок пути —
не считая пути на погост.

Соответственно: хочется шить
сарафаны и платья из ситца
с меркантильною целью — продать,
чтобы нового ситца купить.
А потом уже можно решить:
лучше вешаться — или топиться.
Было б только кому порыдать
над тобою, а после попить.

В результате (не хочется быть
назидательным, пошлым, банальным,
но такое кругом «селяви» —
больше Кафка и меньше Маршак):
остаётся кого-то убить —
и в последнем словце поминальном

помянуть, что, увы, от любви
до чего-то — единственный шаг.

ПАЛАТА № 313

А может быть, согласиться — и лечь под нож,
и всё наболевшее попросту удалить?..
Арифметика проще алгебры — множь не множь,
в конечном итоге приходится всё делить:
радость — на горе, мечту — на насущный хлеб,
свободу — на долг и на много других вещей.
Но чем предпочтительней крупнопанельный склеп
прокрустова ложа профессора кислых щей?

Набраться бы сил да храбрости литра на два:
«Согласны на операцию?» — «Йес, оф кос!»
Да водка вот нынче разбавлена и едва
ли сможет на мозг воздействовать как наркоз.
И всё не ко времени, будто на грех: то год
вдруг не йесофкосный, то расположенье звёзд
не располагает, то чёрный облезлый кот
во всякую дырку суёт любопытный нос.

То сивый мерин, наживший одну лишь плешь,
нажрётся овса с дрожжами — и учит жить...
Маэстро профессор, давай, без наркоза режь!
— прошу перед этим лишь выбрить и освежить
(последний глагол не путать с «освежевать»!)
шею, бороду, подбородок, усы, виски.
Бог не выдаст — будем и дальше жить-поживать;
а свинья не съест — будем дальше жевать куски

из покуда съедобных жилок, прожилок, кож,
на мельницу жизни жёлтую воду лить...
А может быть, согласиться и лечь под нож
— и всё отболевшее к лешему удалить?

В БОЙ ИДУТ ОДНИ СТАРИКИ

Памяти Леонида Быкова

Пришла весна — так что же ты не рад?
Расправь на лбу глубокие полоски.
Гляди: уже бухарский эмират
своих котов готовит для заброски
и в наш глубокий и убогий тыл,
давно кошачьего не знавший пенья.
Весна пришла, маэстро, — уж не ты ль
ещё вчера горел от нетерпенья?!

Забудь о том, что было в феврале,
снеси в утиль февральский «чёрный ящик».
Заштопай все пробоины в крыле
расхристанном, накладывая чаще — к
стежку стежок — суровою иглой
красивый шов от первого инфаркта.
А то, что жизнь является игрой,
давно уже «де-юре» и «де-факто».

Сбей с фонаря последний хрупкий лёд,
проверь стабилизаторы и пушку.
И вот опять твой старый самолёт
вполне сойдет за новую игрушку.
Ключи на старт, какие нам лета!

Летать — не то, что ползать по болоту.
Даёшь контакт!! А ну, все от винта!!!
Но — меньше доверяй автопилоту...

ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ

Всё конечно, кроме мирозданья.
Государства, фабрики и зданья
существуют, право, не вовеки.
Что уж говорить о человеке.

Человек тем более конечен.
Но конец его нечеловечен
в случае, когда он коченеет,
хоть и прав на это не имеет,

если только не припас сначала
белое льняное покрывало
и ещё кое-какие тряпки.
Кстати — пусть не белые, но тапки.

Крытый гроб, обитый матерьялом
кумачовым, розовым и алым —
с чёрной по периметру каёмкой,
емкости умеренной — но ёмкой.

Несколько искусственных цветочков,
на помин — две дюжины платочков.
Гвозди, молоток, ремни, верёвки —
вот и весь комплект экипировки.

(Коль уж речь зашла и про поминки:
денег припасти — чтоб без заминки
сразу стол устроен был толковый
на девятый и на сороковый.)

Кроме: хорошо б венки и ленты.
Кисти, бахрому и позументы
можно исключить, но по порядку —
памятник с портретом и оградку.

Если ж это всё давно готово —
можешь поживать себе фартово,
в ус не дуя лет примерно до ста.
Если всё готово — это просто.

Век живи и не таи тревогу —
жди, когда угоден будешь Богу:
человек ведь — божее созданье,
хоть и часть, конечно, мирозданья.

ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ, ДЕЛАТЬ БЫЛО НЕЧЕГО

В полвторого ночи делать нечего,
кроме, как сидеть у телевизора
или перечитывать Фонвизина
в лицах и, само собою, вслух.
Опыт показал: прямая речь его
нервы успокаивает здорово
у иных господ крутого норова,
а ещё отпугивает мух.

Можно перечитывать любимые
самые страницы телефонного
списка абонентов — и из оного
лучшие выписывать места.
Кстати: так вот люди нелюдимые
меж собою чаще и общаются,
реже же к услугам обращаются
телевизионного моста.

Можно ещё письма с телеграммами
старые читать и перечитывать —
или же считать и пересчитывать,
перед этим рассортировав,
с цветовыми согласуясь гаммами,
по годам, по датам и по поводам —
встречам, дням рождения и проводам,
по отдельным папкам рассовав.

Не слабо проделать то же самое
с тыщей фотографий, что рассованы
где попало — и не расфасованы
по годам, по дням и по часам.
И на простыни небелом саване
из одной в другую перекладывать
стопочку да кучечку — и радовать
тем уже себя, что сделал сам.

Хорошо ещё бы и с журналами
поступить подобно, и с газетами.
И с магнитофонными кассетами,
ежели имеют место быть.
И хотя бы порциями малыми
в баночки рассыпать и коробочки
специи, приправы — и на пробочки
ярлыки и бирки не забыть.

И уже потом, по ходу в ванную,
заглянуть попутно и в кладовую,
протереть чтоб гирю двухпудовую,
обувь и одежду перебрать —
стоптанную, драную и рваную
отделив от грязного и мятого...
И, заметив, что уже полпятого,
Вымыть ноги — и ложиться спать.

СИНЬКОВУ

«Кто виноват?», а главное, «что делать?» —
извечные вопросы на Руси.
Когда мужчине стукнет тридцать девять,
то у него об этом и спроси.

Кто виноват? — конечно, папа с мамой;
за них по первой рюмочке налей.
Что делать? — тут ответ простейший самый:
встречать готовься близкий юбилей.

А сорок лет — не возраст для мужчины,
но лишь расцвет... Имеется в виду,
что целых две накапало причины,
чтоб выпить в наступающем году!

СУПЕРМЕН
(умозрительно-собирательный образ героя нашего времени и места)

Он был из тех, о коих говорят
со злостию и без: «Живут же люди!»
Он брал от жизни, в общем, всё подряд,
не дожидаясь милостей на блюде,
но милостыню тоже не просил.
Что наша жизнь — она орёл и решка!
Он просто жил и брал, что было сил,
а был вагон да плюс ещё тележка.

Он не любил пить водку задарма,
пил за свои и чаще — кофе в зёрнах.
Он вхожим был во многие дома —
не исключая, кстати, и казённых.
И знает каждый в нашем городке
то, что не пишут в сводках и газетах:
он с «иксом» был самим накоротке —
не говоря об «игреках» и «зетах».

Он в моде уважал последний писк
и дрался не всегда до первой крови.
Он повторял заученное: «Риск
есть дело благородное». И кроме
того, его машину знал патруль —
и снисходил, когда по красным датам
календаря садился он за руль
«тойоты» исключительно поддатым.

Его лица не портил грубый шрам,
а двум другим под майкой было тесно —

и вряд ли участковым докторам
об их происхождении известно.
Он был здоров, как бык, но иногда
заглядывал в закрытые больницы.
То исчезал в другие города,
куда за ним тянулись небылицы.

Он жил один и не имел родни,
чего нельзя сказать о женском поле:
случались дни, едва ушли одни —
вослед являлись новые; тем боле,
он не слыхал про Сент-Экзюпери,
и даже пёс был для него игрушкой.
Он ключ держал в незапертой двери,
а пистолет (зачем-то) под подушкой.

Он холост был — наличие рогов
при статусе ином вполне логично.
Он не имел друзей, но и врагов,
казалось, не имел аналогично.
Он наследил по всей стране — и с нек-
оторых пор стал грезить о Нью-Йорке.
Он был искрист и холоден, как снег.
Он был везуч, как дурачок на горке.

Ему везло и в картах, и в любви.
Он был своим для мусоров и зеков.
И вечным его хриплым «селяви»
исчерпывалось знание языков —
Зато читал он мысли по глазам,
а книжки заменяли ему лица.
И если б мог он плакать, то слезам
давным-давно б поверила столица.

Он был знаток хорошего вина,
при этом мог напиться бормотухи
с шальным соседом — коего вина
лишь в том, что он не сгинул от желтухи
в конце восьмидесятого в местах
не столь и от Кабула отдалённых.
Он, засыпая, не считал до ста —
а после ста считал уже в «зелёных».

Он был немногословен и упрям,
злопамятен порою, но — отходчив.
Он оставлял добычу егерям,
что до таких охотников охочи —
он бил, не целясь, куропатку влёт,
хоть и не ел зажаренного мяса.
И не бряцал шипами в гололёд
из неприкосновенного запаса.

Он не писал ни писем, ни стихов.
Джин разбавлял сырой водой из крана.
Он просыпался раньше петухов —
хоть и ложился далеко не рано,
но с детства не боялся темноты —
он экономил загодя на нервах.
Он, во-вторых, с судьбою был «на ты»,
а с ним она — «на вы» была, во-первых.

Он был горазд на шутку за столом,
не лез в карман за мелочью и словом.
А если лез — тогда уж напролом;
и можете считать, что повезло вам
не поиметь тавро от кулака —
уж лучше пасть в объятия крапивам!
Он не любил парного молока,
не брезгуя при этом тёплым пивом.

Он не читал журналов и газет,
из всех искусств предпочитая «теле».
И, отлучаясь по нужде в клозет,
не только крест носил с собой на теле.
Он не владел приёмами кун-фу
и даном каратэ и джиу-джитсу.
Он не хранил квитанции в шкафу
и золото не клал под половицу.

Он не страдал гимнастикой у-шу,
но видел дальше собственного носа.
Он не курил лет двадцать анашу,
хотя глотал обычные «колёса».
И не любил японского кино —
как, впрочем, не смотрел и остального.
Но облачался дома в кимоно
махровое с оттенками стального.

Он был один из многих, но — один.
(А впрочем, каждый есть один из многих.)
Он волком был, дожившим до седин, —
а волка, как известно, кормят ноги.
А ноги что — четыре колеса
(точнее, пять — включая и запаску).
Он не любил за стенкой голоса.
И ставил свечку Господу на пасху.

Он ведал толк в хоккее и бегах —
и хаживал на матчи и на скачки.
Он выносил простуду на ногах,
а перед сном выкуривал полпачки.
Он круглый год был лёгок на подъём
и марку не ронял зимой и летом —
и, оставаясь с женщиной вдвоём
в кабине лифта, убеждался в этом.

Он не был склонен к перемене мест
слагаемых — жилища и барака.
Он не менял прописки — и окрест
про это знала каждая собака,
издалека вилявшая хвостом
приветливо ему, как опахалом.
Он осенял обидчиков крестом —
но не двуперстным, а двадцатипалым.

Он не имел наколок на плечах,
предплечьях, икрах, бёдрах, ягодице.
Он отдыхал, как правило, в Сочах,
а уставал, как исключенье, в Рице.
Он не любил рыбалку и туризм —
и не имел ни сада и ни дачи.
И даже пресловутый культуризм
предпочитал в периметре «хитачи».

Он не менял привычек много лет,
не прибегая к крайностям и гриму.
Он брился только лезвием «джиллетт» —
при том курил дукатовскую «приму».
Он наизусть знал длинное меню
центрального в округе ресторана.
И всякий раз дарил себя ко дню
рожденья местной звёздочке экрана.

Он не играл на флейте и в лото,
не собирал открыток и гербарий
из местной флоры с фауной — зато
он разбирался в саунах и в паре.
На жёстком корте был неотразим,
когда в ударе был и на приёме.
И много лет, а ещё больше зим
грехи смывал в открытом водоёме.

Ни демоном он не был, ни святым,
как большинство, рождённых в год Дракона.
Любил смотреть на город с высоты,
но не бросал чинариков с балкона
и не плевал с шестого этажа
на эту жизнь, включая и газоны.
И пищу не распробывал с ножа,
на то имея, видимо, резоны.

Он был не то монгол, не то бурят,
не то вообще кореец — или-или.
Он был из тех, о коих говорят
почтительно, что б там ни говорили:
одни, что он не покладает рук,
другие — что повеса и бездельник.
Он лихо прожил сорок лет — и вдруг
так тихо умер в прошлый понедельник…

НА СТОЛЕ ЗАПИСКА

«Прощайте. Ухожу. С меня довольно.
Блажен, кто верит: истина — в вине.
Простите все, кому я сделал больно.
Прощаю всех, кто делал больно мне.
Прошу не много: берегите дочку…
…за сим желаю долгих лет и зим.
Ну, мне пора. Прощайте. Ставлю точку».

Поставил — и ушел…
…за водкой в магазин.

ТВОРЧЕСКИЙ ДИСПУТ

«Вышел за счастьем — вернулся седой»,* —
экий образчик изящной словесности!

Бродит такой анекдот с бородой
в нашей местами обрыганной местности:
ехали в оперу три алкаша...
...или не ехали — «розницы» нету:
коль за душою с утра ни шиша,
где ж тут на «тачку» надыбать монету?
Кушал жюльен — поперхнулся говном...
...врезался в поезд на велосипеде я.

«Вышел за водкой — вернулся с вином!» —
вот это, я понимаю, трагедия.

БЕЗЫМЯННННАЯ СТЮАРДЕССА

Хозяйку неба сонную зовут
уже не Жанна, но еще не Марта.
Четырнацать классических минут
всего-то и осталось нам до старта.

В хвосте багаж, пристегнуты ремни —
отправь и ты свой долг последний, словом,
как требует примета — помяни
меня последним непечатно новым.

* автор извиняется за возможно неточное цитирование первоисточника

Уж самолет, как раненый медведь,
ревет и не скрывает раздраженья,
за сто шагов стремясь преодолеть
свое, а также наше притяженье.

И на излете взлетной полосы
земля сдается, отпуская с миром, —
и множим мы полетные часы,
лазури неба, мазанные миром

одним, равны становимся, ведь тут
уж не до жира — и не до ранжира.
Хозяйку неба юную зовут
скучающие неба пассажиры:

— Скажите, мы по графику летим?
— Так как вас звать? Что делаете завтра?..
Ну что она ответить может им —
уже не Жанна, но пока не Марта?

За бортом время-облако плывет —
на три часа оно не в нашей власти:
Когда — теперь решает самолет —
мы жизнь свою продолжим словом «здрассьте!»

Не можется над плоскостью шутить —
тангаж, глиссада, рысканье, скольженье —
а нам желали мягко ощутить
обратное земное притяженье.

Посадочные близятся огни.
Земля нас с миром принимает снова.
Я сел — меня, коль хочешь, помяни
еще одним, но только добрым словом.

Одним штрихом за двести пять минут
черкнула жизнь — как штурманская карта.
Хозяйку неба бывшую зовут
совсем не Жанна и уже не Марта.

ДА ОБОЙДЕТ ТЕБЯ ЗАВИСТНИКОВ ХУЛА!

Перечитал Сережу Нохрина
В который раз, подумав: «На хрена
Перечитал?» И сам пишу стишата,
Не сплю ночей и мучаюсь на кой?
Ведь никогда мне не плеснуть такой
Строкою жгуче-хладной из ушата.
Эх, если б мог я — даже павши ниц —
Словцом похожим хоть пяток страниц
Прогладить, будто шлицу у халата!

Нет, я не Ницше, я совсем другой —
Я в нише изогнувшийся дугой
Червяк-слуга на ниве графоманства.
Но мертвый Бог, спустившийся с небес,
В сверхчеловеке истинно воскрес —
И это ты. Вот все мое нише цшеанство!

Да обойдет завистников хула
Тебя, не дрогнет мускулом скула
Твоя — в тобой хранимом антураже!
Ведь дух святой, отец, а также сын —
Совсем не то же, что В.Курицын
(Я отчества его не знаю даже).

Твори, мой друг, духовный брат и сват!
Бог в помощь, а коль нужно — и домкрат
С Сократом! Да не скиснут твои дрожжи.
Со дна души их черпай и пиши
Назло В.К., но с рифмой не спеши!
Хоть он мне — враг, а истина дороже.

ДАЙ НАМ БОЖЕ!

Вся жизнь борьба — замечено не мною.
Всходить, цвести и вдруг... — сюжет не нов.
Но не общаться с радостью шальною —
Попасть в букет из высохших цветов.
Быть где-то вне, не замечать улыбок,
Ползти понуро в суматохе дней
Иль биться о стекло, когда есть выход —
Удел закомплексованных людей.

Смелей! Вперед! Туда, где дышит море,
Где чару Бахус здравницей вознес,
Где точат волны гальку, с ветром споря,
И порождают в сердце сонмы грез.
С зачатья брезжит свет в конце тоннеля —
Удел земной всю жизнь к нему идти.
Но дай нам, Боже правый, в самом деле,
С ума от разных блажей не сойти!

НОВЕЙШАЯ ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ, или Хронический бред духовнобольного, шутя опрокидывающего все и всем известные каноны мироздания

Чьи там виднеются вдали в разводах плавки? —
печальной памяти Дали, Л.И. и Кафки
(эпиграф)

Часть I: ПРОЛОГ, или Введение в Тему (АНАМНЕЗ)

Звездное небо похоже на черное знамя,
изрешеченное пулями в тысяче мест —
и, как в замочные скважины, смотрят за нами
в э т и пробоины ангелы наши с небес...

Звездное небо похоже на штатовский флаг —
если б в нем не было красных и белых полосок;
кто-то в нем, может, увидит огромный дуршлаг,
кто-то узреет на нем огоньки папиросок...

Часть II: МОНОЛОГ, или Основная Часть (ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ)

...а если представить весь мир
строением — многоэтажным,
наличие личных квартир
представится менее важным,
коль ясно узреешь уже,
как мы — суетливы и тленны —
живем... на седьмом этаже...
семисот-этажной Все-Ленной.
И вот представляется мне,
что черное (звездное) небо:

— бескрайняя пашня извне —
с проросшими зернами хлеба;
— бездонная-якобы-твердь
вся в порах, как ломтики сыра, —
и кто-то наш воздух (как нефть)
качает в озонные дыры;
— безбрежная льда пелена,
где каждая звездочка — лунка,
а крупная лунка (луна) —
та прямо над нами.
Как струнка,
опущена в прорубь луны
почти незаметная леска —
и даже крючки не видны
[пока не присмотришься (резко),
слоном заслонившись от фар
дневного слепящего света] —
и кажется мне, что Икар
по глупости клюнул на э т о.

Тогда получается так:
что птицы — не птицы, а рыбы;
а красное солнце — червяк,
за что-то добившийся дыбы;
и яркой блесной в вышине
зияет червивая рана...

А мы — обитаем на дне
воздушного, но океана —
вдали от непрошеных глаз,
подводных течений (суть ветров),
но — воздуха давят на нас
мильёны кубических метров,
и верхних миров этажи

(со всею своей обстановкой).
И тесно на дне для души,
поскольку и телу неловко.
И мы устремляемся вглубь —
к чуть ниже живущим соседям:
как сук под собой лесоруб,
пол собственный рубим — мы сеем
хлеба, значит, в и х потолок;
и проруби-скважины бурим —
чем лишь провоцируем смог
и ихних астрологов дурим.

Тогда получается так:
их рыбы — по-нашему птицы;
их солнце — обычный червяк
(а звезды и вовсе мокрицы).
А может — все наоборот?
Их птицы — по-нашему рыбы,
водицы набравшие в рот...

...а что еще сделали вы бы?
Отвечу: в рот взяли бы шланг
от емкости с воздухом чистым —
мы э т о зовем «акваланг»,
а в а с будем — «аквалангистом».
Но стоит лишь вам на этаж
спуститься в какой-нибудь «грелке» —
вы будете т а м «экипаж
низэнько-летящей тарелки».
А некий придонный т р е п а н г
(они это делать умельцы):
«скафандр» — обзовет «акваланг»,
а вас обругает: «пришельцы».
Покуда же н а ш и зело

у ф о л о г и рвут свои глотки,
я понял, что все «ЭнЭлО» —
глубоко-подводные лодки
с восьмого, считай, этажа
(от нашего если, седьмого);
а не говорят ни шиша —
так вспомните Немо-немого!

Тогда получается так:
возьмите хоть шире, хоть уже,
наш многоэтажный барак —
б а р д а к, если даже не хуже;
наш что-то-скребущий сарай
нам спутал все карты и визы:
и а д получается р а й —
для тех, кто корячится снизу;
а р а й — получается а д
для тех, кто кожылится сверху;
и черт нам — и брат и не брат,
как стерлядь — племянница стерху.

Приехали: браво, ура! —
Свобода, Уравенство, Братство!
Жизнь наша, конечно, игра —
но не до такого же б...ства!

Тогда получается так:
осужден на вечные муки,
а — сунул таможне пятак —
и кушаешь райские звуки
(иль слушаешь райские кущи —
что даже значительно пуще)!
А может быть, наоборот:
допущен до райского сада,

а — кто-то придрался — и вот
ты в сауне смежного ада
(иль в садике снежного ада?
иль в заднике нежного зада?
иль сзади кромешного зада?
иль спереди — тоже не надо)!

А самое страшное в том,
что в семисот-ярусной ложе
бал правит о д и н управдом
(и по совместительству — тоже).
И вы не хулите меня,
что в мною задумчивой вещи
такая вот вышла х..ня —
а может быть, даже и хлеще.
Не знаю: попутал ли бес —
господь ли меня надоумил,
отгрохал семь-верст-до-небес —
а сам чуть со стра-ху не умер!..
Опять же: ч т о есть небеса —
при данной конструкции мира?
А тундра, пустыни, леса?
Прихожая? кухни? сортиры?..
Бог с вами, удобства и душ!
Черт с ними — с полями-лесами!
(про пере-селение душ —
по зданью — домыслите сами).

Ведь прочен и точен мой м и р —
и нынче мне ясно, как небо,
когда при обмене квартир
«последний» и «первый» — не трэба;
и это — не просто каприз
(что нам так знакомо-совково):

ведь Коль либо вверх, либо вниз —
то «Выбора» нет никакого;
тогда уже — Верный Конец,
примотанный к кранцу причала...
Ну, будет, довольно, п...ец —
пора возвращаться в Начало!

Начало... О чем это я?
Ах, да — о строении мира!
(больные — вторая семья,
больница — вторая квартира)...
Представим опять же себе-с:
что звезды — могильные свищи;
а небо безмерно — как бес-
конечно-большое кладбище
при братской могиле-луне —
всё чинно, размеренно, мило...
Ну, вот и совпало вдвойне —
и снизу и сверху могила;
над ними листвой шелестят
дерев неостриженных кроны —
и с радости этой галдят
в тех кронах сороки-вороны;
и редкостны средь воронья
стрижи, жа-воронки и галки...

...Когда ж это стану и я
Объектом Подлунной Рыбалки?!.

Стервониада

ЗАГАДКА

Элементарна, как проем оконный,
упрямого упрямей из ослов,
и даст ей фору по набору слов
автоответчик в трубке телефонной;

безвкусна, как в продмаге колбаса,
бессмысленна, как от нее отрыжка,
вертлява, как крыловская мартышка,
беспечна, как его же стрекоза;

нелепа, как старуха на панели,
типична, как крупнопанельный дом,
не знает цели — но при всем при том
потребности ей служат вместо цели;

являя симбиоз престранной пары,
соседствуют, как струны у гитары:
замашки фаворитки короля —
с манерами приемщицы белья
и грузчика в отделе стеклотары;
претензий и амбиций на доллары —
понятна и проста, как три рубля;

абсурднее слона в посудной лавке
и пятого в телеге колеса,

и пятой же конечности у пса —
пардон, собаки — что с упорством шавки
кнутом считает пряник — и скорей
с покорством принимает кнут как пряник!..

Одно неясно: как т а к и е дряни
рожают нам прекрасных дочерей?!..

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ

Если б я был злою кошкой,
то завел бы себе мышку —
и гонял ее вприпрыжку
я с утра и до утра.
Если б я был злой собакой,
то завел бы себе кошку —
и гонял бы понемножку,
но совсем без выходных.

Если б я был злым мужчиной,
я б завел себе собаку —
и гонял бы по бараку
от угла и до угла.
Если б я был злою бабой,
я б завел себе мужчину —
и всегда б нашел причину,
чтоб доканывать его.

Если б я был доброй мышкой,
я себе завел бы бабу —
я плевать хотел на табу,

дарвинизм и пацифизм.
И позвал себе в подмогу
я б и кошку, и собаку,
и мужчину — и в атаку
мы пошли бы вчетвером.

Вот бы бабе обломилось:
и за мышкины страданья,
и за кошкины метанья,
и за всю собачью жизнь
и собаки, и мужчины —
их терпение не вечно.
Жалко бабу нам, конечно, —
а не будет доставать!

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

…а у вас вся спина белая!
(шутка)

Плюс сто в тени. Апреля первый день.
Какая скука, бог ты мой, какая
смертельная тоска легла, как тень.
И память, настроенью потакая,
из недр глубинных мечет на-гора
листки календаря — с него убудет!..
Была пора! Действительно «пора»
и именно «была» — и уж не будет
когда-то снова (кроме, как во сне):

а) озорного солнечного утра
лет двадцати пяти тому — что с не-

порочной чистотой (как «кама сутра»)
и многовариантностию (как
все та же удивительная книга)
на миг нас превращало в экс-макак,
которые — презрев границы мига
бессовестно, кривляясь и резвясь,
каникулы продля еще на сутки —
обманных слов выписывали вязь
мелком на спинах; и в дежурной шутке —
что, как пароль, звучала тут и там
из уст, должно быть, каждого второго —
был спрятан ключик к избранным местам
произведений Ильфа и Петрова;

б) может, полдня — может, просто дня
(что доходил порою до недели),
и каждый встречный — будто бы родня,
а каждый третий и на самом деле —
в казенном общеспитовском дому,
похожем на греха бурлящий кратер;
и поддавали брюху и уму
капустники в общаге «альма-матер»
(свекольники, морковники и др. —
с портвейниками вечными на пару) —
где по спине, исписанной до дыр,
читались ноты песен под гитару
с такою же округлою дырой —
и, ноты те выкрикивая бодро,
не местного ли времени герой
ласкал ее и проч. крутые бедра;

в) вечера, когда мы (как дурак с
такой же дурой, проглотившей ложку)
двенадцать лет тому приперлись в ЗАГС —

и шесть из них прожили понарошку
от первого звонка и до звонка
последнего — как будто срок на зоне,
как вахту в поле, смену у станка,
наряд на кухню в дальнем гарнизоне,
как день, как час, как полчаса, как миг,
как ноль сплошного смеха и обмана —
и в самой фантастической из книг
у самого крутого книгомана
ни слова подходящего про то,
ни фразы, ни ремарки и ни ссылки —
как выцветшее белое пальто
засеребрило волос на затылке…

Я написать и сам бы мог с Утра —
да на исходе День и даже Вечер,
на входе Ночь — действительно, пора
ложиться спать. А там приснится мне чер-
новик письма — а в нем такой «зер гут»:
как клином клин — так ложью ложь поправ, ду-
рачки из тех, что ежедневно лгут,
весь день сегодня изрыгали правду!

ПРО СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Когда-нибудь в разгаре лета
с тобой мы встретимся у плёса:
ты в топ от «Зайцева» одета,
а я — в трусы от «Хуго Босса».

Ну, а когда наступит осень,
столкнемся мы в центральном сквере:

ты в сапогах за баксов восемь,
а я — за сто, по крайней мере.

А может статься, что зимою
у друга встретимся на даче:
ты будешь с тяжкою сумою,
а я — с барсеткой от «Версаче».

А может быть, что и весною
на даче встретимся мы тоже:
ты просто с сумкой поясною,
я — с портмоне из тонкой кожи.

В любое время года где-то
мы вновь увидимся как будто:
ты будешь кое-как одета
и будешь кое-как обута —

а я в шикарной паре буду
из дорогого матерьяла.
И вот тогда поймешь, зануда,
кого ты, дура, потеряла!

* * *

Нам давно надо было расстаться.
Не скорблю, ни о чём не скорблю —
я тебя уже т а к не люблю
и уже не могу притворяться.
Вновь сегодня — чужая — приснишься
(интересно — а я тебе снюсь?).

Одного я, признаться, боюсь —
вдруг опять ты ко мне возвратишься...

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

1.

Я был бы рад, каб это были слухи,
нелепый фарс, необъяснимый сон...
Скажи, зачем ты женишься на шлюхе —
какой тебе от оного резон?
С чего бы вдруг манеры автоклава —
стирать в груди несвежее бельё?
На что тебе сомнительная слава,
воспетая не знавшими её?

К чему ломать комедию ошибок,
смешить людей с заглавной буквы «Б»?
Откуда ген аквариумных рыбок —
приклеивать аквариум к губе?
Разуй глаза, пойми, что только снится
тебе удел счастливый. Сгинут сны.
А жить не с тем, что ниже поясницы,
тем более — с противной стороны.

Не жги мосты, последний зуб в гребёнке
не обломи, бравируя мечом.
Не жаль себя, подумай о ребёнке —
ребёнок тут уж вовсе ни при чём!
И что за блажь упрямая, ей-богу,
неужто мир настолько поредел?
Мы все с ума сходили понемногу —
но даже сдвиг имеет свой предел!

2.

Продай свой дом — и откупись от свахи,
подай остаток к ужину врагам:
чтобы не жить в извечном липком страхе,
прислушиваясь к собственным шагам;
чтоб попусту не вздрагивать ночами
и к трубке безголосой ухом льнуть;
чтоб не трезвонить в скважине ключами —
боясь в неё случайно заглянуть;

чтобы не слыть последним идиотом
среди блядей со всех известных букв;
чтобы потом не обливаться потом
в ответ на каждый запоздалый звук в
твоём парадном — или не парадном;
чтобы не стать прижизненным и.о.;
и не «бродить» чтоб соком виноградным
в пустом желудке дома своего.

Чтоб локти не кусать на склоне лета
с изяществом гимнаста шапито,
с надрывом восклицая: «Думал это —
а оказалось, видите ли, то!..»

3.

Я б не сказал и сотой доли, кабы
себя не взял ты крепко за рога.
А вспоминаю я: какие бабы
вкруг твоего порхали пирога,
да что там бабы — бабочки, крылатки,
коровки-божьи-твари, мотыльки!

ну взять хоть эту: губки-шоколадки,
шелка-реснички, глазки-угольки...

Большой дурак, несчастное созданье,
сдавайся — и ударим по рукам!
кому служить примером в назиданье? —
ну разве что безмозглым дуракам.
Ужель не вспомнишь: не журавль — синица
не норовит от рук отбиться в высь?
А вот ещё в народе говорится:
семь раз отмерь — и восемь не женись!

Сходи к врачам в районную больницу:
спроси у них — в своём ли ты уме?
Уж коль из рук ты выпустил синицу,
задуй свечу — и посиди во тьме,
пока летят назойливые мухи,
летят и липнут... я прошу: постой!
Сынок, зачем ты женишься на шлюхе? —
пожалуйста, останься холостой...

ХОТЕЛОСЬ БЫ...

Самым древним обрядом
Предусмотрены двое,
А под ними — перины горящие.
Но хотелось, чтоб рядом
Было что-то живое,
А не просто — п... говорящая.

ПИСЬМА К ЗНАКОМОЙ НЕЗНАКОМКЕ, или Комедия положений о четырех страницах и 27-ми частях мелконарезанного, предварительно разбитого сердца

I

Помнишь, Оля, ту позднюю осень? —
Пал последний, замешкавшись, лист...
Я не трахался месяцев восемь —
я тогда был большой пацифист;
я ещё отходил от развода —
ты как раз отходила ко сну.
И, как скорую помощь ОСВОДа,
ты поймала меня на блесну —
за серёжек блесну и монисто
односпальную предал кровать
и убил я в себе пацифиста.
Но — не сразу (не дай мне соврать).

II

Помнишь, Оля, ту первую ночку?
Было градусов сорок в тени.
До утра мы не ставили точку
над весьма затянувшимся «и»,
а взахлёб говорили о прошлом:
о твоём — а потом о моём.
И совсем не казался нам пошлым
бадминтон нашим грязным бельём
(в жизни той, ещё прошлой) помятым.
Я ж пленён был твоею игрой —

у тебя я был всё-таки пятым!
(У других я был вечно-второй.)

III

Оля, Оля, наивная Оля! —
да и я, престарелый дурак,
что я думал, о прошлом глаголя? —
Сам себе я, конечно, не враг,
но — платить надо чистой монетой
за святую твою прямоту.
И весь сор, накопившийся в этой
нашей жизни, не брать за черту —
за которую (мне показалось)
мы шагнём уже прямо с утра.
А в окошко луна улыбалась —
и над ней хохотали ветра.

IV

Помнишь, Оля, как ты говорила
о своём постоянстве в любви? —
и, хотя никого не любила
из своих четырёх визави,
но нужду отправляла достойно —
так сказать, выше всяких констант.
Чуть труднее давался простой — но
выходила на новый свой старт
ты спустя очень долгое время
(что-то, кажется, месяца два).
И с восторгом речам твоим внемля,
не терял я сознанье едва.

V

Помнишь, Оля, как я тебя слушал? —
даже волю рукам не давал!
Ты лапшу мне варила — я кушал,
я глотал её и не жевал —
я стеснялся нечаянным действом
образ твой оскорбить неземной.
Я был собственным мучим плебейством —
ведь случались порою со мной
перерывы гораздо короче
(если честно, то в несколько дней).
Было где-то полпятого ночи,
были звёзды — я был их бледней.

VI

Оля, Оленька, строгая Ольга! —
вот тогда я тебя полюбил.
Пусть ещё платонически только —
как травиночку любит дебил,
размышляя: за что мне такое
вышло счастье на старости лет?
Лишь вчера — ни минутки покоя,
а сегодня — плацкартный билет!
Нет, не может быть, я не достоин! —
дух мой молвил и где-то летал.
Воздух спёртый, на счастье настоян,
нам с ним ноздри смешно щекотал.

VII

Помнишь, Оля, как ЭТО случилось? —
эта точка в преддверии дня.
Пусть «и» кратким у нас получилось —
но у нас, у тебя и меня! —
одновременно, слаженно, слитно —
будто дембельский мощный аккорд!
И наутро по лбу было видно
то, как счастлив я этим и горд —
и тому были чувства причиной.
А спустя — ну, каких-то три дня —
ты… с шестым своим тёрлась мужчиной
и — почти на глазах у меня.

VIII

Помнишь, Оля, неужто забыла? —
ну тогда я напомню, изволь:
было поздно — и холодно было
с духом нам, очевидно, без Оль
наших, целых три дня и две ночи
в чуждом доме. (Сказать я забыл,
что мы жили не дома — короче,
я тогда у знакомого жил
на одной развесёленькой хате.)
И — две ночи спустя и три дня
(солнце было уже на закате)
ты пришла, чтоб обидеть меня.

IX

Оля, Оля, желанная Оля,
ты пришла! — Но пришла не одна,
а с попутчиком. (Кажется, Коля
его звали — а впрочем, рожна
мне какого в том имени, если
было трое вас вместе с подруж-
кой твоею.) И Элвиса Пресли
мы включили. И несколько груш
было, помню. И вечер был длинным
изо всех вечеров до сих пор.
Разговор был невинным, но винным
и туманным — хоть вешай топор.

X

Помнишь, Оля, как что-то мы пили? —
знаю только, что точно не чай.
Мы из дыма беседу лепили.
Я боялся себя невзначай
выдать словом ли, жестом ли, взглядом —
мне казалось, не время ещё.
Ты ж сидела с попутчиком рядом —
задевая плечом о плечо —
и о чём-то (как будто) шепталась,
подвивая на лбу завиток.
И луна поминутно сморкалась
в неба звёздного рваный платок.

XI

Помнишь, Оля, как кончилась водка,
что попутчик с собою принёс?
И забитая доверху лодка
села брюхом на илистый плёс.
Было пять нас — и пятый был лишний,
и ему было прыгать за борт.
(Как я счастлив был, Боже всевышний,
что не я это, как я был горд! —
как баран, что идёт на закланье
обречённых овец во главе.)
Ты не лишний тут! — как заклинанье
кровь стучала в моей голове.

XII

Оля, Оля, коварная Оля! —
Ты отнюдь не явилась ко мне.
А я ждал тебя в нашей юдоли
односпальной, прижавшись к стене,
за которой — в то самое время —
ты продолжила личный свой счёт.
И казалось, горячее семя
в ванне струйкой из крана течёт —
куда ты, как ко всенощной тризне,
подмывать прошмыгнула свой блуд.
И лет десять мне стоили жизни
эти несколько с чем-то минут…

XIII

Помнишь, Оля, то хмурое утро? —
Чай в стаканах нетронутым стыл;
остывала твоя «кама сутра»,
след попутчика тоже простыл.
И в разбитой потрепанной лодке
было четверо нас. Но — увы,
не хватало бочоночка водки
на помин моей чёрной вдовы —
моей скорбной любви и печали —
той, что в муках в ночи умерла.
И разбитые струны молчали
в её чреве, истлевшем дотла.

XIV

Помнишь, Оля, что было с тобою
в это утро? — Мочалка волос,
и над вспухшею верхней губою
рдел малиново спелый засос.
И как ты, улыбаясь бесстыже
и смущённо — в едином лице,
опускалась всё ниже и ниже
(как верхом на ночном жеребце?)
и невинную строила мину
той овечкой ещё из-под век.
И на листьев сухую перину
падал первый искусственный снег.

XV

Эх ты, Оля, блудливая Оля!
Ну чего не хватало тебе?
Перца, уксуса — может быть, соли?
ЧТО подвигло тебя к молотьбе
неурочной в столь сжатые сроки —
перекур сократив до нуля:
может, предков далёких пороки?
может, долг твой в четыре рубля?
Или пала ты жертвой насилья? —
надо ж было кричать «караул»!..
Не краснела луна без усилья —
в небе вновь — ни единой из скул.

XVI

Помнишь, Оля, что было за этим? —
Совершенно неверно: зима.
У тебя я был пятым, но третьим —
у таких же, сходивших с ума
(как и я) по различным причинам.
И мы пили с утра до утра.
А что нужно нетрезвым мужчинам —
кроме бабы и водки ведра?
И я трахал подруг твоих, в раже
потеряв чувство меры — и стыд.
Может быть, ты обиделась даже? —
Бог с тобой, а меня он простит.

XVII

Помнишь, Оля, мои сдали нервы,
кафель в ванной блестел голубой?
Это был наш (известно) не первый,
но — довольно решительный бой!
Смутно слышу туманные веды
на твоих воспалённых устах:
про какие-то кислые среды —
где-то там, в интересных местах;
что теперь я уж точно последний —
вожделенный, желанный, седьмой!
Но... раздался звонок из передней —
и тебя проводили домой.

XVIII

Оля, Оля, беспечная Оля! —
Не скажи, что не ведала ты:
даже заяц, хлебнув алкоголя,
разрывает медвежии рты.
Ты ж отделалась лёгким испугом,
плюс синяк — минус выбитый зуб.
А ведь мог бы я стать тебе другом —
и варил бы по праздникам суп;
и все деньги (зарплата, халтура)
отдавал бы сполна, не тая.
Ах, какая ты всё ж-таки дура!
Впрочем, ладно — о чём это я?

XIX

Помнишь, Оля, дальнейшее помнишь?
Помогу тебе, мне ль привыкать:
Ты, быть может, свой план где-то гонишь;
я — опять продолжаю лакать
в этих случаях верное зелье
от сердечно-сосудистых мук.
Целый месяц сплошного веселья,
тридцать суток одно к одному — к
даме пик и нечаянной встрече
возле кучи всё тех же одежд.
И опять — покаянные речи
и карманы грядущих надежд.

XX

Помнишь, Оля, те дни золотые
и припухшие ночи без сна? —
Мы, друг в друга как будто влитые,
стали неким комбайном. Весна
между тем овладела умами,
потеснив каратэ и у-шу.
Месяц целый — теперь уже маме —
ты готовила чудо-лапшу:
из своих заболевших подружек,
из девишников — ночь напролёт.
И мы пили и пили из кружек
сладковатый и липовый мёд.

XXI

Оля, Оля, хитрющая Оля! —
как ты всё же была горяча,
но — не знала того, что в футболе
называют игрой без мяча
некий с виду процесс посторонний,
от судей проходящий вдали.
И однажды, игрушка ироний
всех судеб нашей грешной земли,
я — тебя вдруг увидел... И обмер.
И откланяться не было сил.
Извини, что порядковый номер
я ЕГО у тебя не спросил.

XXII

Помнишь, Оля, солёные сопли
и тягучие слёзы рекой?
Я попал тебе по лбу ли — в лоб ли,
между прочим, твоей же рукой,
что опять ты ко мне протянула
как рыбацкую цепкую сеть.
Как хотел я, чтоб ты утонула! —
ты как плеть продолжала висеть
на плече моём мягком и слабом
до коварных девических слёз.
Что от нас надо всё-таки бабам? —
вот в чём, Гамлет, вопросов вопрос.

XXIII

Помнишь, Оля, простил я и это? —
даром, в общем-то, не возражай.
И промчалось короткое лето —
вновь пора собирать урожай.
И в твой день (или вечер?) рожденья
я с огромным букетом из роз
мчу на крыльях и — о, наважденье! —
разбиваю фактически нос
о какого-то странного гостя,
восседавшего в красном углу.
(Познакомьтесь, прошу — это Костя.)
Я чуть было не сел на иглу!

XXIV

Оля, Оля, забавная Оля! —
злая сучка на длинном ремне.
Как ты думала — можно доколе
свои опыты ставить на мне
на предмет растяжимости нервов?!
(О предметах других умолчим.)
Впрочем, полноте — полно примеров!
Я, наверное, неизлечим
от довольно смешного недуга:
избирать себе странных подруг.
Что ж до зуба второго, подруга,
это дело души — но не рук.

XXV

Помнишь, Оля, ту позднюю осень? —
но уж год (или вечность?) спустя.
(В крайнем случае, можно за восемь
его смело считать.) И, хрустя
под ногами, опавшие кроны —
будто бывшие зубы твои —
навевали тоску. И вороны,
подражая старшинам ГАИ,
с важным видом ходили по палым
этим листьям — туда и сюда.
Нам и дел-то осталось за малым:
разойтись — и уже навсегда.

XXVI

Славь же, Оля, финальную точку
над петлёй затянувшимся «ё»!
А представь, мы родили бы дочку —
что тогда ожидало б её
в этой жизни, такой бестолковой,
несуразной, нелепой, дурной?!
И луна — несчастливой подковой —
обходила б её стороной
за четыре, примерно, квартала
(что возьмёшь с неё — это ж луна).
Только этого нам не хватало! —
остального хватило сполна.

XXVII

Оля, Оля, забвенная Оля! —
с кем ты нынче, нерадость моя?
Богу богово — вольному воля;
третьим — лишку, седьмому — семья.
Я семьёй своей очень доволен
(я женился в начале весны).
Лишь когда я физически болен,
снятся мне окаянные сны:
вновь в своей односпальной кровати
ты лежишь, завиток теребя...
Бог с тобою, убогая! Кстати —
он по счёту какой у тебя?

Час крысы

БЕСПРЕДЕЛ

Юре Шевчуку

Не выходи на проезжую часть,
ведь гололед и понятно ежу,
что под колеса ты можешь попасть,
если я даже и заторможу.

Не выходи также на тротуар —
там тоже правит железная власть:
жизнь, как и смерть, нынче просто товар,
может в тебя моя пуля попасть.

Не выходи и во внутренний двор —
в мире темнеет в без четверти пять:
тот, кто покуда не пойман — но вор,
может квартиру твою обобрать.

Не выходи даже просто в подъезд —
ни наяву, ни хотя бы во сне:
там мой ротвейлер — и он тебя съест,
и не подавится даже пенсне…

Лучше ты дома сиди, как пенёк,
тихо и мирно — до тех самых пор,
как подоспеют на твой огонёк
пуля, ротвейлер, авто или вор.

* * *

Вьюга белая в банный день
снежной пеной деревья мылит...
Посуровее нитку вдень
в ту иглу, что прошла навылет,
не задев ни ребра, ни жил,
ни аорты, ни сухожилий —
вот и ты, наконец, дожил,
до чего мы давно дожили!

А теперь два конца узлом
этой нити стяни потуже.
Ведь случается: зло со злом —
ты из них выбираешь хуже.
Так уж лучше соединить
их в единое — пусть большое.
Да проверь напоследок нить —
на разрыв проверь хорошо. И
лишь тогда приступай к шитью
пустяковой довольно раны...
Обучаться житью-бытью
никогда не бывает рано.
Вон же очередь в пять колец —
атакует «травмпункт» орава.
Что за знак на дворе? Стрелец? —
Так чему ж удивляться, право!

ИНСПЕКТОР ГАИ

60-летию Госавтоинспекции и очередному лишению прав посвящается эта песенка

Когда на газонах чернеет трава и
эфир накрывает волна Би-Би-Си,
идут на заслуженный отдых трамваи,
выходят на поиск добычи такси,
отходят ко сну не в одном зоосаде
рогатый олень и верблюд-дромедар, —
инспектор ГАИ притаился в засаде,
за деревом спрятав казённый радар.

Он выбрал профессию с самого детства,
не лез ни в спецшколы, ни в модный лицей.
И нынче его специальные средства
сполна окупают заветную цель.
В ладошке надежно десятка зажата —
он утром обрадует ею жену.
Он к Новому году получит сержанта
старшого — а, может быть, и старшину.

Припев:
Инспектор ГАИ, инспектор ГАИ,
до фени ему оправданья твои,
поскольку он власть — и ему трын-трава
свободы твои и твои же права!

Он в детстве читал интересную книжку
про медного всадника без головы,
украдкой щипал неродного братишку,
а к старшим всегда обращался на «вы».
Он «типы взысканий» зубрил по бумажке
и спал головою всегда на восток.

Он в серой почти что родился рубашке —
А соска ему заменяла свисток.

Не ждал от природы подачек на блюде,
соломки стелил перед тем, как упасть.
Он целенаправленно выбился в люди,
какие имеют конкретную власть.
Он пишет конспекты моралей из басен,
меняет перчатки порой — но не жён.
Он вооружён — и довольно опасен,
хотя не полезет с «тузом» на рожон.

Носитель прекрасной физической формы,
примерный отец и значкист ГТО —
ему не страшны ни цунами, ни штормы,
ни что-нибудь даже страшнее того,
когда он, к виску прижимая локатор,
сидит на посту, притулившись к кусту —
как собаковод Карацюпа с плаката
хрущёвских времен прижимался к хвосту.

Дрожи, нарушитель Незыблемых Правил,
Дорожной Разметки — и Знаков на ней!
В наряде апостол не Пётр и не Павел,
но он укрощает железных коней:
и в хвост им, и в гриву, и сбоку, и сзади —
вот это вот хватка, вот это удар!...
Инспектор ГАИ притаился в засаде,
за пазухой спрятав козёльный радар.

ВОЙНА?

День прошел. Все как будто в порядке
в сводках прифронтовой полосы.
На расхристанной детской площадке
оправляются дюжие псы.
Сверхсекретного бункера кокон
старый дом представляет — скорей
пестротой зарешеченных окон
и единством железных дверей.
Как окопы, зияют траншеи.
Молот бухает как пулемет.
Одуванчиков длинные шеи
дочь моя малолетняя рвет.
Надышавшись площадного пара,
набухают грозой облака.
И строй виселиц вдоль тротуара
бесполезно пустует. Пока.

ВОРОН И ЛИС

(побасенка)

Летний дождь отыгрался на мне
своим главным калибром,
крупный град-рикошет перебил
сухожилия рук...
Напиши мне хотя бы две строчки,
хотя бы верлибром,
мой далекий... (фамилия, имя),
мной преданный друг.

Опиши в двух словах, как и с кем
ты теперь поживаешь,
и окрестный пейзаж обрисуй
в половину мазка,
как умеешь лишь ты. А писать
от руки не желаешь —
напечатай от сердца на старой
машинке «Москва».

Поделись от души своим нынешним
виденьем мира —
с высоты своей новой квартиры
и прожитых лет,
оброни ненароком кусочек
тончайшего сыра
на мой толстый и черствый, покрывшийся
плесенью хлеб.

А не станешь ронять — не теряйся
хотя бы из виду.
И еще об одной из твоих
привилегий и льгот:
под стаканчик вина проглоти
за обедом обиду,
что першит в твоем горле с далекого
...(месяц и год).

КРЫСЫ

Все, кто на этой земле родились,
что называется, ходят под Богом —

коль для чего-то он создал и крыс,
терпят смиренно их прямо под боком.
Все бы оно ничего до поры —
экое дело, попили-поели.
Но уроженцы крысиной норы
хуже татарина мне надоели.

Крысы прожорливы, будто быки
(хоть иногда и похожи на агнцев),
и не кормите вы крысу с руки,
коль не хотите остаться без пальцев!
Все понимая крысиным умом —
пользуясь благословеньем Господним —
крысы не брезгуют даже дерьмом,
в вашем копаясь несвежем исподнем.

Крысы живучи почти как клопы
и плодовиты как сонные мухи.
Слухи о том, будто крысы тупы —
честное слово! — не больше, чем слухи.
Крысам не страшен ни холод, ни яд —
то и другое им даже по нраву.
Слышите, будто бы где-то храпят?
Крысы чихают на вашу отраву!

Крысам неведомы взятки и блат —
им ни к чему социальная ниша.
Крыса б шутя перегрызла булат —
если б у крысы поехала крыша!
Но — захрустят, только станет темно,
с неба упавшие звездочки риса...
Взять бы, уехать куда-нибудь! — но
крыса — она ведь и в Африке крыса.

Нас предают и уходят друзья,
близкие женщины, жены и дети,
блудные кошки; но радуюсь я —
нет ничего постоянней на свете
преданной крысы. Промчатся года,
станем беззубы мы, толсты и лысы —
но не уйдут никогда никуда
старые-добрые мерзкие крысы...

Стенка справа, стенка слева...

СЧИТАЛОЧКА

Вышел месяц из тумана —
стала полною луна.
Дребезжит на дне кармана
сдача с крепкого вина.
Алкогольная отрава
мозг пронзила, будто нож:
шаг налево, шаг направо —
непременно упадешь.
На ветру моргает спелый-
переспелый светофор.
Месяц черный, месяц белый —
интересный разговор.

Голубь ходит по карнизу,
шестикрыл и семипал.
Небо сверху, небо снизу —
если на спину упал.
Белым дымом прокопченный,
пробегает черный кот.
Месяц белый, месяц черный —
пешеходный переход.

Лента уличного хлева
обрывается двором:
стенка справа, стенка слева,
прямо — плаха с топором.

СЛУЧАЙ НА ВОКЗАЛЕ

В полчетвертого ночи ли, дня ли
как-то буднично и делово
двое ангелов с полу подняли
бездыханное тело его —
бедолаги, святоши, страдальца
(знать, Всевышний его не сберег),
чьи впились мертвой хваткою пальцы
в бесполезный уже пузырек

то ли снадобья, то ли лекарства —
и, один сэкономив укол,
два служителя вечного царства,
как издохшую псину, на пол
в занавешенном автомобиле
положили беднягу синю-
шным затылком к дверям — и обмыли
четверть часа спустя, в простыню

завернув его, бывшую в деле,
и на том свой обряд заверша.
В бездыханном, казалось бы, теле
все ж-таки пребывает душа,
и дрожат приоткрытые веки,
и шевелятся мышцы лица —

но... вокруг только экс-человеки,
как один — тридцать три близнеца,

в тех же саванах-тогах и позах,
и гримасы одни, и ужим-
ки — и злой холодок о морозах
никогда не напомнит уж им...
И проснулся ты не на вокзале —
чище мыла и снега белей —
и за все удовольствие взяли
тысяч десять-двенадцать рублей*.

ТИПИЧНО МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Команда спит. Я — вахтенный матрос,
напившийся отнюдь не по Уставу.
И нерв спинной ахиллову суставу
морзянкою отстукивает «SOS».
И то сказать: я все ж уже не юн,
и по всему — пора сходить на берег
какой-нибудь, к примеру, из Америк.
Ну, а пока — пора сходить в гальюн;

в два пальца, будто в боцманский свисток,
стравить балласт за ванны борт — и просто
держать компас на румбе «норд-норд-оста»
(что больше север — нежели восток).
А, в целом, курс (что судна, что рубля)
неясен, как немытые стаканы —
когда уже из трюмов тараканы
бегут, подобно крысам, с корабля;

*стоимость услуг медвытрезвителя в те незапамятные времена

и напролет, до самого утра
(как в кубрике забытой «альма-матер»)
в задраенный на ночь иллюминатор
сочатся малосольные ветра.
«За тех, кто в море — залп!» — «Всегда готов!»
Но даже спирт припахивает хлоркой;
то всхлипнет юнга вдруг за переборкой
двух с половиной от роду годов.

Зачем же взяли в плаванье детей,
равно как стариков, тем паче — женщин?!
Неужто же в запасе у военщин
не сыщется три тысячи чертей?!..
Пробили склянки, кто-то погасил
экран радара по диагонали —
но сделать запись в вахтенном журнале
уж нету ни желания, ни сил.

«Машина, стоп!» На полных парусах
сажусь не то на стол, не то на мель я —
и горький вкус грядущего похмелья
застыл в воображаемых усах.
На ослабевшей утренней волне
качается двухкомнатная яхта...
Кончается моя ночная вахта
банально и обыденно вполне.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА АЛКОГОЛИКА ПАВЛОВА

Я ныне с похмелья. Я болен. Я слег
в свою раскладушку, подобную гробу...

Вот только мне кажется, будто я йог,
сырыми гвоздями набивший утробу.

А, может, нажрался костей из ухи,
что кучно пристроились прямо под сердцем?..
Я мумия, с чьей-то нелегкой руки —
взамен требухи — начиненная перцем.

Я утка, что шает в крутом кипятке
с прорезанной осью от выи до гузки.
Я летчик, вошедший в крутое пике,
которого рвут на куски перегрузки.

Я Стрелка, что нервно дрожит на нуле,
сигналя бедою Не Знающим Меры.
Я спутник, спешащий с орбиты к Земле —
и вспыхнувший в плотных слоях атмосферы,

обманутый Теми, Кто Этому Рад.
Я радий в периоде полураспада.
И если на свете есть все-таки ад —
мой выдох синоним исчадия ада.

Я ядерный взрыв. Я забытый в ночи
на жаркой печи выкипающий чайник:
и хочешь — во мне обжигай кирпичи,
а нет — тогда плавь тугоплавкий песчаник.

Я термос. Я бомба. Я с ядом пирог.
Я перебродившее за год варенье
в припрятанной банке. Эх, если б я мог,
то я б написал это стихотворенье!..

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНОЛОГ ДОНОРА

На задворках любви —
в самом сердце трущоб —
я ночами заметно грустнею.
Тут мой Спас-на-Крови —
не мешало ещё б
расставаться без жалости с нею —
групной номер «один»
с резус-фактором «плюс».
Что быть может безвкусней и проще?
И, дожив до седин,
отчего ж я молюсь
на свои побелевшие мощи?

Отчего ж я так скуп,
почему мне так жаль
этой, в сущности, мутной водицы?
Может, лучше тоску б
мне послать было в… даль?
Ведь в жлобизм уходить не годится.
Я забыл про любовь
и анализ на СПИД
проводить полагаю ненужным.
И к тому ж, там не кровь,
а подкрашенный спирт —
как в известном приборе наружном.

Перекатная голь,
коль душою кривил —
то лечил её всё-таки сущим.
И вкушать алкоголь
я привычку привил
всем известным мне кровососущим.

В окружении блох —
в самом сердце трущоб —
я себя разбавляю не в меру...
Народившийся Бог
слишком молод ещё,
чтоб меня обратить в свою веру.

Мой целитель и ценитель

Посвящается дочери Машеньке

СОННОЕ ЦАРСТВО

День к закату клонится.
Звёзд лихая конница
час от часу высыплет
в тёмной вышине.
Дочка спит у папочки.
Спят под койкой тапочки.
Спит в углу велосипед,
прислонясь к стене.

Спят рисунки с книжками.
Спят зайчата с мишками.
Спит ногами к форточке
плюшевый щенок.
Позы несуразные.
Спят игрушки разные.
Спят, присев на корточки.
Спят без задних ног.

Шишечки еловые.
Куклы безголовые.
Надувные слоники
с дырочкой в боку.
Маленький, малиновый
ёжик пластилиновый
спит на подоконнике,
отлежав щеку.

Новые со старыми
спят сапожки парами.
Спят колготки с майками
в тумбочке одной
с гольфами, рубашками.
Юбка спит с ромашками.
Спит панама с маками.
Завтра — выходной.

Завтра воскресение —
золото осеннее
погрести бы веточкой
в скверике, даст бог...
Ночь к рассвету катится.
Спит на стуле платьице
под лиловой ленточкой
в розовый горох.

В ОЖИДАНИИ ДОЧЕРИ

Я подброшу резиновый мячик — лови
и кидай мне обратно.

Я не буду тебе говорить о любви —
это просто излишне.
Поиграем в ладоши без всяких хлопот,
хохоча многократно.
А потом будем есть прошлогодний компот
из черешни и вишни.

Я скакалку достану — давай, поскачи
на тонюсенькой ножке.
А когда-то давно уверяли врачи,
что скакать ты не сможешь.
Ну, а хочешь, мы вынесем хлеба в подъезд
для беременной кошки;
пусть за наше здоровье она его съест —
помоги и ей, боже, ж.

Я тебе почитаю — послушай, дружок,
любопытную сказку:
как однажды без спроса пошёл на лужок
тот бычок белобокий,
что не слушался старших... Не хочешь читать?
Хочешь книжку-раскраску?
Отчего ж у тебя (замечаю опять)
вдох и выдох глубокий...

Я загадку тебе загадаю — найди
к той загадке отгадку.
И того, и другого ещё впереди
у тебя будет много.
Я задачку задам тебе — думай, решай,
не жалей же тетрадку.
Есть такая пословица: сам не плошай,
уповая на бога.

А потом я тебе постелю — отдыхай,
моя бедная крошка,
и хотя бы во сне глубоко не вздыхай.
Папа за полночь ляжет.
А вчера наконец-то котят родила
наша общая кошка...
Ты неделю уже у меня не была —
Бог их, грешных, накажет?

РАЗГОВОР

За окном почти что ночь,
и луна бела.
«Здравствуй, папа!»
«Здравствуй, дочь!
Как твои дела?»

«Хорошо. А как твои?»
«Тоже хорошо —
без сотрудников ГАИ
день в трудах прошёл.

Я гонял туда-сюда
на лихом коне.
И клиенты, как всегда,
подавали мне:

кто копейку, кто пятак,
кто-то рубь почти —
набралось их так и так
около пяти.

И исчезли тут как тут,
лишь успел донесть
хлеба фунт да соли пуд —
вместе будем есть.

А конфет — покуда нет.
Вот и все дела...
Где же ты была, мой свет?»
«В садике была.

Мы катались там опять
с горки ледяной.
Только мама ровно в пять
не пришла за мной,

Не пришел за мной никто.
Я была одна.
Кружку киселя зато
выпила до дна.

И давали нам ещё
сладкий пирожок.
А Егор себе плечо
чайником обжёг.

А Антон принёс в пальто
перочинный нож.
И ещё ждала я, что
ты за мной придёшь.

А альбома у меня
не было одной...»
«Потерпи ещё три дня —
будет выходной.

Мы поедем в зимний лес
собирать следы.
И отыщем сказку без
длинной бороды.

И зароем в снежный наст
маленький секрет —
а других с тобой у нас
не было и нет».

«А лепить снеговика?..»
«...и чудес мешок
наберём. Ну, а пока
дуй-ка на горшок.

Час уж поздний — и пора
спать и видеть сны.
(А разбудит нас с утра
пятый день весны.)

До свидания, малыш!»
«До свиданья, пап!»
За стеной скребётся мышь
— лепит снежных баб.

ВЕСЕННЯЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Это всё же неправда, что у трудового народа
настроенье никак не зависит от времени года.
И хоть наша земля и считается двухполюсною —
всё же чаще на плюс замыкается сердце весною.
С наступленьем весны появляется нечто такое,
что лишает тела и умы состоянья покоя.

Только это ничуть не мешает — и даже влюбляться,
и завидовать кошке, что может на солнце валяться,
наплевав на различные нормы фальшивых приличий
и наличие либо отсутствие знаков отличий.
Так и хочется выкинуть тоже какой-нибудь номер,
чтобы каждый второй или третий от зависти помер:
отыскать ли рецепт от вселенской какой-нибудь хвори
или партию соло исполнить хоть в жэковском хоре.

Обратить на себя бы внимание пусть и немногих
из семейства хотя бы не длинно-, но всё же двуногих,
и у них в хит-парадах занять бы все верхние строчки.
Ну, а главное: не опротиветь бы собственной дочке.
Пусть она себе тихо и мирно живёт-поживает —
и хотя бы по праздникам папой меня «нажывает».
А когда позвоню — пусть всегда будет этому рада…
А чего ещё надо отцу? Ничего и не надо.

ДОЧЕРИ

Не за то прости, что я глупый был,
не за то — что страдал любя.
А за то, что я думал, будто бы
что-то есть поважней тебя —

той, в которой — как в чудном зеркале —
узнаю себя до ногтей!
Только зеркало исковеркало
нас в Нескладных Больших Детей.

Мы с тобою — как День и Ноченька —
это так, но… совсем не так:

у тебя в правом ушке, доченька,
складка лишняя — верный знак!

Значит, мы с тобой Богом мечены —
для чего нам удел такой?
Иль обрящем мы муки вечные?
Или счастья хлебнем с лихвой?..

ЖДУ «АЛЛО»

Изо всяких убежищ и ниш
выбираю холодный рассудок.
Почему же ты мне не звонишь
уже целые полтора суток?
За твоё дорогое «алло»
отвалил бы я серебра-злата
столько, сколько б вместиться могло
в сундуках самого Хаз-Булата.

Разве за ночь одну и два дня
световых, прибавляющих в росте,
ты не вспомнить могла про меня;
даже если ходила ты в гости,
даже если б и время текло,
молоком через край убегая, —
неужели простого «алло»
не нашлось у тебя, дорогая?

Может быть, ты всю ночь проспала
и два дня световых продремала.
А, быть может, ты из-за стола

не вставала всё время — да мало
ли чего приключиться могло
за прошедшие полтора суток,
чтобы даже коротким «алло»
ты бы мой обделила рассудок.

Может быть, дозвониться сюда
ты вообще-то хотела едва ли.
А хотела — тебе, как всегда,
нипочём позвонить не давали
те, которых коварное зло
заблудило посредством клубочка…
Помни: жду я всего лишь «алло»
от тебя, неподкупная дочка.

СЛУХОВАЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

Два часа ночи. Конец сентября
года последнего в нынешний век
из високосных.
Мало-помалу виски серебря,
вновь сединой проявляется снег
в елях и соснах.

Души умерших возносятся ввысь,
слышен вдогонку их ангельский смех —
где-то над нами.
Столбик термометра падает вниз.
Из сундуков извлекается мех
дамой в панаме.

Солнце не греет уже ни черта.

В воздухе стылом проблема тепла
снова витает —
ведь даже днем из открытого рта,
будто слепая сова из дупла,
пар вылетает...

Что ж нам готовит текущая ночь?
Пробил четвертый на улице час.
Из пистолета?
Спи, моя радость, любимая дочь!
Видимо, нынче не будет у нас
бабьего лета.

ПРОСТИ, ЧТО ПРИПОЗДНИЛСЯ

Ну, здравствуй, дочь. Я выпил — но пришел.
К тебе пришел — кому еще я нужен!
На ручки к папе хочешь? Хорошо,
пусть стынет без того остывший ужин.
Рассказывай: как у тебя дела,
как ты спала и кто тебе приснился?..
Ты не спала — ты все меня ждала?
Прости, малыш, я малость припозднился.

Я шел к тебе через дремучий лес,
в котором волки, совы и лягушки.
Я заплутал без компаса и без
последних сил, но — выбрался к избушке:
а там в гостях меня держал ведмедь,
его жена — и косолапый мишка...
Прости мне ложь бессовестную — ведь
мне некому покаяться, малышка.

Потом я плыл по морю на бревне,
кишащему голодной барракудой
с громадным зубом. Но не страшно мне
в пучинах было плыть к тебе — покуда
все не сгубил зеленый крокодил
со змием-другом родственного цвета...
Прости мне, что не я тебя родил.
Что грудью не кормил — прости и это.

Потом к тебе я по небу летел
средь туч лохматых — как воздушный шарик.
Но сбился в непроглядной темноте —
ведь я забыл из дому взять фонарик.
И потому, что не было огня,
я вдалеке от дома приземлился...
Прости — что ты похожа на меня.
Прости и то, что я вообще родился.

Прости мне все что было — и что есть,
а главное — прости за то, что будет.
Что, дочь, на шею папе хочешь сесть?
Садись, дружок, от папы не убудет:
я для тебя не жаден и не зол,
не занят, не устал и не простужен...
Ну, здравствуй, дочь! Я наконец пришел —
пришел к тебе. Кому я еще нужен?

МОЙ ЦЕЛИТЕЛЬ И ЦЕНИТЕЛЬ

Ну хоть убей, а я опять пишу,
руке дав волю и карандашу
(что балуются рифмами на пару),

но — не в угоду медному грошу,
иль чтоб похвал расчухать анашу,
и уж тем паче — чтоб впрягаться в свару.

Тогда зачем? — Ах, если бы я знал!
Быть может, Сам Господь меня призвал
служить к себе под трудовые стяги:
после себя оставь, и стар и мал,
тот — капитал, а третий — просто кал,
второй — хоть лист ис'писанной бумаги.

Целую дочку, ведь в конце конца —
за сим ей суждено судить отца,
когда он отойдет в свою обитель
в венках из роз, в терновом ли венце —
в её одном (мне дорогом) лице
соединились ангел и хранитель,

целитель — и ценитель этих вед,
и «вдохновитель всех моих побед» —
которые, пусть редко, но случались...
А посему — из всех житейских бед
меня простывший огорчит обед —
об остальном нимало не печалюсь.

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
М. Лермонтов
Мне и рубля не накопили строчки...
И кроме свежевымытой сорочки,
скажу по совести, мне ничего не надо.
В. Маяковский

И я не Байрон — я совсем другой,
чем даже звонкий тёзка Маяковский,
который с ходу левою ногой
чеканил правки на генплан московский.
И, подытожив дебет-кредит дней,
я не строчу послания потомкам —
мои масштабы уже и скромней:
тебе пишу, любимая, и только.

Тебе одной — что было, и что есть,
и (судя по всему) что будет в жизни —
свои приветы шлет познавший лесть,
молчанье — и привыкший к укоризне
отец, что передал тебе свой лик, —
что отступал, случалось, с полдороги,
но — к сожаленью (счастью?), не привык,
чтоб им, как тряпкой, вытирали ноги.

Я б никогда не осквернил твоих
(моих!) ушей — но вот, прости, припёрло:
отборного дерьма за нас двоих
я выхлебал по самое по горло —
с надеждой той, что обойдет тебя
сия неэстетическая чаша,
дышу-пишу и (пряди теребя)
люблю тебя — моя малютка Маша.

И всё несу свой пожелтевший крест,
что не стоит еще в земле поныне
(зато встает на зоб моей гордыне),
поелику ты в белом свете есть.
И ухо тоже не привык ласкать
произнесённым (не печатным) словом,
но — лгать не даст нависшая доска! —
коль доведись, я повторю всё снова.

Не знаю лишь, доколе хватит сил
сносить плевки, поклёпы и упрёки —
но верю, знаю: строй из строчек сих
уж без меня шагнёт в тот год далёкий,
где счастлива ты в собственной семье...
Когда ж пройду семью кругами ада,
утешусь тем, что помнишь обо мне —
а более и ничего не надо.

Почти шизофрения

ПОЭЗИЯ

1.

Поэзия — это болезнь
почище чумы и проказы:
под кожу поэту залезь —
узреешь ее метастазы.
Поэзия — это удар
трехсотмегатонновой молнии.
Поэзия — это радар:
дар речи и радость безмолвия.

Поэзия — это беда,
с которой уснуть — не проснуться.
Поэзия — это когда
боишься кругом оглянуться,
а не оглянуться вокруг
страшишься во сто крат поболе.
Поэзия — замкнутый круг,
откуда нет ходу на волю.

Поэзия — это мотив
покруче гитарного риффа;
сюжет, разодет как калиф,
и голая-голая рифма.
Поэзия — это печаль

влюбленной и брошенной женщины.
Поэзия — это печать,
которой немногие мечены.

Она же — обретшая речь,
сто-лет-промолчавшая рыба;
косая (касательно плеч)
сто-сажене-тонная глыба
из тысяч-мильёнов словес,
затмившая небо седьмое.
И если семь в свете чудес —
Она, безусловно, восьмое!

Поэзия — это строка,
строга как законники оны.
Поэзия — это строфа,
не писаны коей законы.
Поэзия — это тоска
по чистой пожизненной прозе.
Поэзия — это доска,
с поэтом почившая в бозе.
Поэзия — это обман
слепыми умеренно зрячих.
Поэзия — это роман
ходячих больных и лежачих.
Поэзия — это туман,
набившийся в зоб до икоты.
Поэзия — это дурман
похлеще вина и наркоты.

Поэзия — это угла
тупик на обратном конверте.
Поэзия — это игла,

с которой не спрыгнуть до смерти.
Поэзия — это змея,
обвившая шею петлею.
Поэзия — это петля,
сдавившая шею змеею.

Поэзия — это хандра
как тонуса низшая низость.
Поэзия — это утра
невинного скорая близость.
Пора! Где перо? Хоть ты тресни,
без строчки кончается ночка:
«Поэзия — это болезнь» —
Все точно... По-моему, точка.

2.

Стихи — это суперсредство
от пролежней и бессонниц,
и случай поверить лично
в сменяемость лунных фаз,
и вспомнить отчасти детство —
из букв оловянных конниц
выстраивай гармонично
ранжир оловянных фраз.

Стихи — это много проще
и ребуса, и кроссворда —
в котором блудишь дотоле,
покуда филолог-бес
темнит в трехсосновой роще,
а там: что дуга, что хорда —
едино — выводят в поле
известных давно чудес.

Стихи — это просто отдых
для печени и желудка —
когда без диет с постами
выходит утробный шлак
несказанных слов, а род их —
из камня, что прячет утка
за замкнутыми устами,
зажатыми как кулак.

Стихи — это верный способ
шутя успокоить нервы,
на сонной стянув потуже
артерии их, — когда
живущая подле особь
в обличии экс-Минервы
(каб не срифмовать похуже)
их точит, как мол — вода.

Стихи — это черный ящик
сверхнового самолета —
который сорвался в штопор
и скоро войдет в пике,
момент исчерпав крутящий;
и после отметит кто-то,
чем был парашют заштопан
в нетронутом рюкзаке.

Стихи — это белый танец
с беззубой седой старухой,
тебя пригласившей — только
не выпустившей из рук
косы; и холодный глянец
студит, как Ван Гогу, ухо* —
и танго сменяет полька,
и узок и тесен круг.

*Художник Ван Гог обрезал себе ухо.

Стихи — это как бы метод
(и метод довольно спорный),
как в камеру — в одиночку
сойти, не сойдя с ума;
и путь каменистый этот
осилит Сизиф упорный...
А — чтобы поставить точку —
ни силы и ни ума.

ПРОГУЛКИ В ПРОШЛОЕ

...из тёплой гальки и морских ракушек
построю я двухкомнатный дворец.
(из первой публикации 29.01.93)

Был я в кои-то веки богат —
были дни и часы золотые.
Уходили в песок сто потов
в тёплых лунках насиженных мест.
Дождь слепой расставлял наугад
на солёном песке запятые,
превращая полоски следов
в абсолютно бессмысленный текст.

И я строил из тёплой воды
и песка пресловутые замки
в пост-классическом стиле «ампир» —
от трубы до ступенек крыльца.
И слетались на запах еды
рукокрылые лёгкие самки,
предвкушая нешуточный пир
от щедрот чумового самца.

Я сидел на крыльце на златом —
коль не царь, то царевич хотя бы —
сам сапожник себе и портной,
сам и пахарь, и жнец, и игрец,
и чего-то кузнец... а потом
от ощипанной курочки-рябы
получил я в наследство цветной,
кое-где золотой огурец.

Огурец был размером с яйцо,
и на нём ещё не было пробы
как на всяком тельце золотом —
да, наверно, и быть не могло.
Я его положил на крыльцо —
только в миску глубокую, чтобы
его мышь не смахнула хвостом,
а под солнышком было тепло.

Огурец рос по дням и часам,
не таким золотым, как вначале.
И тускнело уже серебро,
становясь холоднее воды.
А когда по зелёным лесам
след пролёг от багровой печали,
вышел в небо и встал на ребро
тусклый диск горьковатой слюды.

А потом по холодной воде
пробежали мурашки — и тут же
первых льдинок разрозненный флот
потянулся к средине пруда.
И оделись в стальные оде-
жды на пляже вчерашние лужи.
И я спрятал под мышкою плод
то ль фантазии, то ли труда.

И я грел его тела теплом,
как несушка, наседка, теплица,
инкубатор, парник, кенгуру —
теплокровная мать, наконец.
И лелеял мечту: за столом
он когда-нибудь мне пригодится —
средь голодной весны поутру
малосольный такой огурец.

Всё кончается — даже зима.
Лёд меняет личину на пламень.
И опять дождевая вода
собирается в тонкий ручей.
Вот тогда и сошёл я с ума,
когда вынул увесистый камень
из-за пазухи — вместо плода
долгих зимних бессонных ночей...

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Под бременем тяжкого груза
Падешь, будто тень на плетень...
Я знаю доподлинно: все-таки Муза
берет иногда бюллетень
в небесном своем канцеляре,
скрепляя печатью скрижаль.
И я становлюсь человеком в футляре —
пока не сосновом. А жаль
мне все ж-таки Музу до смерти —
когда на ближайший погост
меня понесут, как младенца в конверте,
закутавши в простыни в рост.

«Отмучился», — скажут родные.
Добавят друзья: «Выходной».
«Отмучилась, — молвит, — теперь выходные», —
усталая Муза — одной
известно ей только и было
количество дней и ночей
бессонных, что в Лету бездонную сплыло
заради поэзы — и чьей
вины больше в хаосе этом,
и кто кого мучил из нас?
Как музам, однако же, смертным поэтам
заказан бессмертный Парнас.

Пииты ж, как прочие, тленны —
их дни сочтены, как транзит...
В открытую форточку ветер Вселенной,
как прежде, сквозит и сквозит.

ЗАБОЛЕВШЕМУ СОБРАТУ ПО ЦЕХУ

Ты поэт и я поэт —
и других в округе нет,
    а поэтому поэту
    надлежит по этикету
не гулять по этажам
в окружении пижам
    и больничных серых тапок,
    а трудиться поэтапно:
то есть перышком решиться,
поелозить, поершиться,
    пошуметь, поегозить,
    недостатки отразить

поэтично, поэтажно,
эротично, эпатажно,
    хоть бы даже по-еврейски,
    по-восточно-европейски,
по-уральски, по-московски,
хоть бы и по-эскимосски,
    помаленьку, повелику,
    как угодно — поелику
я поэт и ты поэт.
И важней занятий нет!

КАРА

О боже правый, ну за что мне эта кара —
не спать ночами, переписывая то,
что на бегу я нацарапал за день кара-
ндаша огрызком на манжетах у пальто?!
Чем провинился я, всевышний, пред тобою,
что ты мне выбрал наихудшую из мук:
ночами вздрагивать от рифм — и на обоях
царапать кровью (в переносном смысле) — звук,
ни на минуту не стихающий в затылке,
преобразовывать в обычные слова...
затылке... тылке... вилке... госсподи, обмылке!..
пропала рифма — и пропала голова
моя садовая, головушка, пропала
за эти игры в рифмы — не за грош!
Лиши меня всех денег, Господи, а мало —
возьми меня к себе. Да знаю — не возьмёшь.
А значит, впереди весёлые денёчки —
и ночки тоже, дай бог каждому, — когда
я буду с хрустом вырывать поодиночке,

как будто зубы золотые, непода-
тливые рифмы из мильёна сочетаний.
Так не пугайтесь, если вздрогнете во сне
от звука странного в сортире или в ванной...
Спокойной ночи! Это вам. Это не мне.

НА ВОКЗАЛЕ

Как маятник, таксист-бедняга мается —
но не везет, подлец, как ни проси.
И, над тобой как будто, усмехается
зеленый глаз свободного такси.
Фатальное сегодня невезение,
к тому же деньги вышли, как назло.
Как будто в карту — плюнь в траву осеннюю:
куда ни плюй — туда не повезло.

Мечту мою лишь — за леса высокие
повез состав (я лишний на пиру!),
оставив только рифмы кособокие
да бедолаг — собратьев — по перу,
которых по губам — они шевелятся —
я узнаю в толпе людской порой,
по взгляду, что куда незнамо вперится
(а корень тут, естественно, «перо»).

Давай, старик, пиши — покуда движется
в мозгу твоем бегущая строка;
глядишь, на книжку (ну, хотя б на книжицу)
потом, когда-то, наскребет рука...
Но не дай боже стать тебе маститым,
писать по распорядку, за столом,

кормясь от этого. Создатель не простит им
предательства, и это поделом:

Один, доверясь внутреннему критику,
не отделяет зёрен от плевел;
Другой — вообще с ума сошел в политику
и почерком заметно полевел;
а Третий — тот ударился в пророчество,
поя осанну глупости людской...
А я свое рифмую одиночество
с живучею, смертельною тоской.

ИЗ НИЧЕГО

Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи...
А. Ахматова

Стихи появляются из пустоты —
из воздуха, снега и ветра,
из влажных волос, что рассыпала ты,
из слез и из музыки «ретро»,
из белых дверей и оплывших свечей
с торшером в нелепом соседстве,
из суетных дней и бессонных ночей,
ключей — что потеряны в детстве,
из старого зонтика в пыльном углу
и зеркала в тесной передней,
из черного диска, что сел на иглу,
из первой любви — и последней,
из новых морщин и зигзагов в судьбе
и из бесконечного бега —

к себе, от себя и обратно к себе,
и снова — из ветра и снега,
из вычурной склонности хмурить чело
и слабости к старой посуде...

Стихи появляются из ничего —
как, впрочем, и собственно люди.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Я просыпаюсь утром рано —
часов в двенадцать, или в час —
и, в ковш налив воды из крана,
под тем ковшом включаю газ,
хлеб мажу маслом бутербродным,
поверх — варенье или мед...
«Художник должен быть голодным» —
мне то покоя не дает!

Что значит, скажем, здесь «художник»:
в широком смысле — или нет?
Пусть не сапожник, не пирожник.
Ну, а писатель? А поэт?
Статист кино, солист балета?
А не солист — кордебалет?
Хотя, у них и так диета
все двадцать с чем-то лишним лет.

А, например, что значит «должен»:
с чего вдруг должен и кому?
Вопрос непрост. Ответ несложен,
но чужд и сердцу, и уму!

С какой-такой, скажите, блажи
себя мне голодом морить
в расцвете лет? А, может, даже
мне бросить пить или курить?

И, наконец-то, «быть голодным»:
совсем голодным — или так?
А если я с пивком холодным
селедки скушал на пятак?
А сверху — водочки грамм двести,
а к ней холодного язя...
Да провалиться мне на месте,
коль есть и пить совсем нельзя!

Ведь мне для творческого роста
полезно это, нужно то.
Поев-попив, пишу я просто
как одержимый, как никто!
И засыпаю у экрана,
который так и не погас...
И просыпаюсь утром рано —
часов в двенадцать. Или в час.

ЗНАКОМОМУ ХУДОЖНИКУ

1.

Ты поздно лег вчера — и поздно встал
сегодня... Что есть более условно?
Чем, в сущности, отличен пьедестал
от, скажем, эшафота, кроме слов... Но

ты все же встал, припоминая день
недели, будто это очень важно —

и плед, как тень, откинул на плетень.
В квартире было сыро и бумажно.

Клочки бумаги были там и тут —
они укрыли пол подобно вате,
хрустящей под ногами как батут —
похлеще той же панцирной кровати.

Клочки бумаги были в санузле,
на подоконнике и табурете,
в прихожей и на кухонном столе —
везде валялись, всё собою метя…

II.

Прошло, должно быть, несколько часов
(а может — дней, или точнее — суток).
И снова дверь ты запер на засов —
так безопаснее терять рассудок

(уж лучше его дома потерять —
искать иглу в игольнице вернее,
всего-то и откинув ниток прядь),
чем в парке иль картинной галерее.

Печется хлеб на кончике ножа.
Струится газ из газовой горелки.
И смотришь ты с шестого этажа
на пацанов веселые проделки.

И чертишь, чертишь вновь за кругом круг —
выходят груши, а точнее — клизмы.
И рвешь листы движениями рук,
заученными до автоматизма…

Самоирония

ЗНАКОМСТВО ПО ПЕРЕПИСКЕ

Заочное знакомство — это знакомство по переписке.
«Служба семьи» передаст Ваше письмо абоненту... если Вы переведёте на наш расчётный счёт... всего лишь рубль...
(из газет)

Мне тридцать лет. Но выгляжу моложе.
Без паспорта мне тридцати не дашь.
Машины нет. Квартиры, кстати, тоже.
Прописка есть. К тому же есть гараж.
В разводе. Чад от брака не имею
(к тому, что алиментов не плачу).
Жить для других? — к несчастью, не умею.
Жить для себя, по счастью, не хочу.
Рост — выше среднего. Образованье — тоже
(как будто высшее). Не склонен к полноте
(скорее — худ). А что, пардон, до... внешности —
в конверте фото (правда, в темноте).
Теперь привычки. Сразу каюсь — грешен.
Пью, правда, редко. Но — давно курю.
Характер? — сложный. Неуравновешен.
Молчу подолгу. Реже — говорю.
Мой год? — Собака. Рак — по гороскопу.
Кровь — первой группы (резус-фактор — плюс)...

...Я о себе уже «поведал» столько —
что сам с собой знакомиться боюсь!

РИСК — БЛАГОРОДНОЕ ДЕЛО

Что жизнь без риска? — скука, в самом деле!
Да, я несмел и робок — сколько раз
Вы очень близко от меня сидели,
а я не смел дотронуться до Вас.
Быть может, Вы как раз того и ждали,
чтоб между дел я сделал первый шаг?
Вкруг головы сомнения витали —
и я сидел как вкопанный ишак.
Шутник-мороз в окне писал картинки,
одну другой смелее — но клубок
сомнений рос. И жали так ботинки,
что я ногой пошевелить не мог.

Мороз крепчал, за окнами темнело.
Программа «ВиД» показывала «Взгляд».
А я молчал и делал неумело,
упрямо вид, что ноги не болят.
Из головы и чуточку пониже
сочилась влага, дёргалась нога.
Но только Вы не становились ближе —
ни на полшага, ни на полшага.

Я уходил в полпервого обычно,
соврав, что мне в полпятого вставать.
Я находил, что очень неприлично
мороз в окне двуспальную кровать
нарисовал — да так, подлец, похоже! —

крутые спинки, мягкие бока…
И я вставал с утра гораздо позже.
Ботинки сбрасывал. Литр молока
из старой миски выпивал. А вывод?
Вот влип так влип… Вам хочется спросить:
что в этом риске страшного? — а вы вот
попробовали б обувь разносить!

НА ОЧЕРЕДНОЙ ПОСТРИГ (ПРОЕЗЖАЯ ОКРАИНОЙ ВИЗа-4)

памяти Сергея Довлатова

В рамке зеркала — лапчатый гусь
с шеей длинной, алкающей мыла…
Что-то часто я нынче стригусь —
раз в году — да когда ж это было!
И день ссудный для Оль и для Маш
завтра будет богатым на «ахи» —
ведь для них мой нечастый демарш
дик не меньше, чем постриг в монахи.

Бывший конь, превратившийся в лань,
так нелеп, не сменивший аллюра…
Вот и все — о цирюльничью длань
обожглась и моя шевелюра.
Сдав без боя за пядию пядь —
от лопаток до кончиков носа,
профиль мой воротился опять
в ложе вечного знака вопроса.
Три глубоких морщины на лбу
сохранили количество, вроде…

И лишь жизнь вылетает в трубу —
будто дым в Верх-Исетском заводе.

ФАНТАЗИЯ НА СКОЛЬЗКУЮ ТЕМУ

Что останется враз от трамвая
без колес, проводов и без рельсов —
разве что-то навроде сарая
для огромной семьи погорельцев?

Что быть может спасительней крыши,
если жизнь наказала сурово?
Потолок — нет желания выше
у людей, что остались без крова!

А в трамвае имеются кроме —
также стены, и окна, и двери.
И пусть нету кроватей как в доме —
есть сидения по крайней мере.

А в кабине пристраивай примус,
стол — и пользуйся кухоньки вместо!
И пожалуй, единственный минус —
не хватает отхожего места.

Но не ходит же в тамбур и за борт
пленник поезда и самолета —
а чем хуже общественный транспорт
ЭмПеЭса и Аэрофлота?!

Наворочали горы оружья
на исходе нейтронного века — а

что быть может нужнее, чем нужник,
для обычного для человека?

В годы смут и великих свершений,
и застоя, и общей реформы —
что быть может еще совершенней,
чем его лаконичные формы?

И что может быть, не понимаю,
посерьезней — ведь это не шутка,
коль застигло вас прямо в трамвае
типовое расстройство желудка!

Убивает чиновничья тупость
в разрешеньи простого вопроса!..
Что быть может глупее, чем глупость?
— Эти вирши на тему поноса.

НАРЦИССИЗМ

Что может быть на свете белом
страшнее атомной войны?!
К примеру — я, обрюзгший телом
(хоть в том и нет моей вины)
на десять с лишним килограммов —
и это меньше, чем за год
в больничных стенах. Ну, а драма в
том уж хотя бы, что забот
теперь прибавится с одеждой,
что расползается по швам
тугим — в особенности, между…

А впрочем, знать не стоит вам
таких пикантностей подробных.
Уже достаточно вполне
отрыжки рифм внутриутробных
на ожирения волне
и преждевременной одышки
при всходе на второй этаж —
когда коленки и лодыжки
скрипят, как твёрдый карандаш
на мягкой, в сущности, бумаге,
будя соседей по ночам.
Но — где-то ждут в универмаге
по новой шее и плечам
меня рубашки и футболки,
что на жирафов и слонов;
и до земли прогнулись полки
под грузом маек и штанов
аналогичного размера,
что и представить не хочу.
И лишь фантазии Гомера,
пожалуй, было б по плечу
живописать метаморфозу,
произошедшую со мной.
А мне же впору сесть на прозу,
как на диету, — и ценой
такой вот перемены резкой
себя в себе не уронить.

Как хорошо, что в праздник Женский
мне некому себя дарить!

Сны

«ДЕДУШКИ В КРЕМЛЕ»

Колыбельная политическая

Белый голубь дня
отлетает прочь.
Вороным крылом
опустилась ночь.
Я тебе, малыш,
песенку спою.
Засыпай, дружок,
баюшки-баю.
Мышка в норке спит,
кот под лавкой спит.
А по лавкам спят
семеро козлят.
Дети в этот час
спят по всей Земле.
Лишь не спят, малыш,
дедушки в Кремле.

Дедушки в Кремле
думают о том,
чтобы у тебя
был хороший дом —
чтобы в нём зимой
было бы тепло,

чтобы в нём весной
с крыши не текло.
Чтоб у дома был
красочный фасад,
а при доме чтоб
был зелёный сад,
а в саду цвели
яркие цветы —
вот тогда, малыш,
был бы счастлив ты.

Дедушки в Кремле
думают о том,
чтоб ты сильный рос —
и здоров при том:
чтобы у тебя
не болел живот,
не чихал бы нос
и не кашлял рот.
И ещё они
думают о том,
чтоб ты дружен был
с мышкой и котом.
Цели их просты,
помыслы чисты:
только б не дрались
мыши и коты.

Дедушки из сил
выбились совсем,
но — домов пока
не хватает всем,
и садов пока

мало, и цветов,
и не примирить
мышек и котов.
Так что спи, дружок,
баюшки-баю,
я пока тебе
песенку спою...
Дедушки в Кремле
спят и видят сны:
сбудутся мечты
с будущей весны.

БАЛЛАДА О НАВОЗНОМ ЧЕРВЯКЕ

«Пролетевшие всех куч, объединяйтесь!»

В районном центре или областном
после дождя, обильного и злого,
задумчиво зевая перед сном,
на дойку шла дебелая корова —
и плотный обронила коровяк,
на променаже как бы ставя точку —
как раз туда, где выпимший червяк
преодолеть намеревался кочку.
Он полз домой и думал о своём:
о таинствах рождения и смерти;
к чему живём и этот дёрн жуём;
и есть ли бог, коль существуют черти.
И о жене — сварливой и худой,
и бледной-бледной, как огрызок мела.
(Она была когда-то молодой,
но с возрастом заметно подурнела.)

Ещё о том, что жизнь почти прошла —
по крайней мере, больше, чем осталось.
И он, увы, не вышел в маршала,
и даже в капитаны — как мечталось
ему в далёком детстве, во дворе
с большой-большой родной навозной кучей.
И до сих пор живёт он в той дыре —
осыпавшейся, тесной и вонючей.
О том ещё, что жизнь не удалась —
к чему кривить в самом себе душою? —
проелась-прокурилась-пропилась,
лишь поманив, как будто анашою,
к вершинам золотым — и обманув,
как наркомана. Ахай или охай,
но всё теперь — дела давно минув-
ших дней, преданья ямы неглубокой.

А дома ждал неначатый ремонт;
гнилой фанерой заткнутые окна —
как на картине «Все ушли на фронт»;
и сыплющийся вечно потолок на
скрипучий пол, рассохшийся дотла.
Опять жена — мрачнее черной тучи.
Ещё в чулане старая метла
(он мёл асфальт вокруг навозной кучи
на четверть-ставки после выходных,
особо не скупящихся на мусор).
Ещё соседских пара «закладных» —
и, может, даже участковый «мусор»,
пришедший вновь воспитывать его.
Ещё портфель с заветною тетрадкой
в обложке цвета с небом одного —
он в ней стихи записывал украдкой.

А там по лавкам спали червячки —
испачканные по уши в навозе,
голодные... И на его очки
скупые наворачивались слёзы
отчаянья, любви и доброты,
безвыходности, ненависти, злобы.
Он видел их раскрывшиеся рты
к нему навстречу — а ведь быть могло бы
всё по-другому, всё совсем не так,
кабы судьба была к нему добрее:
он мог иметь в неделю четвертак;
и в тёплом доме жить у батареи;
водить детей купаться на Исеть
и покупать им пряники без счёта;
и рылом не в милиции висеть,
а на Доске районного Почёта!

Так почему мир был к нему жесток —
чем он других червей навозных хуже?
Всю жизнь свою он знал один шесток,
одну жену и пил всегда из лужи
такую дрянь — не приведи, господь! —
да и курил такую же отраву.
А гумус, что отняли у господ,
ведь и ему принадлежал по праву —
уж он бы нёс всё дочиста в семью,
не замечая бесконечных луж-то...
Да только думку горькую свою
он не успел додумать — потому что
в районном центре или областном
после дождя, обильного и злого,
задумчиво зевая перед сном,
шла на убой дебильная корова...

БЫТОВАЯ ЗАРИСОВКА

Отражалась в асфальте до нитки промокшая улица.
Продолжали машины свои тараканьи бега.
И несла петуху подгулявшая мокрая курица
любопытный подарок — большие оленьи рога.
Может быть, она просто купила их где-то по случаю —
чтоб повесить на стенку в прихожую для красоты.
И змеилась дорожка за нею гадюкой ползучею.
И о чем-то шушукались вслед дерева и кусты.

Престарелый петух к тому времени всхрапывал в спаленке:
ему снились барханы из проса — а также овса.
А за стенкой посапывал в люльке цыпленочек маленький,
как ни странно — похожий один к одному на отца.
Может статься, петух выбирал его сам в инкубаторе —
по причине бесплодья, а может, все дело в летах...
Так и жили они на потухшем до времени кратере,
спали врозь по ночам — хоть в не столь отдаленных местах.

Он носил сапоги и ходил круглый год в сером ватнике.
Она с каждой получки меняла у платья фасон.
В остальном же у них было все как в стандартном курятнике:
телевизор, торшер и сервиз на двенадцать персон;
стены были оклеены в спелый горошек обоями;
стол на кухне ломился от пряников и пирогов...
Все имущество их было нажито, в общем, обоими —
не считая рогов, не считая ветвистых рогов.

АВАРИЯ,
или Цветной сон-быль на тему Правил дорожного движения

В реке людской не различая брода,
патруль ГАИ сует свой сизый нос
туда — где при большом
стечении народа
«Тойота» с «Фордом» встретились взасос.

По нашим меркам так еще подростки,
им жить да жить — а вот же так случись,
что на обычном и
житейском перекрестке
вдруг их пути земные пресеклись.

И брошенными походя словами
клубится ядовито-желтый дым
там — где зевак толпа
качает головами,
а втайне всяк завидует двоим —

им, до детальки перемытым всуе;
тем, что на красный свето'фора цвет
сомкнулись в первом и
последнем поцелуе,
как мотыльки, летевшие на свет.

Дебелая карета «от Харона»
по души их приехала уже,
и санитарка — будто
белая ворона —
строчит вердикт израненной душе;

да души их давно уж воспарили —
щека к щеке — к лазурным небесам...
Об этом я вчера
прочел в газете — или
в кошмарном сне сегодня видел сам?..

СКАЗКА О ПТИЦЕЛОВЕ И ПТИЦЕ

Однажды в стужу (зимнею порою)
один охотник, что до птиц охоч,
силки расставил в роще, под горою,
и в них попалась птица в ту же ночь.
И он не ведал: плакать ли, смеяться?
Такая глупость, господи прости...
Ведь минуло Ей той зимою двадцать,
Ему же было возле тридцати.

И он принёс её к себе в избушку
(снег окропить не поднялась рука,
а перья — на подушку) и подружку
оставил жить. Надолго ли? Пока.
И незаметно привязался к птице —
такая глупость всё же, боже мой!
Ведь было той зимой Ему под тридцать,
Ей только двадцать минуло зимой.

Он бросил всё — работу и охоту,
снёс к проруби и утопил силки,
носил он ей с реки живую воду,
и клетку чистил, и кормил с руки.
Какая глупость... Разве может птица,
хоть и в тепле, но всё же — взаперти?

Тем более — Ему почти что тридцать,
а Ей всего чуть больше двадцати.

И с той поры охотнику не спится,
он ночи коротает у реки.
Он думал, что в силки попалась птица,
на самом деле — сам попал в силки.
Но сколько той верёвочке ни виться,
в конце — петлица, господи прости...
...Ему бы минуло весною тридцать,
и было б Ей чуть больше двадцати...

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ МИСТЕРИЯ

Известно: что ищешь — к тому и придешь...
В годину сплошного «айловья»
в сельце Говнюки наблюдался падеж
скота и людей поголовья.
И каждый баран был на строгом счету,
и всякий мужлан на учете —
который хотя бы плодил нищету
в избе да в районном отчете.
Ведь были такие, что вовсе одни —
и жили и бедно, и худо.
Вот так обреталась, не зная родни,
и наша селянка... покуда
у речки Зассанки (в районе моста)
Авдотия свет-Николавна
как есть повстречала однажды Христа
в обличии римского фавна*.

* Фавн (лат. фаунус) — в древнегреческой мифологии — бог полей, лесов, покровитель стад (Соврем. словарь иностр. слов, М, 1992, стр. 633).

Она в аккурат подымалась тропой
на гору со свежим бельишком —
Он стадо овец гнал с горы на пропой
голов эдак в семьдесят с лишком.
На ней был платочек (ну, чисто фата!)
и алая ленточка в косах —
Он был в гимнастерке, а вместо кнута
имел полированный посох.
Она хороша и румяна лицом,
в обхвате что три каравая —
Он был подпоясан терновым венцом,
своей худобы не скрывая.
Он с виду был парнеь годов тридцати,
к тому же, видать, иностранец.
Ей тоже немного — цвести да цвести —
вон как разукрасил румянец!

Он долго копался с ремнем поясным,
был лик его мудр да и светел.
Она поздоровкалась первая с ним —
Он словно б ее не заметил.
И, стопкой сложив на траве-лебеде
одежду свою, Он степенно
зачем-то ходить принялся по воде —
где было курям по колено.
А, выйдя на сушь, изменился с лица,
что тень Гефсиманского сада —
одна, хоть паршивая, все ж-ки овца
втихую отбилась от стада.
Он сплюнул в сердцах: «От же сукина дочь!» —
хоть речь была явно не наша,
потом оглянулся вдруг: «Шпрехен зи дойч?» —
Она не сробела: «Дуняша...»

И мало-помалу меж них разговор
завелся на общем наречьи.
Она все смелела: «Не пойман — не вор!»
Он спорил: «Овечке — овечье!»
    Она каламбурила: «Мы — не рабы!
    Долой трудодни и колхозы!»
    Он ей возражал: «От тюрьмы до сумы —
    едино шипы или розы».
Она кипятилась: «Доколе же нам
терпеть эту муку еще-ка?!» —
Стыдил Он: «Ты женщина — мать и жена!»
— и требовал левую щеку.
    «Ты есть или нет, чтой-то я не пойму?»
    «Жить надобно в вере, пойми ты...»
    Она обращалась на идиш к нему —
    Он ей отвечал на иврите.

Но вдруг Он умолк — и в спустившейся мгле
со всех своих ноженек босых
пустился на небо, забыв на земле
и стадо, и пояс, и посох.
    Она ему вслед проглядела глаза —
    в ответ не повел Он и ухом.
    И только ударила в небе гроза —
    земля ощетинилась пухом...
А, долго ли коротко, час наступил,
родился мальчоночка за ночь —
Она нарекла его Мафусаил
(причем, почему-то Иваныч).
    У речки Зассанки, в районе моста,
    Авдотия свет-Николавна
    на грех повстречала совсем не Христа,
    а видно, того еще фавна!

С чужого голоса

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ РОССИЙСКОГО КОВБОЯ

Запрягите мне срочно карету!
(Так Онегин, кажись, голосил?)
Жить с тобой у меня боле нету
ни терпенья, ни мочи, ни сил.
Опротивели эти скандалы
из-за прошлых моих ран-де-ву,
может быть, я безвинно страдал — и
часто ночью в подушку реву.

Што с того, што с твоею подругой
будто где-то я якобы спал,
ну пошто на всю нашу округу
ты такой закатила скандал?
Ну, а вдруг для тебя я старался,
штоб училась подруг выбирать?
Што ж, выходит, такой я дождался
благодарности, так твою мать?!

А подруги твои, проститутки,
так и шастают к нам неглиже,
заголяют до пояса юбки,
соблазняя законных мужей!
Ты же их наряжаешь в бельишко,
оставляя у нас ночевать.

И... на людях сопливым парнишкам
дозволяешь себя целовать!

Надоели твои обещанья,
што, мол, боле не буду курить,
портить воздух пустыми речами,
пить вино и деньгами сорить,
и в слюнявые грязные морды
всех бродячих собак целовать,
и корить за блатные аккорды,
и гармошку ложить под кровать!

Ты ж вить, в общем, хорошая баба,
када к стенке зубами лежишь:
вот те крест, ты бы стоить могла бы
в деньгах нонешних несколько тыщ!
Только што же за мода такая —
не являться домой ночевать?
Я не сплю ведь, такая-сякая!
Я волнуюсь вить, так твою мать!

На себя от пупка до макушки
побрякушки навешала ты.
Ты ж не ёлка, а... я же не Пушкин,
штоб таскать кажный вечер цветы.
Рази денег с тобой напасёшься —
ты ж теряешь их сразу по сто
и рублём по утрам не несёшься,
я же тоже колхозник простой.

Бох с тобою, живи ты, как хочешь!
Всё одно я с тобой разведусь.
Век, наверно, не станет короче,
как-нибудь без жены не загнусь.

Што ж, прощай, мне в сторонку другую,
а нервишки я приберегу,
сяду в чёлн — и айда за реку!
Не ищи. На другом берегу я —
нам не жисть на одном берегу.

ТЮРЕМНЫЙ РОМАН-С «ТОЛЬКО ТЫ ОДНА МОГЛА Б МЕНЯ СПАСТИ»

(Тюремный романс, написанный под давним и недурным влиянием Александра Новикова, а особенно меланхолии в связи с положением в больницу)

Свет дежурный по ночам горит в бараке,
так что с воли не проскочит даже вошь...
Вот уж год, как за тебя в кабацкой драке
я кому-то саданул под ребра нож.
И словечка не нашлось у прокурора
подобрее, чем от трех — и до шести.
Неужели, ты не знала заговора-приговора —
только ты одна могла б меня спасти.

Широка теперь моя родная зона —
знаю точно: много в ней еще лесов.
Лесорубов, надышавшихся озона,
на ночь крепко запирают на засов.
Но совсем другой косяк и пачка чаю
помогают дурь и душу отвести.
Неужели ты не знаешь: я скучаю, я скучаю —
только ты одна могла меня спасти.

Птахи вольные летают над забором,
следовой не замечая полосы.
И, наверное, довольны приговором
только повар да натасканные псы.
Ты не думай: я совсем не голодаю —
только весточкою с воли угости.
Неужели ты не слышишь: увядаю, увядаю —
только ты одна могла меня спасти.

Ты, наверное, гуляешь на бульварах,
каждый день меняя чистое белье.
А я острою заточкою на нарах
дорогое имя вырезал твое.
Серой пылью или белою порошей
я вернусь домой — и ты меня впусти.
Неужели ты забыла: я хороший, твой хороший —
только ты одна могла меня спасти.

На холодных нарах после угомона
я ни жирных блох, ни денег не кую.
И находят у меня во время шмона
только фотку пожелтевшую твою.
Я давно с судьбою в прятки не играю —
да и в карты перестало мне везти.
Неужели ты не слышишь: умираю, умираю —
только ты одна могла меня спасти.

Я суда уже — и зла не помню тоже:
я ж сюда не мемуары сел строчить.
Не забыть мне только той поганой рожи,
что тебя посмела словом огорчить.
Оттого что я промазал, я дурею —
пальцы так и собираются в горсти.
Неужели ты не веришь: не жалею, не жалею —
только ты одна могла меня спасти.

Может быть, я сделал доброго не много —
но и худа я не делал никому.
Почему же ты не пишешь, недотрога,
и не шлешь привета сердцу моему...
И на гуще чифир-бака я гадаю
ночкой темною от трех — и до шести.
Неужели ты не видишь: пропадаю, пропадаю —
только ты одна могла б меня спасти!

ПОХМЕЛЬНАЯ АБРАКАДАБРА (ПРОЕЗЖАЯ ОКРАИНОЙ ВИЗа-6)

Кобель со взмыленною холкой
бежит трусцою с барахолки.
Дома, посыпанные хлоркой,
имеют жалко-бледный вид.
Сгоревший хлам темнеет горкой,
и одноразовой иголкой
под свежевыброшенной елкой
в зубах шурует индивид,
торговли частной инвалид.

У зубочистья дуб высокий,
на нем покойник волоокий,
белеет парус одинокий
его исподнего белья —
ужо он счастия не ищет.
Облезлый кот хурмою дрищет.
Играют свадьбы, шафер свищет
под дудку местного жулья —
его с утра зовут Илья.

Зима... Легавый, торжествуя,
встает на вахту трудовую;
его перчатка, куш почуя,
шлагбаум-жезлом шевелит —
бликует краденое солнце
на тусклом золоте червонца.
Приют убогого чухонца
изящной рифмы не сулит...
ну вот, к примеру — сателлит!

Мороз и солнце — день чудесный
для седока в уборной тесной,
его субстанции телесной
не страшен даже серый волк —
он дядя самых честных денег.
А в ста шагах жует вареник
еще один российский пленник,
оставив свой кавказский полк, —
уж он в пельменях знает толк!

Жует налево — песнь заводит,
жует направо — хороводит,
нерусский дух в желудке бродит,
русалка промеж ног сидит.
Гуляет ветер в чистом поле,
я вам пишу — чего же боле?
Над нами измываясь вволю,

труба завода всё смердит.
Народ Зимбабве победит!

ПОСЛАНИЕ К Е.Л.

Я Вас любил! — по крайней мере, думал,
что полюбил, пусть и в последний раз.
Сам удивлялся, что ещё могу, мол…
не просто так… продавливать матрас.
Сам пред собой ребром вопрос поставил,
и он стоял полгода между ног.
И сам себя же уважать заставил —
а ведь вполне и не заставить мог.

А что же Вы? — меня вы не любили:
я был Вам нужен просто для утех.
Вы веру у меня в любовь убили —
как убивали, знать, ещё у тех…
Но, коли Вас в ночи сомненье гложет
насчёт любви, не тщитесь всё забыть:
я Вас любил, любовь ещё быть может —
хотя, конечно, может и не быть.

БЫВШЕЙ СОКУРСНИЦЕ

С годами мы уже не так капризны
и красоту находим в естестве…
Я встретил Вас спустя четыре жизни —
коль бывших жён считать одну за две.
Я встретил Вас — и в сердце всё былое,
и всё такое в теле ожило…
И я вдруг что-то брякнул про алоэ
в ответ на Ваше сонное «алло».

А ожило довольно много в теле
(здесь «телефон» имеется ввиду) —
к примеру, две или же три недели,
забыл в каком, но том ещё году,
в какие (Вы не помните, конечно,
не делая зарубок на ремне)
я Вас любил так искренно, так нежно —
Вы ж отказали в женской ласке мне.

А мне её как раз и не хватало
без всяких слов, метафор и прикрас.
И надо мной вся группа хохотала,
когда я Ваш невежливый отказ
от пары крыл и пламенного сердца,
прижав одни к другому, гордо нёс.
А рядом крыл с восторгом иноверца
кудрявую болонку пегий пёс.

С тех пор минуло лет примерно десять
или двенадцать — то есть целый круг…
И на каких весах возможно взвесить,
мой строгих правил вожделенный друг,
былой любви весомые потери —
в трофеях лишь Ваш сын и моя Дочь.
Ужели мы, как сонные тетери,
проспали ту, Вальпургиеву, ночь?

Так не пора ль пленительного счастья
взойти звезде, воспрянувшей от сна!
Я позвоню — Вы мне ответьте: «здрасьте» —
промямлю я, мол, на дворе весна
и… далее — согласно вдохновенью
и такту в цилиндрической груди.
А что до, кхм, до чудного мгновенья —
у нас весь век почти что впереди!

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ

Все меньше стоящих стихов, поэм и басен —
и мостовые, в смысле качества, плохи.
Поэт, сидящий за рулем, вдвойне опасен —
как и шофер, в кабине пишущий стихи.
Другое дело, если, скажем, рыбку удишь
иль за обабками охотишься, как ёж.
А тут известно: молча едешь — дальше будешь,
а пишешь дома — еще дольше проживешь.

Еще вчера мы были легкими на ногу,
а нынче меньше пешеходов на Руси.
Вот так уходят и поэты понемногу —
кто в машинисты, кто в матросы, кто в такси.
И что с былой литературной перебранкой
в сравненьи нынешние ратные бои:
ведь коль поэт засел сегодня за баранкой,
вчерашний критик — обязательно в ГАИ.

И если вдруг поэт за рифмой зазевался
и посягнул на ПДД — гаишный «РАФ»
уж тут как тут: «Ну, что ж вы так, товарищ Вася,
ведь там же знак — да вы к тому же и без прав?!»
Сказать по правде, что случается и эдак
на наших улицах — чего греха таить:
поэт с правами за баранкой так же редок,
как и гаишник, не умеющий доить.

И потому ко всем рулящим экс-поэтам
я обращаюсь — не как брат, а как отец
трехлетней дочки — с убедительным советом:
пора заканчивать с бесправьем, наконец!

Всучим широким «адидасовским» штанинам
бесценный груз — права ОСОАВИАХИМ...
Поэтом можешь ты не быть и гражданином —
так хоть шофером быть обязан неплохим!

ПРО КУРСЫ КРОЙКИ И ШИТЬЯ

Ни покоя, ни житья — трудности момента.
Курсы кройки и шитья для «интеллигента».
В чём и теплится душа — ни костей, ни сала.
Только шёпот, чуть дыша: чтоб ИМ пусто стало...

Да не густо самому, ножницы — не гири.
Нужно сердцу и уму ласки в этом мире.
Вот и крынка под рукой, крынка да коврига.
Час учения, другой — никакого сдвига.

Кошка чёрная в грязи белый снег лакала.
Чёрно-белое джерси, выкройки-лекала.
Ниток порвано с горой, липа да берёза.
Месяц кончился, второй — ни коня, ни воза.

Кот облизывал усы и дремал на лавке.
Вроде кроятся трусы — а выходят плавки.
Шлейки-бейки, бахрома, кепочки-беретки.
За полгода — ни хрена, да и редьки редки.

Ни покоя, ни житья — ни душе, ни телу...
Курсы койки и питья — непростое дело,
не из лёгких ремесло (быть точнее — оба).
Так по первое число кончилась учёба.

Не умеривал свой пыл, спорил, горячился —
чижик-пыжик, где ты был и чему учился?
Тюси-пуси, ля-ля-фа (повторить два раза):
Кройка — это не лафа, и шитьё — не маза.

Безрукавое пальто — кур и насмешили.
Накроили чёрт-те что, ничего не сшили.
«Тихо плещется вода — голубая лента.
Вспоминайте иногда вашего студента».

СКАЗКИ СВЕРДЛОВСКОГО МЕТРО

А я иду, шагаю под Москвой...

В семь вечера, а может, в семь утра —
они и наверху неразличимы —
вкушаю я от прелестей МЕТРА,
на то имея смутные причины;
точней, МЕТРЫ, иль всё-таки МЕТРО? —
пускай филолог в том соображает;
и это написание, и то
всех прелестей МЕТРА не отражает.

Вот вам трамвай неслыханной длины —
как три, к тому же спаренных, трамвая,—
одновременно с левой стороны
двадцать четыре пасти открывая,
отрыгивает, словно бы удав,
едва лишь переваренную пищу —
и никому опомниться не дав,
он новых жертв заглатывает тыщу.

А в чреве том и сухо, и светло,
не холодно — однако, и не жарко;

брюшной стены дюймовое стекло —
достаточно прозрачное; и жалко,
что большей частью наш смиренный путь
никто или ничто не освещает —
но это обстоятельство ничуть
в утробу угодивших не смущает.

Напротив: они будто бы бодры,
спокойны — в крайнем случае, угрюмы;
и, прелестями пользуясь МЕТРЫ,
ушли в негосударственные думы —
кто с головой, кто с головы до пят;
но, если приглядеться, среди пира
материи — шедевры возопят,
достойные Ван Гога и Шекспира.

Бесцветный некто в бежевом пальто
взахлёб читает жёлтую газету —
и это обстоятельство, и то
вполне по вкусу шустрому соседу
по правый от читателя карман;
возможно, я опять сгущаю краски,
но — их непродолжительный роман
весьма активно близится к развязке.

И нам пора. Действительно — пора
на воздух, как приспевшему арбузу;
до вечера (а может, до утра)
оставим ископаемую музу —
у выхода, прищурившись хитро,
сидит она в фуражке ярко-алой...
А я иду, шагаю из МЕТРО —
но я прийти ещё смогу, пожалуй!

ИЗ ЦИКЛА «С МИРУ ПО СТРОЧКЕ»

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ,
как слава наша отзовется.
Как всем ославленным живется —
ее ж ни бросить, ни продать!
И потому кропаю в стол —
и нету тут ни слова фальши.
И если так пойдет и дальше,
то проживу еще лет сто!

ТАЛАНТАМ НАДО ПОМОГАТЬ
хотя бы нашими деньгами.
Талант — ведь он всегда с долгами,
поскольку он не может лгать,
когда бездарности не прочь
в кафе просиживать часами...
Бездарности сопьются сами —
таланту надо в том помочь!

Сказал один, как я, поэт:
БЫТЬ ЗНАМЕНИТЫМ НЕКРАСИВО!
А я в пределах жилмассива
уже известен много лет.
Так что ж, меня теперь убить
в моей халупе одноместной?
И я, как принц один известный,
гадаю: быть или не быть?..

Ну вот, опять она ушла,
забрав с собой свои манатки.
А что — с меня и взятки гладки,
и у меня любовь прошла.
Такой бесхитростный гамбит
не в первый раз со мной выходит:
ЛЮБОВЬ ПРИХОДИТ И УХОДИТ —
в глазах уж от нее рябит!

ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ! —
представь себе, какое счастье:
не надо сердце рвать на части
и о желудке — позабыть!
Тебе ужасно повезло
из нас двоих — ведь я при этом
никак не мог не быть поэтом,
я должен быть им как назло!

КРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ,
а жалко — вовсе не мешало б
ввести, допустим, «книгу жалоб»
на китч, безвкусицу, фетиш...
И вот вчерашних дней кумир,
как тот король, остался б голым —
его б отправили к монголам.
А красота спасла бы мир!

Опять за окнами зима.
Глубокий снег. Собачий холод.
На небе серп. На сердце молот.
В сугробах по уши дома.
А сколько лубочных легенд
про эту пору существует...

ЗИМА — КРЕСТЬЯНИН ТОРЖЕСТВУЕТ!
Но вновь хандрит интеллигент.

Вчера поссорились опять.
А начиналось все красиво —
она вина подлить просила
и завести часы на пять...
Еще полным-полно вина,
да и закуски до отвала.
Чего еще ей не хватало?..
ТОВАРИЩ, ВЕРЬ — ЗАЙДЕТ ОНА!

Как было весело вчера!
И ты — как ты была прекрасна!
И опасалась, но напрасно,
что не заснем мы до утра.
Ведь для дальнейшего едва-
едва нашел я вдохновенье...
Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ —
как жаль, что было их не два.

Она пришла ко мне сама.
Пришла одна, но с толстой книжкой.
Я рядом с нею был мальчишкой —
ведь я по ней сходил с ума!
Когда ж сняла она пальто,
всю ночь читали мы с Аленой:
«У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ...» —
и этот дуб, наверно, кто?

Мне быть писателем дано —
и в этом есть семейный фактор:
мой дядя главный был редактор
в одном издательстве давно.
Стоял в начале всех начал —
почти что как апостол Павел...
МОЙ ДЯДЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ —
ну, а потом уже стучал.

Как все же скучно одному
и вечерами, и ночами,
ведь уж и годы за плечами —
толкают в спину, гонят в тьму...
Когда мне снится страшный сон —
как я протягиваю ноги, —
БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ
моих нестиранных кальсон.

Ночь пролетела, как сова.
Семь без пятнадцати. Светает.
Табачный дым кругом витает.
Витают в воздухе слова.
Какой мне в этом интерес —
их собирать на голом месте?
ПОГИБ ПОЭТ — НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ!
Невольник глупости — воскрес...

Жизнь замечательных людей

(светлой памяти Сережи Нохрина)

ИЛЬЯ РЕПИН

Художником ИЛЬЯ ЕФИМЫЧ РЕПИН
зело отменным был, без дураков.
И глаз имел, и быт великолепен —
по должности. Покуда бурлаков
его господь однажды не сподобил
живописать — будь проклят этот час!
А час его почти что смертный пробил:
в его обитель тихую тотчас
«натура» потянулась христа-ради
выпрашивать от барского стола
провизию, питье, табак, тетради,
холсты и краски... И с ума б свела
его вся эта рвань, могло бы статься,
каб на нее с прибором он не клал:
«Идите-ка вы... вверх по Волге, братцы!» —
по матушке их так и посылал.

КОНСТАНТИН СТАНИСЛАВСКИЙ

КОНСТАНТИН СЕРГЕИЧ СТАНИСЛАВСКИЙ
был весьма охоч до женской ласки.
Обожал во МХАТовских кулисах
отдыхать душою на актрисах.
А порой, в порыве оголтелом,
отдохнуть не брезговал и телом.
Но потом, подобно мавру-зверю,
их душил он с воплями: «Не верю!..»

ВАСИЛИЙ ПОЛЕНОВ И АЛЕКСЕЙ САВРАСОВ

Как-то раз, в XIX-м веке,
расплодились кругом гомосеки,
проросли на дворе как грибы — и
будто как на подбор голубые.
Бил их как-то художник ПОЛЕНОВ —
да не до смерти пакостных членов,
а потом бил художник САВРАСОВ —
тот под корень извел пидарасов.
И поскольку стал дворик ничей,
там последний рисует грачей.

ЭДУАР МАНЕ И КЛОД МОНЕ

Во французской стороне
жил художник КЛОД МОНЕ —
ловелас, повеса, фарт.

А еще жил Эдуар —
только, думается мне,
ЭДУАР-то был МАНЕ...

НИКИТА МИХАЛКОВ

Режиссер НИКИТА МИХАЛКОВ
как-то раз кино про пианино
целый год снимал, тянулись дни, но
вышел весь бюджет — и был таков.
И тогда Никита, будь здоров,
за неделю снял «Пять вечеров»!

ФИЛ И БИЛЛ

Жил одинокий богатей,
известный всем как Фил:
хоть был в годах, любил детей —
но был не педофил.
И жил юнец по кличке Билл,
на выдумку горазд:
богатых старцев он любил —
хоть не был педераст.
И как-то ночью ФИЛ и БИЛЛ
столкнулись к носу нос:
а кто кого перелюбил? —
вот в том-то и вопрос...

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

АЛЕКСЕЙ МАКСИМЫЧ ГОРЬКИЙ
(а в девичестве — Пешков)
страсть любил вечерней зорькой
побродить окрест пешком,
ненароком выйти в люди,
после пИнгвина поймать —
и, макая в хрен на блюде
злую птицу, вспомнить — Мать.

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬИЧ ГОГОЛЬ
был ли чертом, верил в Бога ль —
мы не ведаем о том.
Но бывало: ляжет в койку,
а представит птицу-тройку —
и давай стегать кнутом!
А еще: упрется рогом
и представит койку гробом,
и — айда летать на ней.
И горланить богу в уши:
«Хоть и мертвые, но души
доживут до лучших дней!»

Нетрезвые посвящения

АЛЕКСАНДРУ БАШЛАЧЕВУ

Сколько жить ещё, Господи, в этом маразме?!
Неужели и выходов — только в окно?..
ХОЛОДИЛЬНИК НА КУХНЕ ЗАТРЯССЯ В ОРГАЗМЕ,
ТЕЛЕВИЗОР МОРГАЕТ В ПРИПАДКЕ — КИНО...
Я не пьян, нет, ну что вы, скорее напротив —
трезв как стёклышко-горлышко, более чем...
Понимаю — кино... я смотрю его... вроде...
не пойму — с какой целью?.. не знаю — зачем?..
И потом — как я тут, в посторонней квартире?..
да тем паче — один?.. и тем более — ночь?..
У СМЫВНОГО БАЧКА — ЧТО ЗА СТЕНКОЙ В СОРТИРЕ,
НЕДЕРЖАНЬЕ ДАВНО — И ЕМУ НЕ ПОМОЧЬ!
Возвращаюсь в себя: я жи-ву тут... не-дав-но...
я сни-ма-ю квар-ти-ру... за сто пятьдесят...
Нет, не пять комнат — две... ну а, в общем-то, славно:
и тепло, и светло... как у трёх поросят.
Почему же один? Ты ж прогнал её, помнишь?..
И остался один... Это было вчера.
Ты мечтал отдохнуть? — что же, Бог тебе в помощь,
наконец-то покойны твои вечера!
Что касается ночи — тут тоже несложно:
Рождество наступило, слышишь ты, Рож-дес-тво?!
Чем ещё не маразм, коль такое возможно:
ночь... пустая квартира... один... Торжество
для отшельника.

Что ж, с Рождеством тебя, разве...
не такого хотела гордыня твоя?

Холодильник на кухне зашёлся в оргазме—
это значит кончает...
Закончу и я.

АНАТОЛИЮ КАШПИРОВСКОМУ

Мне снился сон (ей-богу, я не лгу):
текла река — и в пойме было влажно;
и я стоял на ПРАВОМ берегу —
а может, и на ЛЕВОМ, что не важно, —
ведь берег был другой весьма далёк,
едва лишь в дымке видясь предрассветной;
но — я поплыл, и на спину я лёг,
одной ноги движеньем чуть заметным
развив порядка тридцати узлов —
в буквальном смысле крейсерскую скорость, —
и не хватало в подсознаньи слов,
чтоб объяснить членораздельно корысть
в такой вот прыти; и, куда глядят
глаза, я плыл — они глядели в небо;
и будто безнаказанности яд
пронзил мой мозг: а отчего же мне бы
не взле...? — и вседозволенности мёд
обжёг меня от члена и до члена;
и — я взлетел, как гидросамолёт,
из водяного вырываясь плена —
и попадая в плен совсем другой,
теперь воздушный; и, зависнув на миг —
едва заметно шевеля рукой,

Поправ законы аэродинамик
(а может, и ПОЛЕВ, что всё равно), —
безмолвный, бестелесный и бездушный,
я полетел весомо, как бревно,
и невесомо, будто шар воздушный,
включая произвольно то форсаж,
то тормоза воздушные включая —
простит же мне ПИЛОЛОГ сей пассаж;
и я парил, совсем не замечая,
что это сон — считается при том,
что ты растёшь иль просто обмочился;
но я воздушно-капельным путём
своим летел — по-своему влачился;
и где-то парашюты и мосты
внизу горели, синим пламенея…

А в жизни я пугаюсь высоты —
при всём при этом плавать не умея.

ФРАНЦУ КАФКЕ

Звездного неба мудреная перфокарта
режет глаза без звездозащитных очков.
И смутно-таки угадывается квинта, нежели кварта,
в неслаженном двухголосьи полночных сверчков.
А впрочем, что они могут смыслить в диез-бемоли —
или как там еще называют сей тяжкий крест?
Но вот если в глазах твоих рябит еще и от моли,
значит, она ежедневно тоже что-нибудь ест?

А знакомый паук опять с ногами забрался в ванну
и катается с горки себе, а вовсе не ловит мух,

что в стакан с вином погружаются как в нирвану,
пользуясь тем, что я весь обратился в слух —
и блевать хотел на все, включая стаканы,
но... раздумал блевать — по крайней мере, пока.
И вот уж совсем потерявшие стыд тараканы
прямо на мне устраивают свои тараканьи бега!

А жирная мышь, вопреки расхожему мненью,
расхаживает прямо по кухне, топая, как олень!
И чем еще объяснить, как не собственной ленью,
то, что мне ее даже отчитывать лень?!
И, попадая в тональность минорного лада,
за стенкой скулит и скребется соседский пес...
Выпить что ли еще? или больше не надо?? —
— вот в чем вопрос.

ГОРБАЧЕВУ-ЕЛЬЦИНУ

Подставив март, ушёл на пенсию февраль —
обвёл вкруг пальца всю приёмную комиссию.
И во дворе несёт единственный фонарь
на всю округу просветительскую миссию;
несёт с достоинством столба свой тяжкий крест,
что пот со лба двухсотпятидесятиваттного.
И, как всегда у нас, посадят под арест
в сём безобразии совсем не виноватого.

Но на душонке отчего-то хорошо,
а что грустить — и в этот раз меня не тронули.
А с неба сыплется стиральный порошок
на зависть чёрную, на кошку, на ворону ли —

да вряд ли их уже успеет отбелить,
хотя б и в свете комсомольского прожектора.
Тем паче — если его взять и распылить
над всем участком участкового инспектора.

А впрочем, полноте, бог с нею — с белизной,
уже в глазах рябит от мира чёрно-белого.
Да будет мартовская власть непоказной,
избави Бог нас от начальства неумелого.
Долой же тьму былой зимы, да будет свет! —
сказал электрик, распахнув одежды ватные, —
и перейдут в ближайшем будущем на цвет
экраны окон суперширокоформатные!

Давно замечено, что новая метла
метёт по-новому — и март уже старается
следы предшественника вывести дотла.
И те, хоть нехотя, но всё-таки стираются
по малой толике, по грамму, по пятну —
ему, родимому, на теле малой родины...
Вот только лампочку по-прежнему одну
реформы века предусматривают вроде бы.

ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ

Все когда-то кончается,
даже столетние войны —
что уж тут говорить
о какой-то несчастной бутылке.
Лишь покойники — те,
как и им подобает, покойны,

оставляя живым
характерную тяжесть в затылке.

В убиении есть
что-то от синтетической елки,
от бумажных цветов,
париков и искусственной кожи.
Впрочем, полноте:
были бы овцы — найдутся и волки.
Ну, а как не найдутся —
скажите на милость: то кто же?!

Если разум — и тот
допускает в природе изъяны
(что отбором естественным
названы редко и метко),
то какой уж тут спрос
с самой что ни на есть обезьяны
(по тому же сценарию —
нашего дальнего предка).

Мирный образ ежа
не дано угадать в дикобразе,
а печальники — те,
как и им подобает, печальны.
Все когда-то случается —
те же случайные связи,
что при пристальном взгляде снаружи
отнюдь не случайны...

АЛЬФРЕДУ ХИЧКОКУ

Потела ночь. Луна была бледна.
Бесстыже море с берегом лизалось.
Я был один и ты была одна —
по крайней мере, так нам показалось.
И показалось кое-что еще,
к примеру — то, что мысли наши схожи...
И я вонзил клыки в твое плечо
из загорелой натуральной кожи.
И ты свои вонзила в шею мне
чуть-чуть повыше области ключицы.
И, полыхая в страсти, как в огне,
мы с жадностью волчары и волчицы
хлебали кровь горячую, как чай,
и приторную, что твой сок морковный.
И только мысль мелькнула невзначай
о нашей совместимости о кровной —
в разрезе ее резусов и групп,
но были опасения напрасны:
я был не труп и ты была не труп,
наоборот — мы были так прекрасны,
что даже экзотический ландшафт
бледнел, покуда, венами играя,
мы пили кровь с тобой на брудершафт —
и не было ее конца и края.
И, намертво сцепив ладони рук
и не тая надежды на прощенье,
мы превращались в неразрывный круг
общения и кровообращенья:
мы были мы, мы были два крыла,
анод с катодом, косинус и синус...

Я был женат, ты замужем была —
и это был единственный наш минус.

ЮРИЮ ШЕВЧУКУ

Поздняя осень... ноябрь за окошком —
снег экономя, транжиря тепло —
фору даёт заблудившимся кошкам.
А ведь, по первое всыпав число,
в прошлые годы гуляли метели!..
Хочешь — не хочешь, а тянет к перу:
«Поздняя осень... грачи улетели», —
впрочем, про птиц я, возможно, и вру.

С дочкой я не был давно в зоопарке:
дочка болела — и я вместе с ней.
Присные «В мире животных» в запарке
нам показались гораздо вкусней.
Так что: простят МЕНЯ гордые птички
да погодят ЕЁ теплые дни,
что догорают как шведские спички —
впрочем, довольно, при чём тут они?..

Дни сочтены для разутой машины —
я ж всё ищу, памятуя совет,
зимне-лохматые шведские шины
(не «гисла-ход», но и не «везде-вед»).
Спорить не буду про викингов: били
Невский с Харламовым их, как котят —
только противные автомобили
слышать о том ничего не хотят.

Но — и терпенье уже на пределе
(как говорится, бензин на нуле):
сплю на ходу я на этой неделе —
спит колымага в своей конуре.

Знаю одно: чёрно-белым иль в цвете
серое облако снится во сне — к
осени долгой... Лишь вредные дети
ждут, что из облака выпадет снег.

ЕВГЕНИЮ МАТВЕЕВУ

Да какая к чёрту любовь — пустое!
Только задним числом понимаешь: похоть.
Если, в очередях за буханкой стоя,
можно точно так же ахать и охать.
Если так же заметно корёжит лица
на подходе к гирляндам свиных сосисок.
Ну, а коли уж нечем другим хвалиться,
огласите и мой донжуанский список.
Он и промтоварный, и продуктовый,
и посудо-хозяйственный даже где-то.
Да — и винно-водочный... только кто вы
есть такой, чтоб меня осуждать за это!

Лучше б вы на себя почаще глядели —
а ещё очки в дорогой оправе...
Где же были вы, когда нам галдели
о моём вполне легитимном праве
на полезный труд и активный отдых,
и моей потребности что-то хавать.
Я бы мог купаться в нейтральных водах —
кабы мог по-собачьи хотя бы плавать!
Но какие воды к чертям — пустое.
Ведь, стихию им предпочтя иную,
не могу отоварить с времён застоя
я талончик свой на любовь земную.

АЛЬБЕРТУ ЭЙНШТЕЙНУ

Алкаш, источая парфюм, что устойчив и резок,
лежит под забором как мертвый — и даже не бредит.
А вот вам машина — казалось бы, груда железок,
но тоже напьется какой-нибудь дряни — и едет!

Шальной таракан обронил невесомое тело
свое с подоконника на пол — крылат, да не птица!
А может, ему (как и нам) просто жить надоело —
да собственный вес маловат, чтобы насмерть разбиться.

Порою пятнадцать минут в ожиданьи трамвая —
как целая вечность в сравненьи с каким-нибудь актом.
Но будто бы кто-то сказал, что вся скорбь мировая
не весит ребенка единой слезы — или как там?

Как все относительно — впрочем, и эта химера
не стоит обыденных слов «ты меня уважаешь?».
И что еще есть, как не «самая высшая мера»,
когда ты от дочки на целых три дня уезжаешь!

Валяйте на полюс, кому надоело по кругу
ходить без конца и гадать: уродится ли клевер?
На Северном льды — зато все направления к югу,
на Южном снега — но все компасы целят на север...

ИВАНУ МИЧУРИНУ

Посади меня в землю,
зарой по колено в нее,
утопчи и полей
ключевою холодной водицей —
и, пока не привьюсь,
проследи, чтоб меня воронье
на корню не склевало бы
в духе вороньих традиций.

И я корни пущу —
и пущу их, даст бог, глубоко;
набурю под землей я
ходов сообщенья и скважин —
и по ним допьяна
буду пить из нее молоко.
И похмельный синдром
для меня будет больше не важен.

. . . . . .

А весною, когда
отойдут холода и снега,
ты мне кожу надрежь —
и пущу я до неба побеги.
И под тяжестью неба
моя костяная нога
навсегда похоронит
крамольную мысль о побеге.

И я буду цвести,
как другие деревья вокруг —
обрастая листвою, корою

и доброй молвою…
Посади меня в грунт,
посади поскорее, мой друг!
А не то посажу себя сам —
только вниз головою.

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

За окном крещенский вечер.
И, с цепи сорвавшись, ветер
снег с деревьев рвет и мечет
поздним путникам в лицо,
будто спелые початки
или белые перчатки.
И до лестничной площадки
запорошено крыльцо.

Хорошо в такую стужу
из окна глядеть наружу
и хлебать — за лужей лужу —
чай из блюдца с голубой,
золотистой ли каймою
с добрым кумом иль кумою,
дуя в блюдечко немою
оттопыренной губой.

Хорошо в такую вьюгу
отлететь душою к югу —
к закадычному ли другу,
к записному ли врагу.
И на сахарном песочке

греть простуженные почки,
нежа пятки и носочки
на кисельном берегу.

Хорошо в такую темень
обращаться к вечной теме
смысла сущего — и с теми,
кто не верит в таковой,
в сотый раз не согласиться;
а душой переместиться
в край березового ситца
или липы вековой.

Хорошо в такую пору
напиваться до упору,
находя себе опору
в теплой плоскости стены
рядом с газовой горелкой,
также — в скорописи мелкой;
и — летающей тарелкой
плыть над плоскостью страны.

ШАРЛЮ ЭДУАРУ ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

Опишу тебе быт, что расскажет про бытиё
больше, чем сам я — и уж тем более Заратустра...
Типовая хрущоба, а в самом центре неё —
лампа в патроне (она же, практически, люстра)
на шестьдесят, семьдесят пять или сто свечей —
это зависит... да ни от чего не зависит это.

Стол, раскладушка, шезлонг, а из прочих вещей —
подоконники предположительно белого цвета;
и они же — по совместительству — стеллажи
для книг, журналов, газет и извечной пыли,
что день ото дня наращивают тиражи;
а более полок нет — хоть когда-то и были.

Да и стол лишь условно можно считать столом,
а не старой картонной коробкой от пылесоса —
о которую периодически бью челом
(выражаясь высокопарно о кончике носа),
засыпая над ворохами каких-то бумаг —
как хоккейный фанат на матче по ватерполо.

Позвоночник же лишь одной раскладушки гамак
признаёт, выгибаясь с нею до самого пола;
и что совсем уж странно: даже лёжа на животе
в своей тарелке брезентовой, как говорится,
сплю без задних ног — и последней лагерной вшивоте
в самом страшном сне подобное не приснится,
потому как вряд ли удастся заснуть вообще;
вот и я в кроватях с известным налётом лоска
силюсь впасть не в пасть, а в объятья Морфея вотще —
ведь в перинах мне, как иному на нарах, жёстко
(и это мягко ещё каламбуря и говоря!).

Оттого-то шезлонг мне милее, чем стул и кресло,
вместе взятые, что повадками дикаря
первобытная сущность в теле моём воскресла
с головы до пят, от волос и аж до костей
пробуждая гены далёких пещерных предков.

А для обыкновенных (суть цивильных) моих гостей,
что меня посещают — хотя и довольно редко, в
уголке пещеры — на голом её полу,

отродясь не видавшем ни шкуры и ни паласа, —
распласталась оранжево с голубыми цветами полу-
тораспальная туша надутого кем-то матраса;
и, когда мне порою приходится спать на ней —
ради простого и даже сложного интереса, —
так становится неуютно, но вместе с тем и видней,
насколько же я отстал уже от прогресса.

АРМЕНУ ГРИГОРЯНУ И ГРУППЕ «КРЕМАТОРИЙ»

Холодно... Боже, как холодно!
Холодно, будто в раю.
Слуги бессмертного Воланда
рыщут по душу твою
по закоулочкам города,
что просквозило насквозь.
Главным Начальником Холода
месяц подвешен на гвоздь.

Утром холодным процессия
будет его провожать.
Двадцать три градуса Цельсия —
самое время лежать
в мертвенном свете прожектора.
Но, только город уснёт,
скальпель холодный прозектора
тело твоё полоснёт.

Станет теплее, наверное,
градусов, может, на пять.

И окончание нервное
дёргаться станет опять
в такт капле крови оттаявшей,
об пол стучащей в ночи.
Ангел, уже отлетающий,
будет сидеть на печи.

В ней будет жарко похрустывать
чья-то вчерашняя плоть —
ты же опять будешь чувствовать,
как твою душу колоть
иглы начнут, позолочены,
жадно вгрызаясь в плечо...
Детские игры закончены
в «холодно» и «горячо».

НИКОЛАЮ ГОГОЛЮ

Вышли мы все из шинели...

«Дядя, подайте на хлебушек!» (Что ж я —
нехристь какой-нибудь?) «Вот вам косарь.

Чьи же вы будете?» «Дети Поволжья», —
мне не моргнув, отвечает главарь,

видимо, целой летучей бригады —
самый отвязанный полишинель...

Внуки детей ленинградской блокады
вышли — полвека спустя — на панель.

Внуки внучат плодовитого Шмидта
вышли до времени из берегов —

белыми нитками грубо зашита
будничность серая их обшлагов.

Правнуки внуков детей Подземелья
греют персты в переходах метро —

рано познавшему горечь похмелья
небезразлична и терпкость ситро.

«На ещё штуку», — я подал. И молча
он испарился — как воздух, как газ.

Что-то до боли знакомое, волчье,
брызнуло из настороженных глаз.

АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Ты разбудишь меня на рассвете,
голосистая радиоточка,
раскудахтавшись — что твоя квочка,
под крыло собирая цыплят.
Не буди ты меня на рассвете —
мы давно уже, право, не дети.
У меня нынче взрослая дочка,
выходной — да и ноги болят.

Ты разбудишь меня на рассвете,
чувство голода, локтя и долга —
и чего-то ещё, когда долго
кто-то кое-куда не ходил.
Не будите меня на рассвете —
бреет шею сосед в туалете,

а мне снится не матушка-Волга,
но — зелёный такой крокодил.

Ты разбудишь меня на рассвете,
луч в окно заглянувшего солнца, —
и покажется сразу оконце
мне с овчинку — и ту со слона.
Не буди ты меня на рассвете —
не буди мою память о лете,
головёшку пронзая до донца,
в смысле — память до самого дна.

Ты разбудишь меня на рассвете,
мой загнувшийся внутренний стержень,
что дурацкой привычке подвержен —
раз в году разгибаться во сне.
Не буди ты меня на рассвете:
я теперь СУЩЕСТВУЮ на свете,
а в эмоциях скромен и сдержан —
и не делаю скидок весне.

Ты разбудишь меня на рассвете,
скучный сон или возглас наружный, —
и напомнит мне кашель натужный,
что пора собираться к врачу.
Не буди ты меня на рассвете:
это только я с виду в расцвете
сил и лет — никому я не нужный...
Я проснуться совсем не хочу.

СЛАВЕ БУТУСОВУ И ФАНТОМ-ГРУППЕ «НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС»

Мертвою хваткой из сумерек выхвачен,
в свете прожектора падает снег.
Будто из мрамора розгами высечен,
вдоль по дороге идет человек.
Что его за полночь из дому выгнало
в саване белом из снежного льна?
Спину свою полумесяцем выгнула
в знаке вопроса старуха-луна:
кто это, кто это?..

В хрусте под пятками снежного крошева
слышится кем-то взводимый курок.
Может быть, это воскресший из прошлого
бывший, а ныне опальный пророк?
Может, он долго и тщетно пытается
вытоптать-вычертить замкнутый круг.
Может, чужими он снами питается.
Может, он враг — ну, а может, и друг.
Кто это, кто это?..

Может быть, это неделю не евшая
грешная плоть, что бредет чуть дыша?
Может быть, это взлететь не успевшая
вовремя в небо святая душа?..
Если достигнет он славкиных почестей,
после постигнув, что все суета, —
есть, значит, правда в его одиночестве,
вечная правда — а в ней мерзлота.
Где это, где это?..

ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ

Ничего-то у нас не выйдет —
в вечном смысле, а не вообще.
Даже если и бог не видит,
так как спит в этот час. Вотще
предаваться ли нам обману,
продаваться ли не за грош?
Коли вечность не по карману —
то всегда по карману ложь.

Притворимся, что будем долго
нога об ногу жить и быть —
и не только из чувства долга.
И попробуем позабыть
день недели, число и месяц,
время года, и год, и век;
Южный крест или полумесяц,
альф названия и омег.

Позабудем про чувство меры
и про пошлое «се ля ви».
И на толике прошлой веры
от надежды и до любви
доберёмся, бог даст-не выдаст
(а тогда уж свинья не съест).
И мы купим себе на вырост:
полумесяц — тебе, мне — крест.

Наше крепкое чувство локтя
и последний дурак поймёт,
когда выпьем мы ложку дёгтя
со дна бочки с названьем «мёд» —

и умрём в один день недели,
час, минуту, секунду, миг…
В том, что этого мы хотели,
у меня нет прямых улик.

ЧИЖУ (СЕРГЕЮ ЧИГРАКОВУ)

По миру мыкая горе
или напившись в говно,
комнату с видом на море
снять я мечтаю давно —
что-нибудь хижины вроде,
что на ветру не трещит.
«Хижина дяди Володи» —
правда, нехило звучит?
Взял бы туда я с собою
МИНИМУМ личных вещей:
блюдце с каймой голубою,
пару тарелок для щей,
примус, солдатскую ложку,
жидкость для полости рта;
самое главное — кошку
(или точнее — кота);
пару битловских пластинок
(лучше, конечно, пяток);
стоптанных пару ботинок;
лапу, пилу, молоток,
дратву, кусачки, напильник;
грелку, аптечку, шприцы;
сломанный старый будильник;
бритву, расчёску, щипцы;

пуговки, кнопки, замочки,
старый, но верный мундштук;
фото единственной дочки
в энном количестве штук;
письма, открытки, записки —
в сумку на самое дно;
три прошлогодних ириски
к чаю — и чай заодно,
мебели МИНИМУМ тоже
(я ведь не джон, а иван):
кресло искусственной кожи —
было бы лучше диван
(он и матрас, и подушка —
телом и духом согрет),
впрочем — сойдёт раскладушка
или складной табурет,
плюс обязательный столик —
старый к нему «ундервуд»;
крестик нательный — и нолик,
что обручальным зовут
(вечно недобрая память
заживо брошенных жён —
славой посмертной пока ведь
я их дурной окружён);

прочее — нитки-иголки,
ножницы, скрепки, ножи;
разве что — книжные полки
или, верней, стеллажи —
прямо от пола до крыши
и от двери до окна —
можно б, конечно, и выше,
если бы жизнь не одна
нам отводилась Всевышним

в энном количестве дней,
может, тогда и нелишним
будет подумать о ней...

МАЙКУ НАУМЕНКО

Мразь — она по-своему первa.
Если разобраться, то не эти ль
особи родили добродетель,
как тепло — трухлявые дрова.
Если разобраться, мразь первa.

Значит, мразь по-своему важна.
В свете философского закона
должен жупел быть, коль есть икона —
как, к примеру, муж или жена.
Так что мразь по-своему важна.

Так что мразь по-своему нужна.
Чтоб хотя бы гавкать в телефоне —
и дала понять на этом фоне
добродетель, как она нежна.
То есть мразь по-своему нужна.

Та же мразь по-своему добра.
И не жаждет вашей смерти — глуп же,
кто перо спешит воткнуть поглубже
сломанного третьего ребра.
Всё же мразь по-своему добра.

А как мразь по-своему храбра!

Много ли охоты и у волка
вынести тавро такого толка
за пределы скотного двора?
Ну, а мразь по-своему храбра.

Также мразь по-своему бодра.
И откуда лишь берутся силы —
все б с такой охотой выносили
мусор из помойного ведра!
А вот мразь по-своему бодра.

Также мразь по-своему хитра.
Для неё не труд менять личину,
как впотьмах подсвечник на лучину,
но — до наступления утра.
Так вот мразь по-своему хитра.

Где-то мразь по-своему скромна.
И ничем себя не проявляет
до поры — и задом не вихляет
до темна, и лишь потом срамна.
Значит, мразь по-своему умна.

Значит, мразь, по-своему, не мразь.
У неё своя шкала — другая,
— размышлял чудак один, втирая
под ребро целительную мазь.
Как же: мразь, по-моему, не мразь.

Так вот: мразь, по-моему, не мразь.
Значит, мрази впору быть в сутане.
Но молчал зажаренный в сметане,
клюнувший на удочку карась.
Мразь — она, хоть в Африке, да мразь.

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Когда из всех шести чувств
лишь дно осталось —
и не чувство даже, а так —
усталость;
повинуясь её никакому ритму,
тянет в руки взять
не ружьё, так бритву.
Потому что плоть горяча
и упруга,
потому что вена накачана туго —
до давления, скажем,
сто двадцать на сто...
Тянет в руку бритву вонзить —
и баста!

ИГОРЮ ИРТЕНЬЕВУ

В выходной в три часа пополудни
я проснусь — как всегда — с бодуна
и, ни грамма не вспомнив про будни,
залюбуюсь на вид из окна
пуще, чем на пейзаж Левитана,
обалдев от земной красоты:
белый снег, как густая сметана,
облепил дерева и кусты!..
или — легкой рукой парикмахер
в пену взбил неподатливый лед?!..
Я, ей-богу, послал бы все на хер —

и всю жизнь проглядел напролет
в переплеты окон, буду гадом,
завязал бы с водярою! Ведь
это ж сколько прекрасного рядом —
надо только его разглядеть!
Впрочем... стоит ли так удивляться?
Как трудящийся набожный встарь
поминутно заглядывал в святцы,
я взгляну в отрывной календарь:
так и есть — почитай, третий месяц
на дворе и в природе зима...

Вот за это неплохо бы выпить —
Все ж-ки праздник какой-никакой!

МИХАИЛУ БУЛГАКОВУ

Чужие — от Матфея до Луки —
сны снятся еженощно телепату.
Бездомный ангел хлеб берет с руки —
вонзи ему меж крыльями лопату
без всяческой нужды, а просто так.
Но, впрочем, за представленное тело
получишь ты законный свой пятак
из кассы коммунального отдела
за вклад «в очистку улиц и дворов
подушно, поголовно и поштучно».
Желаешь быть здоровым? — Будь здоров,
в буквальном смысле слов, собственноручно!

И то — порасплодилось тут и там
отменных переносчиков заразы,
снующих за людями по пятам, —
в буквальном смысле вымученной фразы;
и нет от них покоя и житья,
достойного скрижали летописца.
ведь на подушках жестких «Жития»
не всякой голове покойно спится.
Грядет рассвет, прыщав и конопат;
с утра Светило, как от крови, ало...
Достало бы отточенных лопат —
а ангелов у нас всегда хватало.

ИГОРЮ КИО

Не так страшна зима,
как дочь её малюет
простым карандашом
на сморщенном листе.
Куда страшней постичь,
что нас никто не любит,
кроме отдельных лиц,
распятых на кресте.

Не так важна любовь —
как хочется обмана,
что ты не одинок
в периметре страны,
когда полулуна
выходит из тумана
и с этой, и с другой...
и с третьей стороны.

Не так нелеп мираж,
коль выпито изрядно
из чашечек весов
терпения и проч.
Ещё одна луна! —
да будь она неладна,
да здравствует хотя б
единственная ночь!

Не так заводит тьма,
как на три такта вальса
стучащие в висках
декады октября.
Факир опять был пьян,
и фокус не удался —
и жизнь не удалась,
по правде говоря.

Она не так длинна,
как кажется в начале
зимы, по счету
я забыл уже какой...
Давайте ж утолим
осенние печали —
и обретем,
хотя бы до весны,
покой.

ИВАНУ КРЫЛОВУ

Сперва был лес, в лесу была трава,
в траве резвились стре- и просто козы.
Он был не прав — она была права,
что жизнь одна — а в ней так много прозы.
И споры были их ещё не злы,
не доходя до ругани и крика,
покуда стре- и прочие козлы
обгладывали всё — включая лыко.

И лес усох — и спилен на дрова,
отдав долги земному притяженью.
И он был прав — она же не права,
что в жизни места нет стихосложенью.
И проку что бодаться до кровей —
и расточать эпитеты без толку,
покуда предпоследний муравей
несёт в свой дом последнюю иголку.

Ну вот и всё: завяла пастораль,
прошла любовь — а с ней и помидоры…
Что до морали — в том-то и мораль,
что ни-че-го не порождают споры,
кроме, пожалуй, собственно детей —
и я нетвёрдо подпишусь под этим —
за разницу пристрастий и страстей
приходится расплакиваться детям!

Одиночество

ОДИНОЧЕСТВО

Машеньке

Я один в этом Городе снега
с перманентною плесенью сажи,
где деревья стоят в макияже,
изрыгаемом жерлами труб —
и в тщете ежедневного бега
в точку Альфа из точки Омега
мельтешит в серо-буром коллаже
мой малиносвежеванный труп.

Я один в этом Городе ветра,
проходящего тело навылет —
как патрон, что единожды вылит,
но стреляет опять и опять
с расстоянья погонного метра —
что пластинка с заезженным «ретро»
нас на части все пилит и пилит
с оборотов числом «сорок пять».

Я один в этом Городе солнца
бутафорского в якобы небе,
где в насущных заботах о хлебе
не до зрелищ и игрищ уже —
и с дремотным прищуром японца

поутру из окошка в оконце
я гляжусь, где мерещится мне бе-
лый флаг на седьмом этаже.

Я один в этом Городе танцев
на мотив похоронного марша,
когда липкое месиво фарша
в идентичной сжимаешь руке,
а вокруг хороводы экс-агнцев,
превратившихся вдруг в иностранцев —
и, чем память становится старше,
тем короче нужда в языке.

Я один в этом Городе сплетен,
оседающих прахом на плечи,
где сосулек оплывшие свечи
по ночам обращаются в слух —
и при свете луны чуть заметен
слабый след серебристых отметин
от прямой ли, от косвенной речи
разроившихся в сырости мух.

Я один в этом Городе женщин —
тех, что ищут не старость, а кошку
в темной комнате, и понемножку
в тщетных поисках сводят с ума
тех, кто аналогично не вечен
и лавровым венцом не увенчан —
и кого уже тянет к окошку
крокодиловой кожи сума.

Я один в этом Городе окон
в разномастных решеток оправах,
что смешно на неправых и правых
делят нас от восьми до восьми,

как в проборе седеющий локон —
и, наверное, если бы мог он
говорить, возопил бы о нравах:
коль не бог, то хотя б черт возьми!

Позабытые сказки из детства —
когда вместо собачки и бабы
было самодостаточно жабы
земноводной, сиречь — неземной;
и от нервного ль с кем-то соседства
одиночество — верное средство?..
Я один в этом Городе — кабы
не была ты, дочурка, со мной.

БЕССОННИЦА

1.

Средь ночи, промеж трех и четырех —
когда бы и слепому стало ясно,
что по небу рассыпанный горох
считать и пересчитывать — напрасно,
пустая трата времени и сил,
мартышкин труд, сизифовы потуги —
ложишься на кровать, как на носил-
ки операционные — и дуги
надбровные, горячие как воск,
ладонью, не снимающей усталость,
массируешь — а вместе с ними мозг
(скорее то, что от него осталось).

Но потные объятья темноты
недолги, как падение кометы
все в эти же объятия — и ты
вновь начинаешь различать предметы
и слышать то, чего не слышишь днем:
торшер, комод — все как в обычной спальне,
еще будильник маленький — но в нем
как будто молот бьет по наковальне;
и каждый шорох громче во сто крат
кромсающего крейсер автогена
(а любопытно — что б изрек Сократ,
пробыв хоть ночь в халупе Диогена?).

И узнаёшь почти наверняка
неслышный шелест тараканьих лапок;
и чувствуешь, как левая рука
впотьмах сама нашаривает тапок —
и вот уже в затворе правой он;
и, получив с невидимого пульта
сигнал к атаке, в заданный район
выстреливает, точно катапульта...

2.

Настигнет смерть от раны ножевой
иль упадет на голову кирпич — но:
в природе — и живой, и неживой —
функционально все и гармонично!

ЗВЕРЕК ОДИНОЧЕСТВА

Наступили странные времена:
если раньше помнил я имена —
то теперь фамилии, а из всех
женских знаю имя одно — Она.

А она в краю, где угрюм ландшафт,
степи с облаками на брудершафт
хлещут радиацию через край
из пустых стаканов ракетных шахт.

Между нами если и не снега,
самый краткий путь — все равно дуга,
коли верить в это, Земля есть шар
голубой, как девушки у Дега.

Если верить также, что он велик —
правда, у меня нет прямых улик,
кроме окруживших меня болот,
в коих я погряз давно как кулик.

Малое подвижничество — и вот
налицо распущенность и живот,
выходящий вяло за рамки брюк.
Может, кто-нибудь в животе живет?

Может, одиночества там зверек —
я его холодной зимой сберег,
дым от сигареты вдыхая и
бегая за водкой в ночной ларек.

Забывая то, что я сам мишень
(хоть и не косая в плечах сажень)

для микробов, гриппа и ОРЗ,
я покупал в том ларьке не жень-шень.

Впрочем, я с рецептами не знаком.
А вот не мешало бы дверь замком
новым и звонком оснастить еще б,
чтобы он звонил — все равно по ком.

В каждом доме сотня дверей-прорех —
я запал в одну из них, как орех
сквозь дыру карманную за подклад.
Мне б оттуда выпасть — но это грех.

Падают опять-таки из окон —
подтверждая этим вечный закон
притяженья тела к земной коре,
но на то и есть под окном балкон.

А причем, в конце-то концов, окно?
Я вот помню случай: давным-давно
жил один шутник — и, женившись, он
взял себе смешное имя Оно.

НА ОДНУ ПЕЧАЛЬНУЮ ДАТУ

Годовщина прошла незаметно —
без звонков, телеграмм и застолий —
в суете ежедневных делишек
(чтобы не осквернять слова «дел»).
Я в долгу, как в шелку — а конкретно,
должен полмиллиона пистолей —
и не светит мне нынче излишек,
на который бы я загудел.

А хотелось, однако, отметить
в меру сил эту скромную дату:
подвести кой-какие итоги,
отчитаться за прожитый год,
обнародовать творческий метод —
коим я написал «гайавату»,
подчеркнуть безударные слоги
в стихотворных прогнозах погод.

И хотелось отметить помимо
то, что как-то упало — пропало
(как фактический минимум — на год,
но сдается — уже навсегда),
в закоулочках Древнего Рима,
на крутых перевалах Непала,
в лабиринтах мечетей и пагод,
не оставив живого следа.

Да отметить еще не мешало б
то, что опыт нас горький не учит
ничему — и надеемся снова
мы на вечное наше «авось»:
и, как в грязном кафе «книгу жалоб»,
вещмешок распирает и пучит
новый груз непечатного слова —
что с делами расходится врозь.

НАБОЛЕВШЕЕ

Холодный зимний вечер за окном,
слегка знобит. Пойду, согрею чаю...

И вдруг опять подумалось о том,
что с каждым днём всё чаще замечаю,
как все мы друг от друга далеки
в лесу из транспарантов «люди — братья!».
Пустые телефонные звонки,
дежурные рукопожатья:
пожмёшь ладонь — не чувствуешь тепла,
ответишь в трубку — а тебя не слышат.
Невидимые стены из стекла,
такие же невидимые крыши.
Ложишься спать и — будто невзначай —
заметишь вдруг, что н и к о м у не нужен...

Иду на кухню пить с малиной чай —
я нездоров, я третий день простужен.

Взгляд за горизонт

ОДНА ДОГАДКА

Поднимусь летним днём на чердак,
выйду тихо на плоскую крышу.
Кто-то, может быть, скажет: «Чудак!»,
я с такой высоты не услышу...
Город — как на ладони — окрест,
я вершина — и нет меня выше!
«Сорок метров — каков “эверест”!» —
скажет кто-то, но я не услышу...
И у самого края перил
гляну вниз — и отпряну небыстро...
Я не слышу, ведь я говорил!

...так случаются самоубийства.

НА ПОМИН ДУШИ ЕФИМОВА ЕВГЕНИЯ

Кто-то свесился за подоконник
в санузле — и блюёт, как свинья.
В «девятнадцатой» снова покойник —
слава Богу, что снова не я.
Кто-то выставил левую ногу
и окно подпирает плечом.

Видно, тоже готовится к Богу
на свиданье, успешно причем.

Завтра стукнет два месяца ровно,
как и я в этой каше варюсь.
Я уже не боюсь докторов, но
ведь — кого-то я всё же боюсь?
Неужели, всё так вот банально:
жил да был за стеной человек —
и слова все буквальны буквально,
как вещественен Вещий Олег.

«Сколько было ему?» — «Тридцать восемь».
(Кстати, мне-то пока тридцать семь.)
Завтра лето, а там уж и осень
жёлтой ручкою сделает всем,
а за нею — зима с Новым годом,
если сердце и память не врёт...
Доползти б уж до них своим ходом
книзу ножками — а не вперёд.

25 ИЮЛЯ 1994 ГОДА

на смерть Высоцкого и рождение Шукшина,
моей бывшей жены и некого Кухаренко

Когда чешуей перламутра
уляжется вьюг круговерть,
в одно непрекрасное утро
придет и ко мне моя смерть —
еще моложавая дама,
беззубая не по годам —
и я ей остатки агдама
в немытом стакане подам.

И выпьет она и закусит
съедобной еще колбасой,
и вымолвит: «Ты в моем вкусе!»,
и острой, как бритва, косой,
еще не примерившись к вые,
щекотно пройдет по ушам...
И, может, лишь с нею впервые
смогу поболтать по душам:
о жизни, о Боге, о детях;
о ценах на хлеб и вино —
тогда и теперь; и об этих
осинах, глядящих в окно;
о странном хозяине рекса
в болоньевом синем плаще;
о полном засилии секса
в печати, в кино — и вообще;
о видах на рожь и погоду;
о рожах, засевших в Кремле;
о моде на старую моду;
о том, есть ли жизнь на Земле;
о завсегдатаях завзятых
зятьев государственных бонз;
об идолах шестидесятых —
о «битлзах» и «роллинг стоунз»;
о призраках и полтергейсте;
о сбитом в Туве НЛО;
о том, как непросто жить вместе,
да и одному — тяжело;
о плюсах и минусах брака;
о вещем характере снов;
о новом лекарстве от рака
из желчи индийских слонов;
о роли банального фарта
при выборе карт и жены;
о технике низкого старта;

о жертвах холодной войны;
о демократичности юбки
в быту — не в пример пиджакам;
о верке, о надьке, о любке,
сбежавших к другим мужикам;
о вечной загадке Джоконды;
о роще за дальним жнивьем;
о странной любви анаконды —
заглатывать пищу живьем;
о язве желудка, о боли
зубной; о структуре песка
сахарского; и о футболе
вчерашнем «Спартак — ЦСКА»;
о пользе курения травки;
о вреде ходьбы босиком;
о Фрейде, о Ницше, о Кафке
и Клавке — да мало ль о ком! —
о раннем и позднем Пикассо,
о Бродском, Тарковском, Дали;
о тактике первого паса;
о фильме «Летят журавли»;
о третьей симфонии Шнитке;
о дриблинге Павла Буре;
о джинсах, протертых до нитки
о лавку в соседском дворе;
о кризисе стиля и жанра
повсюду — у тех же воров;
о твердости твердого шанкра;
об энергоемкости дров;
о шахе иранского шейха;
о трахе — с резинкой и без;
о золоте третьего рейха —
и долларах КПСС;
о Штирлице, Петьке и Анке;

о термине «матриархат»;
о дрязгах на той же «Таганке»,
давно переплюнувшей МХАТ;
о новой прическе Мадонны
с младенцем — и той, и другой;
о спорном голе Марадоны,
забитом в «девятку» (рукой?);
о грусти по времени хиппи —
о фишках на «лэвис» и «лии»;
о новом бутусовском клипе,
зовущем сидеть на мели;
о Ветхом и Новом завете
учиться ходить по воде;
о метафизическом лете,
живущем неведомо где;
о прелестях зимней рыбалки
и летней — когда на троих;
о сходстве вороны и галки —
потом о различии их;
о верескаx и баобабах —
как лучшем сырье для бума-
жных змеев; и снова о бабах —
как способе спрыгнуть с ума;
об архитектуре уборных;
о мебели в стиле «ампир»;
о шахматах — белых и черных;
и о планировке квартир;
о крышах мечетей и пагод
в Стамбуле, Баку, Киото;
и о вероятности за год
хоть раз угадать в «спортлото»;
о вкусе грузинского чая,
бразильского кофе; и о
возможности лгать, отмечая
свободу превыше всего;

об уоттергейтском скандале
в разрезе отдельной страны;
о том, что у каждой медали,
как водится, две стороны;
о буме вязанья на спицах;
о крови, залившей экран;
о старых — и новых границах;
о формах ракеты «Буран»;
    о мягких и жестких посадках;
    о функциях гландов и век;
    о месячной норме осадков —
    что выпала в прошлый четверг;
    о мудрости и об огрехах
    природы, присущих клопу;
    о качествах, скрытых в орехах —
    включая и их скорлупу;
о ценностях — истых и мнимых;
о модном спектакле «Серсо»;
о транссексуалах; о мимах —
помимо Марселя Марсо;
о промахах тайных и явных
Минфина, МБ, МВД,
МО; о посылках халявных;
о засухе в Улан-Уде;
    о слете фашистов в Казани,
    грозящих пока рукавом
    закатанным; и о дизайне
    «литовочки» — как таковом;
    о Риге, о Григе, о Грине;
    о моющем средстве «ассоль»;
    о новой военной доктрине;
    о вкусах на сахар — и соль;
о пиве — хорошем и разном —
и разной к нему ерунде;

о жидком и газообразном —
оружии, стуле, воде;
о белом и красном портвейне;
о способах гладить белье,
коль нет утюга; и о вене —
во всех ипостасях ее;
    о следствиях ига Мамая;
    о рыночном курсе Петра;
    о празднике Первое Мая
    (как поводе выпить с утра),
    который теперь отменили;
    о спросе на Гжель и Касли;
    о старом и добром «виниле» —
    на коем мы буйно взросли;
о красно-коричневом путче;
о новой модели «пежо»;
о том, что с машиною лучше —
но и без нее хорошо;
о целях и способах драки;
о том, что же есть «мумиё»;
о грубости каждой собаки —
а вслед о причинах ее;
    о западном уровне жизни;
    об уровне наших зарплат;
    о тысяче способов из ни-
    чего приготовить салат;
    о выборах в новую Думу;
    о выборе водки в «комке»;
    о том, во что вылетит ГУМу
    не год — только день на замке;
о грязных ножей икебане
в стилистике «кухонный панк»;
о приватизации бани —
с преобразованием в банк;

о вечном отсутствии денег —
равно как любви и жилья;
о стрижке занятной «под веник»,
что ныне в чести у жулья
с неправильной формой затылка,
где вроде бы должен быть мозг...
И — сходим за третьей бутылкой
в ближайший от дома киоск,
а после четвертой... и пятой.
Сломавшись, моя визави
на скатерти, грязной и мятой,
задремлет — зови, не зови —
глубоким (буквально мертвецким)
и праведным сном, как дитя —
под черепом вдруг по-турецки
две кости, как шпаги, скрестя —
бо крылышки ангельской пташки...
И я, закусив... удила,
в последних штанах и рубашке
(почти что в чем мать родила)
и в валенках на босу ногу
сумею соблазн превозмочь —
присесть, как всегда, на дорогу —
и выбегу в темную ночь,
оставив в прихожей записку
в три слова: «Ушел на войну...»
И — вновь поменяю прописку.
И, может, её обману.

ПОХОРОННЫЙ ВАЛЬС-С

(пародия на известную песню группы «Чай-Ф»)

Для чего я глотаю муру,
что мне врач прописал участковый?
Бес попутал, и я сгоряча
все рецепты его оплатил.
Всё одно я когда-то умру,
и налёт на лице известковый
с головой выдаст собственный вес
тех таблеток, что я проглотил.

Я лежать буду в красном гробу
в наспех купленном чёрном костюме,
галстук серый дополнит наряд,
каковой отродясь не носил.
И три тонких морщины на лбу
углубятся в загробной же думе,
ведь при жизни они говорят
о наличии умственных сил.

И слегка приоткрывшийся рот
обнажит пожелтевшие зубы
и две фиксы стальные вверху,
что и в жизни-то были грубы.
Лучше было б уж наоборот:
кабы были те фиксы внизу — бы
незаметнее было их у
фиолетовой нижней губы.

А стрелой заострившийся нос
прорастёт как весенний картофель —
только вместо обычных глазков
из него заторчат волоски.

И, застывший как глупый вопрос,
мой отнюдь не классический профиль
довершён будет парой мазков
седины, убелившей виски.

И в синеющих пальцах моих
будет краешек виден иконки —
или, может, какая свеча
(я в обрядах таких ни бум-бум).
Только руки, держащие их,
так же будут подчёркнуто тонки
в лапсердаке с чужого плеча —
от размеров его наобум.

Разразится какой-нибудь жлоб
надо мною фальшивою речью.
Будь последняя воля — моя,
запретил бы я речи совсем!
Вот когда меня спросят ТАМ в лоб
за грехи мои — сам и отвечу.
Пусть решает господь: где же я
пребывать буду, мучиться с кем.

Только он это может решить:
или райского облака вата,
или адского пламя котла
ждет меня — я готов дать ответ.
Впрочем, мог бы ещё и пожить...
Помирать нам пока рановато —
есть у нас ещё дома дела,
хоть и дома фактически нет...

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Как вниз неприятно смотреть,
но — тянет и тянет к окошку...
А жаль, что нельзя умереть
на время, шутя, понарошку.

Ужо бы забегали вы,
заохали и загалдели:
какой человек был, увы,
да как это мы проглядели?!

Вот так вот жуем и живем,
печемся о неграх в Марокко —
а люди сгорают живьем
у самого бока до срока!

А мы всё глядим за бугор
и, жадно прильнув к папиросе,
тревожный ведем разговор
о землетрясеньи в Лаосе.

Какое нам дело вообще
до неурожая в Камбодже —
как будто бы мало вещей
волнует нас дома. Но вот же:

всё курим и курим табак,
и (не забывая побриться)
жалеем бездомных собак,
и строим скворечники птицам,

и даже упавший забор
ласкаем сочувственным взглядом,

но — не замечаем в упор
того, кто живет с нами рядом:

того, кто как перст одинок,
заброшен, забыт и не понят,
того, кто до нитки промок —
того, кто фактически тонет

в забвенья холодной воде,
накрытый волной равнодушья,
того, кто оставлен в беде
один умирать от удушья!

Смотрю в полуночную мглу
и вижу: я снова мальчишка...
Как мне одиноко в углу —
я снова написал в штанишки.

* * *

В небе незнакомая звезда
светит, словно памятник...
Из песни

Сорок лет ожидания повода —
и фрагмента траншеи.
И длина, и сечение провода
подходящи для шеи.
Вновь звезда незнакомая падает,
становясь незаметней...
Лишь надежда — что все-таки радует —
умирает последней.

КОГДА. . .

Когда глухая канонада пушек
по всей земле умолкнет наконец...
...и в небеси, на море и на суше
настанет рай, как завещал Творец;
когда грехи исчезнут и пороки
и выйдут сроки камни собирать;
когда вконец уставшие пророки
от пьянства перестанут умирать;
когда поймут, что сказано когда-то
неистинно, что истина в вине,
и отпоют последнего солдата,
погибшего от пули на войне;
когда прозреют ушлые проныры,
усвоив, что всему мерило стыд;
когда заткнут озоновые дыры
и скопом одолеют рак и СПИД;
когда не будут составлять дилеммы
духовный и технический прогресс;
когда решат жи-личные проблемы
без противозачаточных чудес;
когда не станет лжи во зло на свете
и лгать во благо будет не резон;
когда совсем не будут плакать дети,
под Пасху увидав несладкий сон;
когда придут без комплексов мессии,
что в этот час сосут тугую грудь,
и, даст-то Бог, несчастная Россия
во тьме обрящет свой (особый) путь;
и по весне всё так же будут реки,
как прежде, выходить из берегов;
и на виду в любой библиотеке
лосниться будет том моих стихов;

и чуть добрей друг к другу станут люди,
и будет жить приятно и легко!..
...вот только жаль: меня уже не будет —
тогда уже я буду далеко...

Стихи, навеянные личностью и творчеством Владимира Мишина

* * *

Не понимает мой разум и ропщет,
Сердце трепещет, как лист на ветру...
Я по тропинке кладбищенской рощи
Скорбно пройду, над могилой замру.

Старый, седой, бородою заросший,
Силюсь не рухнуть в тоску, как в дыру.
Не догадался махнуть поутру
Водки грамм двести — все было бы проще,

Чем на сухую общаться с тобою.
Память аукнулась болью тупою:
Как, бедолага, решился шагнуть

В пропасть, стремясь развязаться с морокой?!
И ускользнул от друзей, словно ртуть.
Но не от Бога ведь!.. Нет, не от Бога...

ОБЕТ

Владимиру Мишину

Не родственник я графам монте кристо.
Не брат, не сват и даже не сосед.
Но я, Володя, Богу дал обет:
Все сделать для того, чтоб ты был издан.

Никто меня на слове не ловил,
И многим это даже странно как-то.
Зачем ему, мол, для другого надо
Растрачивать свои запасы сил?

А я не для другого — для себя.
И, пусть простят за пафос, — для народа.
Ведь истинный талант — всегда свобода,
Путь к господину духа от раба.

Не весело с протянутой рукой
Ходить по чужеродному мне кругу
И видеть на казенных лицах скуку
С недоуменьем вкупе: кто такой,
Что за талант, не изданный при жизни?
Не безразмерен, дескать, каравай.
К тому ж при нынешней дороговизне
Не мало надо!..

Но не унывай,
Володя, эту стену прошибем.
Просить не для себя не стыдно вроде.
А главное — с тобою Бог, Володя.
Я верю: выйдет не брошюрка — том
Под именем твоим.
Ты прорастешь,

Сквозь пестрый мусор нынешних кумиров,
Которые стремятся править миром,
А насаждают пустоту и ложь.

Так мир устроен.
Промысел Господний
Нам в целом не дано понять. И все ж
Пускай поздней — не сразу, не сегодня, —
Но лик проявится на фоне рож!

ПРЯТКИ

Памяти Владимира Мишина

Вроде было все в порядке:
Не раздетый, не босой.
Но сыграть решил он в прятки
С дамой, что всегда с косой
Появляется в последний
Час...
Зачем позвал ее?
Ходят сплетни или бредни,
Что ему житье-бытье
Стало хуже горькой редьки.
Дескать, выдался расклад —
Даже жизнелюбец редкий
К Богу б захотел назад.

В общем, начали. На свете
Нет, казалось бы, угла
Недоступного для смерти

И она б везде нашла,
Но он спрятался за музу
И замедлил поступь зла.
Потому, как шарик в лузу,
Смерть его не загнала.

А потом галить он начал.
Страстно, тщательно искал.
И нашел. Не хитро прячась,
Смерть устроила привал
Под балконом дома, где он
Был.
Двенадцатый этаж.
За спиной стоящий демон.
И не высший пилотаж.

Помощь скорая, палата.
Голос тихий: «Сам я… сам».
Гроб. Веревки и лопаты.
И посмертный фимиам.

Вот и завершились прятки.
Муза очи промокнет.
А со смерти взятки гладки.
Дел у ней невпроворот.

Владимир Зюськин

* * *

Вечер добрый. На ваши звонки
Отвечать будет автоответчик…
Владимир Мишин

Надоело шумное вече.
Надоели в душе холода.
Я ушел. Даже автоответчик
Вам не сможет сказать: куда.

Я проверил: время не лечит,
И в реке — все та же вода.
И все то же стихийное вече,
И вселенские холода.

* * *

Поэт в России — больше, чем поэт! —
Но — меньше, чем электрик или дворник.
Владимир Мишин

Все меньше наших остается —
Такая жизнь, что не поется.
В железной клетке — что за «жисть»?
Чуть-чуть воды, немного проса,
Осколки вечного вопроса:
«Быть иль не быть?»
...Родной, держись!

Мы полетим, расправив крылья!
Мы воспарим!.. Но от бессилья
Нам не достанет ни стихов, ни слов.
Мы рухнем вниз — в стальные воды —
Цена любви, цена свободы...

...Нас дворник подметет —
И всех делов.

Евгений Лобанов

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Зюськин
ЩЕМЯЩАЯ ИРОНИЯ 3

СЛЕПОЙ ЖОНГЛЕР

Незваный гость

ПСЕВДОПАРОДИЙНОЕ 12
СЕГОДНЯШНИЕ ЗАБОТЫ 13
ХРИСТОС СКАЗАЛ... 14
БРОДЯЧИЙ ЦИРК 15
КОНФЕТЫ «ДУНЬКИНА РАДОСТЬ» 17
37-Е ДЕКАБРЯ 18
ТЕЗИСЫ К АВТОБИОГРАФИИ 20
НЕВЫДУМАННЫЙ ДИАЛОГ
С ВЫМЫШЛЕННЫМ ПЕРСОНАЖЕМ 22
ЭКСПРОМТ О ВЕЧНОМ 24
СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ 24

В унисон природе и погоде

ВНЕЗАПНАЯ ЗИМА 26
Ночью выпал негаданный снег 27
СВИФТОВСКИЙ МОТИВ 28
ФЕВРАЛЬСКИЙ СОН 29

МЕЛАНХОЛИЧЕСКОЕ 31
МЕЖДУ 22 И 31 ДЕКАБРЯ 32
ПОГРАНИЧНЫЕ СТИХИ,
ОБОРВАННЫЕ СМЕРТЬЮ ВЛАДА ЛИСТЬЕВА 33
НОЧНЫЕ МАНЕВРЫ 34
РАННЯЯ ВЕСНА 35
ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕМБЕЛЬСКОЙ ВЕСНЕ 37
ЭКОЛОГИЯ ПО ПЯТНИЦАМ 37
ЭКОЛОГИЯ ПО ВОСКРЕСЕНИЯМ 38
ЭКОЛОГИЯ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ 39
ОЧЕРЕДНАЯ ФАНТАЗИЯ 40
Обнажился асфальт под обширными язвами снега... 40
НАШЕСТВИЕ 41
КАНУН КАЛЕНДАРНОГО ЛЕТА 43
ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 2000-ГО 44
ВЯЛОТЕКУЧЕСТЬ 45
БАБЬЕ ЛЕТО – 95 47
ДОЖДЬ 48
ОСЕННЯЯ УТОПИЯ 49
ОСЕННИЙ ЭТЮД В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ 50
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ 51
Ничего не попишешь – а и о чём в октябре писать... 53
ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ 53
ЗАРИСОВКА 54
Сугроба придорожного муар... 56
Вот и всё. Начинается проза... 56

По направлению к Бродскому

НА СМЕРТЬ ИОСИФА БРОДСКОГО 58
ПЕЧАЛЬНАЯ СКАЗКА ПРО ЖИЛИ-БЫЛИ,
или «недоброй» памяти Довлатова и Бродского 60
ГОД БЕЗ БРОДСКОГО 64

О ГРУСТНОМ С НАДЕЖДОЙ 67
О ЧЁМ-ТО ВАЖНОМ 68
ОСЕНЬ 69
О ВЕЩАХ ПРОСТЫХ – ВПОЛНЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ 71
ПОПЫТКА СКОРОТАТЬ ВРЕМЯ 72
МЫСЛИ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ 74
Кругозор из окна все заметней сужается... 76

Взрослые игры

ВЕНЕРА 77
ЯВЛЕНИЕ В АЭРОПОРТУ 78
ДОРОЖНАЯ ПРИТЧА-БЫЛЬ 79
НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС 82
ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ 83
ВНЕСЛУЖЕБНЫЙ РОМАН-С 84
ПОЛНОЛУНИЕ 85

Утраченные иллюзии

ЗАГАДКИ С ОТГАДКАМИ 87
К НИКЕ 88
ПРЕДЧУВСТВИЕ СКОРОЙ ЗИМЫ 90
НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА К Е. В. 91
ГЛУХОЙ ТЕЛЕФОН 95
ПРИМЕТА 97
ЗВАЛАСЬ ОНА ЕЛЕНОЙ 98
ОСЕННИЙ МОТИВ 99
Ты меня вспоминаешь ещё?... 100
В ЧАС П И К 100
РАЗВОД 101
ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕТЕ 102

Ночные мысли

РАЗГОВОРЫ ЗА ПОЛНОЧЬ 103
ЗАБЕГ НА ДЛИННУЮ ДИСТАНЦИЮ .....
С ЯЗЫКОВЫМИ БАРЬЕРАМИ 104
НОЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ 105
НОЧНОЙ ПЕРЕКУР 106
НОЧНЫЕ МЫСЛИ 107
ЭТО БЫЛО, БЫЛО... 108
МЕТАМОРФОЗА 110

Аксиомы

МИНИ-ОДА КОЛЛЕКТИВИЗМУ 111
ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ 112
РЕБЕНОК ПЛАЧЕТ 113
ФОРМУЛА КОШКИ 114
К ВНУЧКИНЫМ ДЕДУШКАМ
ХОРОШИМ И РАЗНЫМ 116
В ПРЕДДВЕРИИ АПОКАЛИПСИСА 117
МАНИФЕСТ ЗАКОРЕНЕЛОГО ХОЛОСТЯКА 119
УХОДЯ – УХОДИ 121

Аксиомы от поэзии 125

Свободное течение мыслей

КОКТЕЙЛЬ 128
ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ 130
СВОБОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ МЫСЛЕЙ 131
ХАНДРА 133
ВЫКИДЫШ 134
РЕЧЬ ОБ УШЕДШЕМ ПОЕЗДЕ 135

ЭПИЛЕПСИЯ 136
ЧЕРНОВИКИ 137
ЕКАТЕРИНБУРГ – СВЕРДЛОВСК – ЕКАТЕРИНБУРГ 138
МЫСЛИ О ПАРИЖЕ 140
КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ 144

Числа и даты

А ВРЕМЯ ЖИЗНЬ ОТСЧИТЫВАЕТ ВСПЯТЬ 148
НА ДВЕ РАЗЛИЧНЫХ ДАТЫ 148
ИЗ ПРЕДНОВОГОДНЕГО ШОП-ТУРА 150
ВТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ 151
НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ 151
НА 40-ЛЕТИЕ ЖЕНЫ
СОСЕДА ПО ПАЛАТЕ 152
О БЕДНОЙ ДЕВЯТКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО! 153
ЭТИМОЛОГИЯ С АРИФМЕТИКОЙ 155

Служу Советскому Союзу

Я БЫЛ ВОЙСКОВЫМ ПОЧТАЛЬОНОМ 157
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕБКЕ 158
ДРУЗЬЯМ ПО ШЕПЕТОВСКОЙ УЧЕБКЕ 159
«ПОЛЁТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ» 1978 ГОДА 160
19 МАЯ 1979 ГОДА 161

Эротомания

СЕРАЯ ЗАВИСТЬ 163
Весна со мной прощается слезами... 164
ВЕСЕННЯЯ ОХОТНИЧЬЯ 165
ВЕСЕННЯЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ 167
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ 168
СЛЮНИ 169

ПОЛУТОРАТЫСЯЧЕМИНУТНАЯ СЛАБОСТЬ 170
ПРЕФЕРАНС ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ 171
ШЕСТЬ МИНУТ 171

Разговоры с близкими

НА ПАРУ С КОШКОЙ 173
ПОД СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД,
или ОДА РАБОЧЕМУ КЛАССУ 174
К ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА 175
Как ни странно, но — хочется жить 177
ПАЛАТА № 313 178
В БОЙ ИДУТ ОДНИ СТАРИКИ 179
ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ 180
ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ,
ДЕЛАТЬ БЫЛО НЕЧЕГО 181
СИНЬКОВУ 183
СУПЕРМЕН 184
НА СТОЛЕ ЗАПИСКА 189
ТВОРЧЕСКИЙ ДИСПУТ 190
БЕЗЫМЯННАЯ СТЮАРДЕССА 190
ДА ОБОЙДЕТ ТЕБЯ ЗАВИСТНИКОВ ХУЛА! 192
ДАЙ НАМ БОЖЕ! 193
НОВЕЙШАЯ ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ 194

Стервониада

ЗАГАДКА 200
ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ 201
ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ 202
ПРО СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ 204
Нам давно надо было расстаться... 205
СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ 206

ХОТЕЛОСЬ БЫ... 208
ПИСЬМА К ЗНАКОМОЙ НЕЗНАКОМКЕ 209

Час крысы

БЕСПРЕДЕЛ 223
Вьюга белая в банный день... 224
ИНСПЕКТОР ГАИ 225
ВОЙНА? 227
ВОРОН И ЛИС 227
КРЫСЫ 228

Стенка справа, стенка слева...

СЧИТАЛОЧКА 231
СЛУЧАЙ НА ВОКЗАЛЕ 232
ТИПИЧНО МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ 233
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА АЛКОГОЛИКА ПАВЛОВА 234
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНОЛОГ ДОНОРА 236

Мой целитель и ценитель

СОННОЕ ЦАРСТВО 238
В ОЖИДАНИИ ДОЧЕРИ 239
РАЗГОВОР 241
ВЕСЕННЯЯ ЛИРИЧЕСКАЯ 243
ДОЧЕРИ 244
ЖДУ «АЛЛО» 245
СЛУХОВАЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ 246
ПРОСТИ, ЧТО ПРИПОЗДНИЛСЯ 247
МОЙ ЦЕЛИТЕЛЬ И ЦЕНИТЕЛЬ 248
ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ 249

Почти шизофрения

ПОЭЗИЯ 252
ПРОГУЛКИ В ПРОШЛОЕ 256
ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ 258
ЗАБОЛЕВШЕМУ СОБРАТУ ПО ЦЕХУ 259
КАРА 260
НА ВОКЗАЛЕ 261
ИЗ НИЧЕГО 262
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? 263
ЗНАКОМОМУ ХУДОЖНИКУ 264

Самоирония

ЗНАКОМСТВО ПО ПЕРЕПИСКЕ 266
РИСК – БЛАГОРОДНОЕ ДЕЛО 267
НА ОЧЕРЕДНОЙ ПОСТРИГ 268
ФАНТАЗИЯ НА СКОЛЬЗКУЮ ТЕМУ 269
НАРЦИССИЗМ 270

Сны

«ДЕДУШКИ В КРЕМЛЕ» 272
БАЛЛАДА О НАВОЗНОМ ЧЕРВЯКЕ 274
БЫТОВАЯ ЗАРИСОВКА 277
АВАРИЯ,
или Цветной сон-быль 278
СКАЗКА О ПТИЦЕЛОВЕ И ПТИЦЕ 279
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ МИСТЕРИЯ 280

С чужого голоса

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ РОССИЙСКОГО КОВБОЯ 283
ТЮРЕМНЫЙ РОМАН-С 285

ПОХМЕЛЬНАЯ АБРАКАДАБРА 287
ПОСЛАНИЕ К Е.Л. 289
БЫВШЕЙ СОКУРСНИЦЕ 289
О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ 291
ПРО КУРСЫ КРОЙКИ И ШИТЬЯ 292
СКАЗКИ СВЕРДЛОВСКОГО МЕТРО 293

Из цикла «с миру по строчке» 295

Жизнь замечательных людей

ИЛЬЯ РЕПИН 299
КОНСТАНТИН СТАНИСЛАВСКИЙ 300
ВАСИЛИЙ ПОЛЕНОВ И АЛЕКСЕЙ САВРАСОВ 300
ЭДУАР МАНЕ И КЛОД МОНЕ 300
НИКИТА МИХАЛКОВ 301
ФИЛ И БИЛЛ 301
МАКСИМ ГОРЬКИЙ 302
НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ 302

Нетрезвые посвящения

АЛЕКСАНДРУ БАШЛАЧЕВУ 303
АНАТОЛИЮ КАШПИРОВСКОМУ 304
ФРАНЦУ КАФКЕ 305
ГОРБАЧЕВУ-ЕЛЬЦИНУ 306
ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ 307
АЛЬФРЕДУ ХИЧКОКУ 309
ЮРИЮ ШЕВЧУКУ 310
ЕВГЕНИЮ МАТВЕЕВУ 311
АЛЬБЕРТУ ЭЙНШТЕЙНУ 312
ИВАНУ МИЧУРИНУ 313

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ 314
ШАРЛЮ ЭДУАРУ ЛЕ КОРБЮЗЬЕ 315
АРМЕНУ ГРИГОРЯНУ И ГРУППЕ «КРЕМАТОРИЙ» 317
НИКОЛАЮ ГОГОЛЮ 318
АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ 319
СЛАВЕ БУТУСОВУ
И ФАНТОМ-ГРУППЕ «НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС» 321
ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ 322
ЧИЖУ (СЕРГЕЮ ЧИГРАКОВУ) 323
МАЙКУ НАУМЕНКО 325
ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ 327
ИГОРЮ ИРТЕНЬЕВУ 327
МИХАИЛУ БУЛГАКОВУ 328
ИГОРЮ КИО 329
ИВАНУ КРЫЛОВУ 331

Одиночество

ОДИНОЧЕСТВО 332
БЕССОННИЦА 334
ЗВЕРЕК ОДИНОЧЕСТВА 336
НА ОДНУ ПЕЧАЛЬНУЮ ДАТУ 337
НАБОЛЕВШЕЕ 338

Взгляд за горизонт

ОДНА ДОГАДКА 340
НА ПОМИН ДУШИ ЕФИМОВА ЕВГЕНИЯ 340
25 ИЮЛЯ 1994 ГОДА 341
ПОХОРОННЫЙ ВАЛЬС-С 348
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РЕМИНИСЦЕНЦИЯ 350
Сорок лет ожидания повода... 351
КОГДА. 352

Стихи, навеянные личностью и творчеством Владимира Мишина

Не понимает мой разум и ропщет... 354
ОБЕТ 355
ПРЯТКИ 356
Надоело шумное вече. 358
Все меньше наших остается 358

Составитель и главный редактор — Владимир Зюськин.
Редактор и корректор — Ольга Останина.
Дизайн и верстка — Константин Зюськин.
Дизайн обложки - Юлия Решетникова.